

ОБРЕЧЕННЫЙ НА БЕССМЕРТИЕ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

САГА О КОРОЛЕ ДАНИИЛЕ

ЧАСТЬ 1 НА ПОРОГЕ РАБСТВА

ГЛАВА 1 ПРОРОЧЕСТВО

ГЛАВА 2 СЫНОВЬЯ

ГЛАВА 3 СТРАШНЫЕ РАССКАЗЫ

ГЛАВА 4 ЮНЫЙ КНЯЗЬ

ГЛАВА 5 ТРИЗНА

ГЛАВА 6 ДВОЙНИК

ГЛАВА 7 СТРАННЫЙ СОН

ГЛАВА 8 У ВЕНГРОВ

ГЛАВА 9 ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

ГЛАВА 10 ДИВО

ГЛАВА 11 ПОЛЕ БИТВЫ

ГЛАВА 12 ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

ГЛАВА 13 ЛЕГЕНДА О ПТИЦЕ ФЕНИКСЕ

ГЛАВА 14 ЧЕЛОВЕК И ЗВЕРЬ

ГЛАВА 15 НЕРАВНАЯ СХВАТКА

- ГЛАВА 16 РАССКАЗЫ ОБ АЛЕКСАНДРЕ
- ГЛАВА 17 КНЯЖЕСКОЕ СЛОВО
- ГЛАВА 18 АДСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
- ГЛАВА 19 СЛУХИ О ТАТАРВЕ
- ГЛАВА 20 СТРАШНЫЙ СОН
- ГЛАВА 21 НА РАЗВАЛИНАХ КИЕВА
- ГЛАВА 22 РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕСА
- ГЛАВА 23 НЕЧИСТЫЙ СУД
- ГЛАВА 24 ПРИГОВОР
- ГЛАВА 25 ВОЗВРАЩЕНИЕ

ОБРЕЧЕННЫЙ НА БЕССМЕРТИЕ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

ЧАСТЬ 2 ВОССТАТЬ ИЗ ПЕПЛА

- ГЛАВА 1 СОНАТА СКОРБИ
- ГЛАВА 2. БЕС ОБ АЛЕКСАНДРЕ
- ГЛАВА 3 В ГАЛИЧЕ
- ГЛАВА 4 ВОЙСКА ЛЯХОВ
- ГЛАВА 5 ДУРНОЙ ЗНАК
- ГЛАВА 6 БРАНЬ
- ГЛАВА 7 ЖЕНИТЬБА
- ГЛАВА 8 ПЕРЕВОСПИТАНИЕ
- ГЛАВА 9 КНЯЖЕСКИЙ ДВОЙНИК
- ГЛАВА 11 ПРИНЦЕССА-НЕВЕСТА
- ГЛАВА 12 ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЬКА
- ГЛАВА 13 БЕСКОНЕЧНЫЙ СПОР
- ГЛАВА 14 БРОШЕННАЯ
- ГЛАВА 15 КРОВАВЫЙ ПИР
- ГЛАВА 16 РАССКАЗЫ О БАТЫЕ
- ГЛАВА 17 ТЕНЬ ОТЦА
- ГЛАВА 18 НОЧНАЯ БЕСЕДА
- ГЛАВА 19 ОДИНОЧЕСТВО
- ГЛАВА 20 СНОВА ВЕСТИ О БАТЫЕ
- ГЛАВА 21 УСЛУГИ БЕСА
- ГЛАВА 22 СЫН
- ГЛАВА 23 СНОВА ПТИЦА ФЕНИКС
- ГЛАВА 24 ПОДАВЛЕНИЕ МЯТЕЖА
- ГЛАВА 25 ПОХОД К БЕСЧЕСТИЮ

ЧАСТЬ 3 ДОРОГА В НИКУДА

- ГЛАВА 1 В ПЕРВОМ КРУГУ
- ГЛАВА 2 ШИРЬ И ДАЛЬ
- ГЛАВА 3 В МОНАСТЫРЕ

ГЛАВА 4 ВОЛХВ В МОНАСТЫРЕ
ГЛАВА 5 ГИБЕЛЬ ЯРОСЛАВА.
ГЛАВА 6 ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТАЙНЕ
ГЛАВА 7 ГИБЕЛЬ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО
ГЛАВА 8 ПРОДЕЛКИ БЕСА
ГЛАВА 9 РЕШЕНИЕ КНЯЗЯ
ГЛАВА 10 РАССКАЗ ОБ АНДРЕЕ
ГЛАВА 11 ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО
ГЛАВА 12 ЗА СТЕНАМИ МОНАСТЫРЯ
ГЛАВА 13 ГИБЕЛЬ ВАСИЛЬКА
ГЛАВА 14 РАСКРЫТАЯ ТАЙНА
ГЛАВА 15 ПЕРВАЯ ЖЕРТВА
ГЛАВА 16 СТРАШНЫЙ ФИНАЛ
ГЛАВА 17 ПРИЗРАК И БЕС
ГЛАВА 18 ИЗ МОНАСТЫРЯ НА ВОЛЮ
ГЛАВА 19 ГИМН И ПРОКЛЯТИЕ
ГЛАВА 20 ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

ЧАСТЬ 4 СВЕТА ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

ГЛАВА 1 ПРОШЛОЕ И ГРЯДУЩЕЕ
ГЛАВА 2 ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ
ГЛАВА 3 ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА
ГЛАВА 4 ЯВЛЕНИЕ КНЯЗЯ
ГЛАВА 5 ДОЛГОЖДАННЫЕ ПЛЕННИКИ
ГЛАВА 6 НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА
ГЛАВА 7 В ШАТРЕ БАТЫЯ
ГЛАВА 8 ПОИСКИ И НАХОДКИ
ГЛАВА 9 НЕПРОШЕННАЯ ГОСТЬЯ
ГЛАВА 10 ПРЕКРАСНАЯ НАЛОЖНИЦА
ГЛАВА 11 НОЧЬ В ШАТРЕ
ГЛАВА 12 ТАЙНАЯ МУКА БАТЫЯ
ГЛАВА 13 ЧЕСТЬ И ЖИЗНЬ
ГЛАВА 14 ПРОДЕЛКИ БЕСА
ГЛАВА 15 ПАМЯТЬ О ПИРЕ
ГЛАВА 16 ХАНСКАЯ ЧЕСТЬ
ГЛАВА 17 В ПЕРВОМ КРУГУ
ГЛАВА 18 ФИНАЛ ПИРА
ГЛАВА 19 СТРАННОЕ ОТКРЫТИЕ
ГЛАВА 20 ВСТРЕЧА С КНЯЗЕМ
ГЛАВА 21 ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ
ГЛАВА 22 У МОГИЛЫ КНЯГИНИ

ГЛАВА 23 НОЧНОЙ РАЗГОВОР
ГЛАВА 24 СТРАННОЕ ОТКРЫТИЕ
ГЛАВА 25 СВИДАНИЕ В ПОЛНОЧИ

ЧАСТЬ 5 ВОЗРАЖДЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА

ГЛАВА 1 ПАТРИАРХ
ГЛАВА 2 ТЯЖКИЙ РАЗГОВОР
ГЛАВА 3 ПЕРЕД БУРЕЙ
ГЛАВА 4 БОЯРСКАЯ ДУМА
ГЛАВА 5 В ДРУГУЮ СТОРОНУ
ГЛАВА 6 ВСТРЕЧА СОПЕРНИКОВ
ГЛАВА 7 ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА
ГЛАВА 9 РИМСКИЙ ПАПА
ГЛАВА 10 СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ
ГЛАВА 11 ВСТРЕЧА С ПАПОЙ
ГЛАВА 12 РАЗГОВОР С БЕСОМ
ГЛАВА 13 ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ
ГЛАВА 14 КОРОНАЦИЯ
ГЛАВА 15 ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА
ГЛАВА 16 ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ
ГЛАВА 17 ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ
ГЛАВА 18 СЫН
ГЛАВА 19 СВАДЕБНЫЙ СОЮЗ
ГЛАВА 20 ТРЕТЬЕ ПОЯВЛЕНИЕ ФЕЛИКСА
ГЛАВА 21 ПТИЦА ГАМАЮН
ГЛАВА 22 ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ
ГЛАВА 23 ГОРЬКОЕ ПРИЗНАНИЕ
ГЛАВА 24 ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ
ГЛАВА 25 ЗАПОЗДАЛЫЙ МЯТЕЖ
ЭПИЛОГ

СОН О КНЯЗЕ ДАНИИЛ, КНЯЗЬ ГАЛИЦКИЙ

ОБРЕЧЕННЫЙ НА БЕССМЕРТИЕ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

Но хмурый начальник сдержал опьяненную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернули на север.
Н.Гумилев

ВСТУПЛЕНИЕ

Навсегда в прошлое ушли былинные времена и Олеговы и Владимировы. Но кто же пришел к ним на смену? Свершились предчувствия и пророчества Игоревы, навечно враждовавших и истреблявших друг друга русских князей. Стали плотной стеной наступать татары. Многие несли русские и рязанские и киевские, испытали и огонь, и меч татарский.

Раньше или немного позднее сдались русские князья на милость жестокому, дикому победителю.

Но никакие ошибки, никакие погромы не стали указом для русских князей. И каждый из них только свои земли защищать собирался и надеялся на то, что его беда обойдет стороной и вовсе не коснется. Ничего почти не осталось от Рюриковой древней и славной Руси, только былины да сказания, еще как-то напоминали о ней. И с каждым годом все страшнее становился плен рабства, в которое погружалась когда-то славные русичи. Все больше разрушений оставалось после набегов поганых татар, и ничего с ними поделывать не могли они, как ни старались. И понятно становились всем, что пройдет еще немного времени, и славяне исчезнут с лица земли, словно их и

не было тут никогда. У каждой держав есть свое рождение. Свое развитие и свой финал. И с горестью говорили чудом сохранившиеся волхвы, что такой финал для них нынче и наступает. Но самые отважные не хотели верить в этом, им казалось, что если еще немного подождать и потерпеть, то татары исчезнут сами собой и следа от них даже не останется в этом мире. Но со временем разрушались не только города русские, но и русские души. И становилось понятно, что наступил тот самый конец света, о котором так часто им священники их твердили.

И хотя от многих земель русских только развалины и оставались, но все еще могучие князья русские не сдавались, и сдаваться не собирались.словно замороженные, бросались они то в храмы, то в капища, вспомнили о когда-то преданном ими боге Перуне. И на все готовы были, чтобы земли свои сберечь и власть в своих руках удержать. Стояли они за города свои, где огнем и мечом, а где лестью да хитростью. И были уверены, что для этого все средства хороши.

И неизменно из праха поднимал Киев стольный сначала Ярослав Всеволодович, а потом и Александр Ярославич, прозванный Невским, за свои победы яркие еще в бытность его княжения в Новгороде. Сколько воды утекло с тех славных пор. Как тяжела, оказалась судьба князя, юность которого была так похожа на жизнь былинных богатырей, да татары проклятые все попортили потом.

Как легко, оказалось, поработить разрозненных, рассорившихся друг с другом русских князей. С удивлением и горечью взирали князья из Сварога на то, что происходило на землях их теперь, и так часто рвались они туда, чтобы хоть что-то там поправить, только поделаться уже ничего не могли, как не старались.

-Он пойдет к татарам на поклон?- спрашивал Олег Вещий у беса, когда взор свой направил в сторону Галицкого Волынского княжества, где на столе сидел старший сын князя Романа Даниил. На него оставалась последняя надежда. Если не он, то кто же очнется от сна и, наконец, покажет поганым, что такое русская земля, чтобы никогда неповадно им было сюда возвращаться.

-Пойдет, что же ему еще делать останется, - спокойно отвечал тот, - может, я сам поведу его туда, чтобы там с ним чего ненароком не приключилось. Ведь только он один еще и стоит чего-то.

Значит, не случайно взор Олега на него упал в тот миг.

- Если он так хорош, как ты говоришь, не заставляй его испытывать такие унижения, - потребовал Рюрик, - он тоже слышал весь этот разговор.

Но бес, всегда с особенным почтением к нему относившийся, на этот раз воспротивился.

-Вот еще, - заявил он небрежно, - он и хорош, потому, что, пройдя на земле через все круги адские, сохранится в первозданности своей.

Да, странные времена наступили, непредсказуемые, а для них, давно землю покинувших, вовсе непонятные. И радовались они, что такие испытания им не достались тогда. Конечно, вряд ли можно найти какие-то простые времена, но уж эти точно ни с какими другими не сравнятся больше. Часто им приходилось и свои земли защищать и другие завоевывать, но чтобы все казалось так скверно и безнадежно, не бывало прежде такого, это точно.

№№№№№

Бес побыл еще немного среди теней, а потом отправился в вольный и прекрасный город Галич, до которого еще загребущие татарские лапы не дотянулись пока. Бес видел как молодой, и очень красивый князь стоял у гробницы отца своего. Глядя на него, понимал тот, что в эти минуты и понимает князь самое трудное решение для себя, от которого вся его дальнейшая жизнь зависеть будет. Если со стороны посмотреть на это время, то серым и странным оно покажется, каким-то беспросветным. И сколько не смотри на него, никакого луча света в темном том царстве не увидишь. Это он знал точно. Но это время надо было пережить, чтобы потом, шагнув немного вбок к Александру, и вперед к Дмитрию, к той страшно победе, которая, если близко ее рассматривать, не такой уж и великой покажется. Но счастье княжье в том и состоит, что на нее всегда издали смотрят будут. И она покажется лучом света в царстве рабства, как не смотреть на нее, как не оценивать. Они, наконец, поднялись и победили Мамаю. Хотя, какую цену за это заплатить пришлось, и подумать страшно. Но кто потом о цене у них спрашивать станет - они победители.

Из собора совсем иным вышел Даниил, спокойным и решительным он себя чувствовал, знал, как ему следует поступать. Он шел прямо и с пути своего сворачивать не собирался.

Бес, поджидавший его недалеко от собора, не узнал даже сначала, так он преобразился. И без того красивое его лицо стало одухотворенным. Давно уже не было такого красивого князя на землях русских. Какими огромными и лучистыми были глаза его синеватые. Немного изогнута тонкая бровь, по - античному правильные черты лица. И он появился, взывая к восхищению беса, и вызывая зависть, хотя от этого чувства дух сей, чаще всего, отрецивался. Красота и молодость слишком мимолетны, они проходят, не

успеешь глазом моргнуть. Но как он не убеждал себя в том, а избавиться от него все-таки полностью не мог. Князь Галича, да еще красавец, не слишком ли много судьба ему отвалила. Впрочем, он заплатил сполна за то и за другое. И пока он мог только предчувствовать и догадываться об этом, а бесу все было заранее известно. Оставалось только воплотить это в реальность, на роду то самое и написано было. И он воплотит. Они могут в том не сомневаться. Он ничего не пропустит, ни о чем не забудет.

Очень изменилась в последнее столетие земля русская, и так долго было еще до возрождения. Тяжело и неинтересно, а потому особенно трудно жить в такие времена. И скоро он вообще переберется отсюда. Надо и иные земли посмотреть, и там побывать. Не привык бес от скуки и серости изнывать, ведь, какими бы не были времена, многое люди сами творят.

А он уж постарается из ничего сделать что-то приличное, - так твердо решил Мефи. И уйдет он отсюда не с поражением, а с победой.

Четырнадцать веков в одном месте, кто бы мог подумать, что так все будет. Это он так сам для себя решил, а потом, когда победит Дмитрий на поле Куликовом, и русичи докажут, что они способны с татарами расправиться, тогда и уйдет он с сознанием исполненного долга. А пока следовало как-нибудь устроиться.

В столицах мрачно и скучно ему показалось, все так серо и уныло было там, и отыскал он себе крепкое княжество - Галицко-Волынское, и самого сильного, молодого и красивого князя нашел, чтобы немного побороться и сопротивляться татарам. Не любил он татарву, хотя те и помогали ему часто, а теперь и господство его здесь утвердили. Дикие они, грязные. И ничего для них светлого нет, кроме похоти и визга звериного. Нет у них ничего за душой, никогда не было и не будет. Он их в ад особенный отправлял, побочный, куда почти никто и никогда не заглядывал, находясь все время в русской его части. У славян слонялся он, там всегда было весело, шумно, забавно, с ними от скуки не помрешь. Но и то сказать - они были его детищем.

Но он знал, что как раз настал час для того, чтобы вместе с Даниилом направляться к хану в орду, да не раз ему еще туда и вместе с Александром проехаться придется.

Но Даниил - особенный случай, потому он волновался немного.

САГА О КОРОЛЕ ДАНИИЛЕ

В глухом лесу среди прибрежных скал
Король угрюмый век свой доживал.
Он был печален, грозен был всегда,
Пусть снова обойдет его беда.
И сторонятся прежние враги.
Он шел к луне, не видя там ни зги.

И с Водяным о прошлом говорил,
А рядом волк отчаянно скулил.
И черный ворон, рассекая ночь,
Летел к нему, чтоб королю помочь.
Но, усмехнувшись, он молчал в ответ,
И так встречал на берегу рассвет.

И как носила милая земля,
Угрюмого, чужого короля.
Князья мирились и ругались вновь,
Их ненависть терзала и любовь,
И только он в заоблачной дали
Доказывал: все могут короли.

Пусть римский папа им войной грозил,
Узнав, что Даниил опять спесив,
А он все видел в призрачной дали,
Татарский плен, пожар родной земли.
Князь Александр, как вассал, нет раб,
Там изнывал от горечи и ран.

Отравлен будет ханскою женой.
Вернется мертвый в грозный час домой,
Король один за упокой души
Все пьет и стонет яростно в глуши.
Как тесно тут, и как мала земля,

Для грозного чужого короля.

Любимый Галич за его спиной,
Скорее мертвый, чем еще живой,
Он видит замок, и отца, и тьму,
И полчище Батый ведет к нему,
Но постоял и повернул назад,
И этому король уже не рад.

Рабом не стал, один меж двух миров,
Король печален, яростен, суров.
Какой ему достался скверный век,
И вот уж где-то в высоте померк
Последний луч звезды, спустилась тьма,
Король суров, и целый мир тюрьма.

И только ворон в темноте паря,
Там вечно охраняет короля.
Он был печален, грозен был всегда,
Пусть снова обойдет его беда....
В глухом лесу среди прибрежных скал,
Король угрюмый век свой доживал.

ЧАСТЬ 1 НА ПОРОГЕ РАБСТВА

ГЛАВА 1 ПРОРОЧЕСТВО

Был день. Один из тысяч дней в году. В обычном, ничем не примечательном, году. И запомнился он всем только тем, что в тот день на рассвете в Галиче появился черный монах. Монахи не были редкостью в те времена. Но этот сразу показался особенным, ни на кого другого не походил он, словно на нем отметина, какая странная была.

Казалось, что твердил он, хотя все время молчал, что вместе с ним в этот мир придет что-то новое и неожиданное, хотя текли десятилетия, а ничего не происходило в мире, и казалось, что произойти не могло. Но не каждый день тень не тень человек ни человек в черном появляется здесь. Словно повинувшись какому - то страшному зову, стали люди сходиться вокруг него, и ждали они, когда и что он говорить станет.

Пока он молчал, то ли ожидая, когда люди соберутся, то ли наоборот не собиравшись ничего им говорить. И они тихонько шептались, пытались понять, что это такое за явление, откуда оно появилось, и что может значить.

И вдруг так же неожиданно заговорил он. Многие вздрогнули в тот миг. Потому что и голос был какой-то странный и глухой, будто из ямы или бездны он раздавался.

- Все собрались вы, люди добрые, и должно быть известно вам, что ни с добрыми вестями прихожу я, а в такую годину особенно, ничего хорошего ждать не приходится. Видел я, как бились в бешенстве кони вороные, и весь мир прахом пошел. Недобрые, окаянные времена наступают для вас, голод, пожары и мор впереди. И скоро ждем мы конца света, как в писании сказано. Будет все гореть в адском пламени, которое татарва поганая разожжет. Вы забудете, а внуки ваши никогда не узнают о свободе и вольности славянской. Былины героические несбыточными сказками покажутся.

Все меняется, и жизнь ваша переменится до неузнаваемости, да только в худшую сторону, на столетия никакого просвета не будет, и живые будут завидовать мертвым. Долгим и тяжким будет ваше рабство непосильное, - еще раз повторил он, словно убедить их хотел в том, что правду он говорит.

- А свободу да жизнь хорошую увидит ли кто-нибудь? - спросила какая-то баба, готовая разрыдаться.

И странно прозвучал тот одинокий голос в толпе людской.

- Вам этого знать и видеть не придется, - печально говорил старик, - постоял еще немного и исчез. Они не знали, ушел ли он куда-то, пока они были в замешательстве, или прямо в воздухе растворился. Точно потом никто этого сказать не мог.

- Не может такого быть, - говорил весь белый, немощный дед, дни которого давно сочтены были, но ему так не хотелось уходить в страну предков своих, зная, что с потомками такой случится. Хотя самое лучшее было скорее уйти и не видеть всего этого, в муках диких не маяться.

- Не может быть такого, чтобы какие-то дикие поганые татары наших сильных и могучих князей покорили, не бывать этому, - яростно твердил он. Но никто ничего ему на это не ответил. И долго еще кричал он с горечью да обидой, и никак не мог успокоиться и замолчать. Хотя печально на душе у

него было, но может он доживет до того момента, когда смерть окажется незаслуженным благом, когда будут молить о ней, как о несбыточном чуде. Но глухой бог не услышит их, и чуда такого не совершится уже никогда.

Вот такие странные происшествия запомнили все в тот обычный день. И долго еще разговаривали они, судили о том, что недавно слышали.

И хотя потом многие утверждали о том, что никакого монаха не было вовсе, так им приятнее было думать, но самые пытливые и дотошные знали, что был он, и все, что говорил, вероятно, так и случится.

Но они думали о том, что свершится чудо, и ни бог их, ни сами люди не допустят подобного. Это предупреждение, и можно что-то сделать, для того, чтобы все по-другому повернулось. Что-то помешает осуществиться страшному пророчеству. В людских душах во все времена надежда на чудо оставалась.

Они не хотели верить, но уже были руины Киева древнего и уничтоженная Рязань. Но многие из них далее Галича не путешествовали, сами, своими глазами ничего этого не видели, и считали только страшными выдумками, в которых не понять, не разобрать, что, правда, что ложь.

Но разоренные города, поля сражений, где лежали бездыханные горы русских и татарских тел, монах все это видел, и никогда такого не забудет. Он мог бы и им такую картину показать, но не стал этого делать. Ему стало жаль их, захотелось, чтобы еще хоть какое-то время они в тишине и покое пожили. Кто-то и не доживет до рабства, так зачем ему знать то, что с ним и не случится даже?

Он часто рассуждал о том, почему так получилось. Как люди могли допустить такое. Он не мог этого понять. Слишком все странным и диким ему показалось, словно какое-то страшное проклятие на них наложено было, отвернулся от них Всевышний и все на откуп бесу отдал. А тот показал (и еще покажет) на что способен был.

Он путешествовал по землям русским и ни одно поле битвы видел. Зрел он, как воинственные девы валькирии выбирают лучших воинов и забирают их тела на небеса. Но разве такое им расскажешь? И казалось иногда, что и детей-то рожать не следует в такие времена, коли, только унижения и муки их ждут. Но рождались сыновья, рождались чаще, чем в добрые времена.

Жизнь текла своим чередом, ничто ее остановить не могло.

ГЛАВА 2 СЫНОВЬЯ

Но только показалось им, что исчез монах или далеко ушел. Он перенесся на княжеский двор, туда, где князь Роман - герой и красавец,

которых почти не бывало в княжеских родах в те времена, почувствовал, что дни его сочтены. Знал князь Роман, что поход в Польшу окажется последним. И призвал он сыновей своих Василька и Даниила, чтобы еще раз поговорить с ними о том, о чем говорено было не раз. Но беспокойно было на душе у него. Слышал он много рассказов монаховых, но и сам без монаха знал, что его Бог миловал от рабства, заберет к себе прежде, чем такие бесчинства твориться начнут на землях их. А сыновьям оставаться на родной земле в это смутное время. Это он и братия его начали раздоры чинить, всю жизнь то с одними, то с другими шел он против братьев своих. За это страшную цену его Даниилу заплатить придется.

Разве мог он знать, когда сам еще мальцом был и на коня в первый раз садился, и понял, что не простой смертный он, а князь, князем рожден, князем умрет, разве мог знать он, что доживет до таких страшных времен. И страшно ему будет наследников своих оставлять. А время такое, если еще не наступило, то наступало неуклонно. Единственное, чего ему хотелось теперь, чтобы если не умножили, то сохранили они земли свои, кои он завоевал для них и обустроил.

- Не само собой все это сделалось, - заговорил тихо Роман, много раз приходилось мне и деду вашему сражаться, слыть беспощадными, и погибали, и ранены были братия наши, но об одном только мечтали, чтобы крепким и самым лучшим было княжество наше.

Он говорил. Слушали его сыновья и заметили они в этот раз, что никогда прежде не говорил он так твердо, почти яростно, словно сон ему какой или видение было, и зрел он то, что еще им видеть не дано было.

Князь Роман хотел увериться в том, что смогут они защитить свою землю, чтобы не случилось, какие бы испытания им не выпадали.

Даниил был в полдень на площади городской и странного человека слушал. Что-то такое было в облике его, что мурашки по коже бежали. И задумался он о грядущем своем, а тут еще и отец о том же твердит упорно. И ясно было, что черные тучи со всех сторон плывут к ним, и никак разогнать их нельзя.

Но ничего не сказал о монахе Даниил отцу, потому что не знал, что сказать. Но он не знал, что тот сам к отцу пожалует в ближайший час.

Даниил знал из книг и от учителей своих, что много веков самым большим, красивым и могущественным Киев считался, там сидели всегда великие князья, те, которые были всем им отцами, возглавляли тот мир.

Но говорили, что разрушен, сей град, полчища татар поганых камня на камне там не оставили. И отец подтвердил, что не выдумки это, а чистая правда.

- Но как же так, - возмутился Даниил, - совсем его не защищали, али справиться с ними невозможно было? Тогда зачем же мы вообще на этот свет народились?

Ничего не понимал он, и понять не мог. Но знал, что так просто не позволит над миром своим измываться, пусть отец не тревожится. А если стоять крепко, если не отступать, любые татары отступятся и никогда не сладят с ними.

Но легко было в богатом да прекрасном Галиче рассуждать о том, что стало в далеком Киеве, говорить вообще легко, пока тебя такая беда не касается, и напора этого ты еще видеть не мог.

Отец говорит об уходе, Василька мал совсем. Ничего не понимает он и не особенно вникает в слова, которые поизносятся, он томится и ждет, пока отец его отпустит. Не настало еще время его. Но Даниил повзрослел быстрее, ни о чем другом не мог думать в те дни отрок. И все былины, все летописи о героических прошлых днях, которые монах ему читал, вспомнил он разом, надеясь, что укрепят они силы его и выстоять помогут.

И вспомнил он о бесстрашном Рюрике, явившемся сюда, чтобы не сгинули земли славянские, о мужественном и хитром Олеге, дошедшем до стен Царьграда, и утвердившем славу русскую и там, о бесстрашном и прямом Святославе, который никогда никого не боялся, и как викинг, погиб в сражении. И много еще чего слышал и знал Даниил от учителя своего. И не верил в то, что это только красивые предания. Не может быть такого. Это было, пусть давно, но было. Иногда, оставшись один, в мечтах своих уносился княжич в те благословенные времена. И тогда он был уверен, что жил и воевал уже однажды, что не в первый раз он в этот мир пришел, а многое ему ведомо. И шел он вместе со Святославом на печенегов, и сражался до последнего дыхания. И тогда и сил и отваги в душе его прибавлялось. И только монаху рассказывал об этом княжич. И не останавливал он его, а слушал внимательно. Не говорил, что все это только выдумки. Но с героическими временами было покончено - вот что больше всего угнетало и мальчика и его учителя. Но нельзя говорить княжичу о скверном, ничего доброго из этого не получится.

Когда они покидали гридню, и отец отпустил их на волю, показалось Даниилу, что среди тех, кто в полутемном коридоре ждал приема у князя, он снова увидел того злополучного монаха, которого недавно на площади встретил. Стоял он в полутьме, почти не отделяясь от темной стены, и пытливо смотрел на него.

Но Василек отвлек его. Он всегда боялся этих коридоров и переходов, в которых легко было прятаться и заблудиться не трудно. Ему казалось, что за

каждым поворотом спряталось какое-то чудовище, и он потащил брата вперед, чтобы поскорее на улице, на воздухе оказаться или в своей небольшой комнате на крайний случай укрыться.

Потому и не мог он точно сказать был ли монах или не было его там.

Но не ошибся Даниил. Старик пожаловал к князю Роману, как только люди вышли из гридни, и взглянул на князя пытливо из-под густых бровей.

- Что, княже, боязно тебе, а кому нынче не боязно? Встретил я сынов твоих.

Князь смотрел на него молча, не произнеся ни звука, но монах решил говорить:

- Старший сын твой Даниил муки адовы пройдет до конца, но достойно из ада выйдет, только крепче и сильнее от тех испытаний станет.

- А младший? - спросил князь

- Не знаю, темно все у него впереди, не ведомо мне ничего.

Но по лицу его понял князь, что просто не желает он сказать правды. Но князь не стал настаивать, может лучше не знать чего-то, так всегда спокойнее было. Но еще печальнее после таких откровений стал взгляд его. И сам он чувствовал, что младшему сыну его уготована еще более печальная судьба, чем Даниилу. Ему хотелось спросить, есть ли жизнь после жизни, будет ли он знать, будет ли видеть, что на земле происходит после его ухода. Хотел спросить, но рта так и не открыл, боясь услышать то, что он может сказать. А тот, будто мысли его, читая, усмехнулся и тоже промолчал. Лучше ему этого не знать пока, пусть хоть какой-то срок спокойно проживет. Всеу свое время и незнаниям и знаниям свой срок отведен. А ему не так долго оставалось в ожидании томиться. И это они оба тоже знали.

На миг закрыл очи свои Роман, но когда он открыл их, рядом никого уже не были, и только удивился князь тому, как быстро мог уйти сей служитель божий, словно по воздуху он переносился. Совсем один сидел он в гридне своей богато обставленной теперь. Все гости его, увидев ее в первый раз, не могли не дивиться этой роскоши, и говорили, что ничего подобного у Киевского князя отродясь не бывало.

Он позвал слуг и велел им свечи зажечь. За размышлениями не заметил он, как темнота наступила кромешная. И жутко ему в той темноте показалось, хотя ничего в своей жизни не боялся князь Роман. По комнате забегали живые огоньки, и словно что-то светлое и легкое в душе его появилось.

- А может не так все страшно, как кажется? Только служители божьи страх нагоняют, чтобы проще было с душами людскими управляться. Но кто может наверняка сказать, что правда, а что только выдумки пустые?

И подошел князь к иконам, и стал молиться. В последние годы он любил разговаривать с богом, какие-то тревоги и печали свои ему высказывать. Но последние его молитвы были о защите земли русской и его сыновей. Он понимал, что сам уже слаб и не сможет помочь им - его время уходило безвозвратно, и бывшие его союзники и Всеволод, и Рюрик Окаянный со всех сторон наседали, и ляхи грозили, ощутив его слабость. И надо было хоть что-то попытаться сделать, для укрепления власти своей.

- Не дай ослабнуть им, потерять чести и совести, пусть будут сильны и мужественны они, пусть лучше нашего живут, и меньше ошибок совершают.

Так закончил молитву свою князь Роман.

ГЛАВА 3 СТРАШНЫЕ РАССКАЗЫ

Перед сном Даниил попросил няньку свою еще раз рассказать о басурманах, готовых захватить их земли, ничего им не жалко, ничего они не щадят.

Вздвигнув, старуха взглянула на него своими подслеповатыми глазами:

- Да что и говорить - то, ведь сто раз рассказывала тебе, - пожалала она плечами.

- Ничего, еще расскажи, - настойчиво просил он, и она поняла, что снова он говорил с отцом, да еще чего доброго того монаха видел, (она перекрестилась), о котором люди так упорно говорят. И откуда только такие берутся, и зачем они пугают своими жуткими рассказами детей. Тому, чему быть, того не миновать, но, наверное, лучше не знать заранее того, что будет. Но от Даниила она отделаться так просто не смогла. И начала тихим бесцветным голосом свой рассказ о том, что на землях бескрайних есть дикие, страшные люди. На одном месте не сидится им, да и нет у них никакого дома и места нет, обречены они всю жизнь скитаться да воевать с теми, кто по-иному мир видит, и не могут по-другому.

И стали люди эти и здесь все чаще появляться, потому что по нраву им земли русичей показались, понравились им золото - серебро и девки пригожие. И знали они об удали русских князей, но не испугало их это. А когда поняли они, что сами князья ослабили себя вечными спорами, да ссорами бесконечными, то и вовсе они обнаглели и нагрянули со всех сторон. Вот и пошли сначала на Рязань, а потом и на Киев замахнулись. И стали вглубь пробираться. Чем больше человек хапает чужого, тем больше ему хочется. И не может он уже остановиться. Старуха стала загребать руками, страшно выпучив глаза, и смотрел на нее Даниил удивленно.

- Далеко прошли они, - продолжала она, - может, и до нашего княжества доберутся, как узнают, что лучше и краше земель нет на белом свете.

- Не доберутся, - услышала она голос Даниила, никто их сюда не пустит, это наша земля, и мы защищать ее станем.

- Хорошо, если не доберутся, - задумчиво произнесла старуха.

Но он затаил обиду на нее из-за того, что она не особенно ему поверила. Но он знал, что, как только немного подрастут они с васильком и сил наберутся, то за мечи возьмутся, и никакие басурмане не посмеют против них выступить.

- Страшно мне за них, - молилась старуха, оставшись одна в комнате своей во дворце княжеском, где она всю жизнь провела, - не допусти того, чтобы Даниил и Василек головы свои буйные сложили под басурманскими мечами, спаси и сохрани их, - снова и снова повторяла она.

И верила в том, что до бога дойдут ее молитвы, и он обязательно просьбу ее исполнит.

А ночью видела она во сне, что Даниил ее уже взрослым стал, и находится он среди басурман проклятых. И стеной они на него со всех сторон надвигаются, в полон взять хотят. Она закричала тогда, бросилась к нему. Но не услышал ее никто, только сами они стали в разные стороны расходиться. И прошел он перед ними, и прочь отправился. Она бежала за ним и спрашивала, что с ним такое случилось, почему они его отпустили. Но молчали они, и он молчал, будто не видели ее и не слышали.

-А может, и взаправду не слышит он меня?- раздумывала старуха, пробуждаясь, - будто и нет меня там. И то сказать, когда это будет, разве дожить мне до тех времен дальних.

Не понимала она сна своего, хотя бабка говорила ей, что многие сны что-то значат, судьбу предсказывают, особенно если о смерти или переменах каких речь заходит.

Пробудилась старуха раньше обычного, и никак не могла утомиться больше. Столько скверного в последнее время происходило, да все к одному, где же здесь не потерять покой и сон свой.

« С небес за ними, голубями моими смотреть буду, - думала растерянно старуха.

У нее в жизни никого кроме княжичей не было. Хотела она замуж в свое время выйти, да княгиня только что Даниила родила, и казалось ей, что ничего без нее она не сможет. А когда ребенка на руках подержала, то поняла, что никакой другой няньке не отдаст его. И бог спас ее от замужества. Она узнала, каким скверным мужем нареченный ее оказался. Не

было покоя жене его до самого смертного часа. И единственной оказалась ее радость, когда в драке пришибли его. Дом у него неухоженный, полуразваленный был. А она в княжеских хоробах всю жизнь провела, и ни от княгини, ни от князя слова дурного не слыхала, и ела и пила только самое лучшее. Вот и пойми, как оно лучше будет. Детей у нее не было, но с таким мужем, который бы ей достался, так это награда, а не наказание божье. До глубокой старости дожила она не бита, не клята никем и никогда. На судьбу старуха не жаловалась. И многие бабы завидовали ей черной завистью. Вот только когда они взрослыми станут, вспомнят ли о ней. Когда князь и княгиня помрут, если ей еще жить доведется, а живой в могилу не ляжешь, не придется ли ей на улице жизнь свою доживать? Тревожилась старуха, но поверить не могла, что такое может ее и на самом деле ждать.

И сон тревожный недаром ее душу всколыхнул. Но пока это были только страхи. Она не могла допустить их в душу свою.

- Даниил силен и смел, - думала она, глядя на подростков, - он настоящим богатырем станет, и девки его любить будут, не одна из-за него в омут темный бросится, да и басурманам он спуску не даст. Василек хитрый малый, во взгляде его что-то плутоватое есть. И в душе его таится что-то темное и таинственное, но что никак не может она разобрать. Вроде начинает понимать, но ускользает это от нее. Вроде одинаково обоих растила и воспитывала, но разными они получились.

- Что с тобой? - удивленно спрашивал Даниил брата, он привык опекать его и заботиться о нем.

- Мне страшно, - признался тот.

- И всего-то? - удивился Даниил и рассмеялся.

Смутился Василек и дал себе слово не доверять ему больше страхов своих. Но знал он, что обещания своего не сдержит, и снова все расскажет, как только тот расспрашивать начнет.

Ничего это пройдет, ведь ему и самому часто бывало страшно, когда меньше был. Но он вида не подавал и никому об этом не рассказывал. Но когда отец его впервые взял в сражение год назад, он увидел горящую землю и мертвые тела воинов, и живых, убивавших безжалостно друг друга - ему тоже было страшно, он зажмурился даже

Но когда все кончилось, он уже смотрел на это поле, чтобы побороть в себе страх, приблизился к мертвецу и коснулся рукой его кольчуги. Тело его казалось каменным. Но тогда он еще не понимал, что такое смерть, почему человек так долго не шевелится, и не похож он больше на спящего. Он знал, что расспросит об этом монаха, как только тот вернется. Но он ощутил такой

приступ страха, от непонимания происходящего, или оттого, что какой-то странный дух витал над полем этим.

И казалось, что люди только притворяются. Мурашки по коже его побежали, и он поскорее вернулся к костру, к живым.

Но казалось, что мертвецы шевелятся, идут за ним следом, и попрекал себя за то, что вел он себя неразумно.

Но он увидел, что отец вместе с воеводами своими смотрит за ним. Они окликнули его, позвали к себе. Ему хотелось побежать прочь, но он шел спокойно и величественно, не собираясь выдавать своего страха. Он знал и сам, что не раз еще придется видеть такие картины. Но он знал, что никогда больше они не будут казаться ему такими жуткими.

С детства ощущал себя Даниил князем и воином.

ГЛАВА 4 ЮНЫЙ КНЯЗЬ

Как бы не ожидали и не предчувствовали они события, происходят важные вещи неожиданно и не в свой срок. Никто в те дни не верил в то, что дни князя Романа сочтены. Он отправился в поход против ляхов здоровым и веселым, готовым покорять и торжествовать победу. Но когда нашли его мертвым в походной палатке в утренний час, то в Галиче покой и тишина, так поражавшая их прежде, мгновенно отступила. И засуетились бояре, оставленные в граде на время его похода. Не только из-за пышных похорон волновались и переживали они, но и потому что Даниил был слишком юн, для того, чтобы сменить могущественного и неукротимого отца своего. И спорили бояре о том, что будет править вместе с юным князем, до того времени, пока не возмужает мальчик. Брать другого наследника не хотели, они знали, чем это всегда завершалось, еще с Олеговых времен, - не допустит он князя к трону, если вовсе не убьет, то вдали от него держать станет. Они знали, что на небесах следит за ними князь Роман и никогда не простит им такого предательства, да и самим им при малолетнем князе, чем неизвестно при ком, жить легче и проще было.

Сильного вельможу назначать опасно было, слабого еще опаснее. И сетовали они на то, что сам князь Роман не дал на такой случай никаких указаний. Никто не был им по нарву. Споры все время заходили в тупик, ничего не могли они решить в то время, когда тело мертвого их князя уже в любимый град его привезли и готовили к похоронам.

- Даниил мал и не обучен ничему пока, пусть он растет да мужает, - только в этом и были все они согласны друг с другом.

И так бы все, наверное, и осталось в неопределенности, если бы бес не следил за ними внимательно, не подслушивал и не подглядывал, и не имел собственных соображений об этом споре.

И понял он, что действовать, как обычно в таких случаях бывает, придется ему самому. Не так много осталось на земле русской крепких княжеств, их по пальцам пересчитать можно было, как и князей, способных сопротивляться татарам поганым.

То ли серьезным это было делом для него, то ли очередной забавой, но он хотел на этот раз вырастить такого князя, чтобы всколыхнулась память о Рюрике и Олеге. И не собирался он допускать того, чтобы и на короткий срок кто-то из бояр приходил к власти. Нет страшнее властелина, чем бывший княжеский раб да холоп верный.

Он перевоплотился в верного спутника Даниила воеводу Федора и направился поспешно к юному князю. И хотя мальчик с самого начала отличался мужеством, но он был подавлен, после того, что случилось. Такие события и взрослого в гроб вгонят, а он был совсем юн.

Он гадал о том, какое решение примут бояре, и что делать ему потом, когда решение будет принято. А помощники и советники отца всегда были непредсказуемы, сколько ему с ними возиться в свое время приходилось.

- И что ты сидишь и дожидаясь, пока рак на горе свистнет? - удивленно спросил мнимый Федор, - ждешь, пока они для тебя нового Олега найдут? Только об этом они до посинения и спорят. Еще неизвестно каким притким он окажется. Тогда скорее ты смертного часа дождешься, чем часа, когда сам править сможешь.

Бес мог пересказать ему историю князя Игоря и первого, и второго, которая не так уж давно происходила, но не было у него на это ни времени, ни желания большого.

- Больно ты шустёр стал, - подивился Даниил, что же ты предложить мне можешь?

С Федором они часто обсуждали те дни, когда Даниил станет князем, как они будут править, как изменят все в мире своем, но то, что это нужно делать уже нынче, это никак не укладывалось у него в голове.

Он смотрел на Федора и поражался тем переменам, которые с ним случились. Разве может человек так меняться вдруг? Вчера вроде обычным парнем был, а нынче что-то совсем иное, необъяснимое в нем появилось.

- Ты должен действовать, уже на тризне, громогласно заяви при всех, что ты князь и наследник и сам править ими станешь. Советы пусть дают, но ты сам будешь принимать или отклонять их, - заявил он так уверенно, словно юный бог, а не простой парень стоял перед ним.

Даниилу оставалось только попрекнуть себя за слабость и нерешительность, вдруг на него сошедшие. И порадоваться тому, что такого друга он себе когда-то выбрал из всех, кто к нему в друзья набивался.

- А они послушают меня? - все-таки спросил он, чтобы окончательно отбросить свои сомнения.

- А куды им деваться? Дружина на твоей стороне. Потому они и хотят от твоего имени действовать. Но если ты твердо поднимешься, то, что им делать останется?

И Даниил отбросил последние сомнения, уверенность и дерзость появились в душе его, и уже никогда никуда до самой смерти не девались они - с ним оставались навсегда.

- Завтра тризна, завтра все и решиться должно, понял он, укладываясь в постель, но заснуть в это ночь так и не смог. Потом таких бессонных ночей в жизни князя немало будет, но эта была первой. Грядущий день должен стать для него переломным, решающим. И такое волнение охватило душу, что не до сна ему было.

Не спали в ту ночь и бояре. Горели свечи в гридне. На поминальном пиру они должны были объявить народу Галицкому о своем решении. Но они так и не могли его принять. И тот был не хорош, и этот плох. Но они понимали, что нерешительность их, против них же и обернется.

И только к рассвету, когда пронзительно закричал первый петух, у них созрело решение, которому никогда не суждено было осуществиться. В княжеское кресло сесть предстояло по их выбору боярину Никите. Но он только побыл в нем несколько часов, пока они ждали поминального пира, и напрасно примерял его на себя.

ГЛАВА 5 ТРИЗНА

Князя Романа любили и боялись. Он был хорошим князем, усилил Галич своей Волянью, умел ладить и с коварным Рюриком и с властолюбивым Всеволодом, хотя все представляли себе, как это трудно было осуществить.

Вот и стояли они в скорби настоящей, а не показной перед гробом его, и понимали, как много перемен и горьких проблем их всех ждет. Но князя больше не было, а им надо было жить дальше. И люди смотрели внимательно на бояр, у гроба собравшихся, они знали о спорах, и боялись тех перемен, которые на головы их свалиться могут.

Пока говорили пышные речи о том, как много он для них сделал. Как хорошо и спокойно жили они при нем, как примирить умел

непримиримых, и усмирить непокорных, как ладил с воинственными соседями своим. Приезжали к нему короли - соседи и могли они обо всем с князем договориться. И самое главное вечная и жуткая зараза - татары не беспокоили их особенно. И хотя на соседних землях пахло дымом, но ханы их обходили земли князя Романа стороной. Они просили о том, чтобы и на небесах не оставлял он их и охранял свои земли от татарвы. Но надо было думать не о небесах, а о земле родимой, и о том, кто достойно сменит ушедшего князя - к этому они разговор и подводили постепенно, и понимали, что всех остальных только это и могло волновать.

Они понимали, что теперь именно татары и доберутся до них, как только узнают, что у них больше нет князя Романа.

Не могли они надеяться на то, что кто-то из соседей им поможет, потому что каждый только за себя сражался, и не сил не желания помогать не было у них. Ведь и они никому не согласились бы помогать.

№№№№№№

После того, как отдали они последние почести князю, за столами воцарилась тишина невероятная. Они почти забыли о реальности и обратили свои взоры туда, где по их разумению обитали души ушедших навек, и куда уже устремилась душа их князя.

Федор в тот момент незаметно подтолкнул Даниила, который возглавлял стол и на месте отца своего восседал, только на этот вечер, как уверены были его бояре. И он, на глазах у всех поднялся с кубком в руках. И в тот же миг многие заметили, как за эти дни повзрослел князь, перед ними был не мальчик, но муж. Он на миг опередил одного из бояр:

- Отца нет более с нами, с этой минуты я - его старший сын, Ваш князь и властелин, дружина клятву в верности мне даст, и вы поможете мне советами мудрыми, но не более того.

Все молча уставились на него, словно усопший князь вернулся назад. А многие потому утверждали, что князь Роман стоял за спиной сына своего и ласково улыбался.

- Кто-то из вас с этим не согласен? - услышали они его голос.

И никто не посмел возразить мальчишке, потому что они не готовы были к этому. Но знали, что неспроста все происходит, за спиной княжича был кто-то более мудрый и могущественный, о существовании которого они понятия не имели, иначе не был бы он так силен и так дерзок.

И только боярин Никита, тот, кто спал и видел себя великим князем, побагровел от злости и понял, что не бывать этому. Мечты его никогда не осуществятся, синица, бывшая в его руках, вырвалась и улетела прочь.

Княжичу удалось опередить их, хотя он не спорил с ними в эти дни и голоса не подавал. И он ясно показал, что никому из них не позволит собой помыкать.

Странно тихо стало с той минуты на пиру поминальном. Никому не хотелось тревожить память ушедшего князя. И каждый думал напряженно, как ему жить дальше в так внезапно переменившемся мире.

Они понимали, что не должны сдавать своих позиций перед этим юнцом, но кто может знать, что он выкинет в следующее мгновение.

Так случилось, что это были поминки и по их власти. То, что было рядом, отдалилось в одно мгновение, разом рухнули надежды. Осталась тревога и полная неопределенность.

ГЛАВА 6 ДВОЙНИК

Для Даниила все завершилось неожиданно легко и просто. Он не надеялся на то, что они так легко уступят и подчинятся ему. Никто не произнес ни слова.

Теперь, когда самое трудное было уже позади, он мог разобраться в происходящем и обдумать все, что с ним случилось за это время, хотя это оказалось очень сложно.

Он хорошо видел, что Федор очень изменился, его будто бы подменили. Внешность оставалась та же самая, но, сколько ни всматривался князь, не узнавал своего воеводу. Он стал пронзительнее, пытливей, умнее, даже мудрее, хотя по возрасту был только на два года его старше. В детском еще теле сидел взрослый человек. Он и видел все и думал по-иному, все предвидел и умел находить правильное решение.

И преподносил это так, будто Даниил все это сам и придумал в свое время. Ничего подобного за другом своим прежде он не замечал. Этому должно было быть какое-то объяснение. Но в последнее время так много всего на него свалилось, что Даниилу некогда было об этом думать. Но преобразование это было ему по душе.

Бес же в это время так удачно действовавший, не собирался разоблачаться. Впервые в жизни ему не хотелось раскрывать себя. Не хотелось о чем-то договариваться и показывать юному князю, что он много может. Ему хотелось помогать ему негласно. И взвалить груз на его, а не на свои плечи. И он был почти уверен, что по каким-то соображениям Даниил отвергнет его. Но он знал, что должен с ним оставаться. Потом, позднее, он конечно, разоблачится, когда он привыкнет к его советам и помощи и станет ему необходимым.

Бес точно знал, что с новыми князьями нельзя действовать прямо и открыто, в их характерах появилось что-то такое, что заставляет создавать иллюзии и тайны вокруг них.

Пока надо было избавиться от настоящего Федора. И он отправил его за тридевять земель, чтобы оболтус этот, не слишком проворный и сообразительный, не испортил его замечательной игры, да и вообще не путался у него под ногами. Это на первый взгляд казалось проще простого, нужно было только бесенка к нему приставить и следить за тем, чтобы он никуда не смотался от него, что он быстренько и провернул.

Сейчас Мефи видел, что Даниил глазаст и о чем-то он видно догадывается, но у него не хватит времени и сил за всем следить и все проверять. О другом голова его болит, и долгие годы еще болеть будет.

Власть и большие перемены в судьбе всех изменяют. Он умел читать его мысли, и это позволяло что-то предугадать и для него сделать.

- Нам с тобой надо друг другу доверять, - задумчиво говорил Федор, - бояре не особенно надежны, о своей чести, а не о твоей пекутся больше.

Даниил чувствовал, что он прав, на него спустилось какое-то озарение. Он и на самом деле стал совсем другим. Пророк говорил как-то, что Бог может помочь человеку, посылая к нему другого. Вот и верил князь, что Федор рядом с ним потому и находится. И нужно было поблагодарить его за это. Так просто и разрешалось все.

Мефи поморщился, обнаружив в голове юного князя такую мешанину. Да разве в первый раз его заслуги его сопернику приписывают, уже если кто-то его и послал, то не Бог вовсе, хотя и тот не посылал, а действовал он исключительно по собственной воле. Мессире не до каждого князя славянского есть дело, он выбирает тех, кто ему интересен.

Но вступать в разъяснение у него не было никакого желания.. Потом можно будет со всем разобраться. Хотя и было немного обидно, но он переживал в свое время и не такое.

№№№№№

Даниил, оставшись вечером один, задумался обо всем происходящем. Он чувствовал, что сокрыто от него многое. Он не хотел думать о темном и странном. Только в глубине души он понимал, что Федору он не должен доверять до конца. Он вообще никому не может доверять. Истории о предательстве брата братом, или когда отец идет на сына были ему хорошо известны по рассказам монаха. Но он понимал, что другого ему пока не дано. Федору надо доверять больше, чем иным. Да и не на кого ему было положиться. Конечно, лучше было знать, что он хочет и что ему нужно, но

вряд ли это возможно. И молчал Даниил, понимая, как тяжек груз. Он знал, что может просто его не осилить. Он был рожден князем, и он останется им до смертного часа.

№№№№№№

А Федор в это время пробудился в незнакомом месте, и никак не мог понять, что с ним происходило, как он тут оказался. Люди говорили на каком-то непонятном языке, и он никак не мог узнать от них даже чего-то обычного. Он понял, что находится очень далеко от Галича, даже на коне ни одни сутки туда добираться надо, а у него с собой не только коня, но и вообще ничего не было. Люди решили, что он либо что-то скрывает, либо совсем потерял рассудок. Они никак не могли ему доверять. Он тут же начал собираться в дорогу и с тревогой думал о том, как без него там обходится Даниил. А может, и его колдуны проклятые куда-то забросили, но об этом даже думать ему было страшно.

Потом он стал думать о том, что возможно помер и находится на том свете, куда живым нет дороги.

Он готов был все выяснить и найти обидчика, посмеявшего с ним так поступить и наказать его самым жестоким образом.

А пока он шел и шел неустанно в свой Галич, к своему князю Даниилу Романовичу.

ГЛАВА 7 СТРАННЫЙ СОН

Знал Даниил из разных рассказов и от няньки своей о том, что сны иногда пророческими бывают. И в сне таком могут объясняться все затруднения и неразрешимые вопросы. Вот и вспомнил он, что пробудился среди ночи от странного сна. И видел он, что Федор идет к нему навстречу, зовет его, но никак к нему не приблизится. Потом увидел, что лежит он мертвый, хотя вроде бы никто его не убивал, не терзал, ни одной раны на нем не было. Но сколько бы он не звал и не манил его, не откликался тот.

И вот тогда загоревал он и понял, что невероятное случилось. И говорил мертвец, но как-то странно, не открывая рта своего:

- О, княже, не забудь меня, из-за тебя душа моя с телом рассталась, или ты уже забыл слугу своего верного?

- Но я ничего не понимаю, ведь ты живой, ты рядом со мной, - растерянно шептал Даниил, и что это за напасть, что за сон такой жуткий?

- Нет меня там, все это обман и проделки бесовы, - проговорил он устало, - но не предпринимай ничего, тебе с ним легче и лучше, чем со мной будет, - будто бы оправдывался он.

И стал по сторонам оглядываться Даниил, но поле было чистым и никого нигде поблизости не оказалось

- Что это было? - спросил растерянно мальчик.

Но он решил никому про сон этот не рассказывать, и старался о нем забыть как можно скорее. Но еще несколько дней не давал он ему покоя. И все пристальнее вглядывался он в черты Федора, но ничего особенного не заметил. Тот был невозмутим. И он понимал, что в мире вообще полно тайн, и может быть, когда-нибудь он узнает, что тут происходило на самом деле.

№№№№№№№№

А тем временем бес, который некоторые из тайн сам и создавал, сначала чертыхнулся, оттого, что душа Федора прорвалась в княжеский сон и попыталась выдать его тайну, но очень быстро успокоился, и понял, что для него это испытание на прочность юного князя. Если он о чем-то станет его пытаться, то он найдет достойный ответ. Но Даниил не догадывался о перемещении душ и подобной подмене, потому что ничего не мог знать о бесовых штучках.

Видно он не верил в сны и не придавал им никакого значения. Он мог подумать о том, что тот принимает его игру, что было маловероятно, потому что, скорее всего, парень ничего подобного знать не может.

Но со временем он обязательно разберется и в этих хитросплетениях. Надо было проверить, что там творит бездельник Федор, которого он подальше отправил. Хотя даже переносясь по небу, он не скоро тут появится, но береженного бог бережет. Глядя пристально вдаль, пренебрегая расстояниями, бес заметил, что тот уже вполне оклемался, и направлялся в их сторону. Но, к счастью, никакой колдун ему на пути не попался, Шестиглавый нигде поблизости не пролетал, чтобы ненароком перебросить его с одного места на другое. И потому топтать ему по дорогам незнакомым еще немало дней, а там глядишь, и случится с ним что-то такое странное, много чего может ждать на пути странника.

А когда он приблизится, то и тормознет его Мефи в какой-нибудь избушке местной ведьмы или в объятых красотки какой оставит. Тогда еще можно посмотреть, кто ему станет дороже чертовка эта или ненаглядный князь.

Сам же Мефи, валяясь за стогом сена и скрестив копыта, закинув одно на другое, размышлял о том, в каких тяжких условиях в последнее время приходится ему трудиться, не покладая рук. Он с умилением вспоминал старые годы - благодатные времена, когда все было так прекрасно, он был единственным и могущественным, и предки их почитали за честь иметь с ним дело.

Конечно, он немного лукавил, никакой чести ему Рюрик не оказывал, а Олег терпел его только потому, что так меньше проблем у него было, и старался он во всем своей выгоды не упустить. А со Святославом вообще рассчитался самым жестоким образом. Но нынче все те события были далеки, и он тешил себя тем, что они ценили его и ждали появления, и жизнь свою без него не представляли. А когда появился их Христос, стали они считать его чуть ли не прокаженным. И чтобы его не обнаружили, должен он был кого-то из смертных вытряхивать из их тел, и притворятся, что он, это тот самый слабоумный тип, личину которого он и принял. Да еще извиняться при этом, словно он в чем-то виноват, и извиваться, словно он сам вместо грешника на сковородку попал. И все это ради того, чтобы помочь тому же князю и самому немного позабавиться, и линию свою погнуть. Но не так уж много радости ему все это доставляло, так много было на все затрачено усилий, и так мало толку. Но не виноват же он в том, что неумолим, не привык в аду обитать тихо и мирно, и любит важные дела делать. Сам же от широты души и доброты своей страдает, но от забав все равно не отказывался.

Вот и здесь он на много времени вперед продумал, как и что предпринять и чем заняться нужно для того, чтобы все наверняка получилось.

Князья с бравым видом считали, что они сами все предпринимали, никто над ними не властен, кроме рока и судьбы, а вот он и был той самой судьбой и тем самым роком, о котором с таким жаром они порой размышляли.

У них бывали случайности и неожиданности, но они никогда не смогут представить себе сколько усилий надо приложить, чтобы такую случайность организовать.

Если бы они смогли заглянуть за грань собственного бытия, то обнаружили бы там массу удивительных вещей, неустанным творцом которых он и бывал от сотворения этого мира.

Но можно не бояться, ничего подобного на этом свете они все равно не увидят, а потом поздно будет что-то менять. Но в этом случае, гордости и чванства от собственной персоны у них явно бы поубавилось.

Но он добр и щедр, он им все позволяет, и разрешает верить во всемогущего бога, которого на самом деле очень мало колышет все, что с ними происходит на самом деле. Но пусть они считают ему пупом земли. И Старик творит для себя иллюзию о том, что он судьбы их вершит. А они обращают к нему свои молитвы, и все всем вполне довольны, никто не в обиде. И только он знает, как на самом деле обстоят дела, и несет на своих плечах тяжкий груз перемен и проблем.

Конечно, он преувеличивал немного собственную роль во всем этом действе. И ему не все до конца было известно, часто случались накладки, то смешные, то досадные казусы. Но он был ближе к истине, чем все остальные. И оставался почти единственным ее хранителем и носителем. И в случае побед он получает в награду глубокое удовлетворение, в случае поражения не привык переживать особенно долго, учитывает ошибки и движется дальше.

ГЛАВА 8 У ВЕНГРОВ

Все пришло в движение в доме венгерского монарха. Пустой и полутемный еще недавно дворец в один миг оживился. И невозможно было понять, что там происходит и откуда сразу появилось столько народу. Сонное, так долго дремавшее царство пробудилось в одно мгновение. И все по той же самой причине. Король Тадеуш, который и помыслить при князе Романе не мог о том, что может пойти войной на Галич, теперь только об этом и думать мог.

Смерть князя была для него самой радостной и желанной вестью, которая приходила к нему в последнее время. Он слышал о том, что Даниил отверг наставника, и на поминальном пиру заявил о том, что сам станет князем. И потому сам дьявол намекал ему на то, что лучшего времени для его выступления не может быть. И он, воинственный и честолюбивый, решил ни за что на свете этот момент не упустить. Давно уже считал он княжество своими владениями и шел в поход, чтобы восстановить справедливость, как объявил он воинам своим, необходимо было вернуть то, что и без того уже давно ему принадлежало и должно было принадлежать всегда.

Даниил пока еще не знал, даже не подозревал, какое серьезное испытание устроила для него судьба, но бес, именуемый в народе Федором, не зная этого не мог. Он немного растерялся, когда увидел, какую прыть проявляет Тадеуш. Первым его желанием было повернуть вероломного короля обратно. Но потом он передумал, решив, что делать это совсем не обязательно. Рано или поздно Даниилу все равно придется столкнуться со

своими врагами, привыкать к схваткам, закаляться, потому что дружины венгров - это только цветочки, куда им до татарских полчищ. А ведь и с теми ему как-то придется справляться. Он решил, что пора давно закалять и воспитывать юнца.

Венгры собирались в поход - это было ясно всем, кто мог взглянуть на этот разворошенный в один миг муравейник. И король, прохаживаясь перед своими воинами, готовившимися к схватке, видел уже себя на Галицком троне. И он радовался тому, что это очень скоро станет для него реальностью. Никаких сомнений не возникло в его сознании. Правда, ему показалось немного странным, почему все бояре отступили перед мальчишкой и позволили ему диктовать свои условия. Вряд ли без чьей-то помощи и поддержки это было возможно. Но он никак не соотносил это с собой. Он король, если он собрался в поход, значит, победа будет за ним. Он знал о том, как любят все славяне колдунов и волхвов своих, ведьм и бесов, слушали их, старались не ссориться с ними. Но он только усмехнулся этой своей мысли. Он представил себе, как дрогнет любое колдовство под натиском и мечами его воинов - они просто падут в прах.

И тогда он решил обратиться к королевскому астрологу - звездочету и стал спрашивать у него об исходе сражения. Хотя и не собирался ему доверять до конца, но послушать благоприятные предсказания он был не прочь.

Седой, сторбленный старик, казавшийся особенно маленьким, предстал перед королем. Король взглянул на него спокойно и властно. Не надо быть астрологом, чтобы знать, чего они от него хотят. Он предчувствовал эту встречу и всегда готов был перед ним появиться. И он скажет своему властелину, чем для него завершится этот поход. Как только все расчеты были завершены, помрачнел звездочет, и он понимал, что потеряет свой покой, а может и голову. Было для него, очевидно, что поход завершится неудачей для короля. И он решал, как ему поступить, отвергнуть ли все то, чем он занимался, или сказать то, что тот хочет от него услышать, но не предупредить об опасности и явном поражении.

Но ведь в подсчетах его может оказаться ошибка, и тогда он напрасно будет страдать. А в том, что страдать ему придется в любом случае, он не сомневался больше. Он просидел еще несколько часов, не замечая того, что происходило вокруг. Но так и не мог прийти ни к какому решению. Оставалась надежда на то, что король про него забудет, и за ним не придут. Тогда все терзания напрасны, он сможет перевести дух. Но по повелительному стуку в дверь, он понял, что избежать свидания с королем ему не удастся. Остановился короткий путь в королевский замок, но

раздумывать о чем-то было уже поздно. Он никак не мог решить, что следовало сказать, что сделать, для того, чтобы все было не так горько и болезненно. Он несколько раз спотыкался по пути, чем вызвал смех и шутки тех, кто шел следом за ним.

И в тот самый миг он и предстал перед королем.

Тот взглянул на него пытливо, почти враждебно. Он всегда чувствовал какой-то подвох в подобных действиях и упрекал себя за то, что прибегает к ним. И они становились той самой костью в горле. Он никак не мог позволить себе отказаться от них.

Стоит перед ним тщедушный, перепуганный старикашка. Что может сказать он королю? Чем он может испугать того, за которым власть, дружина, страна. Но какая-то дрожь неизменно возникала в его груди, словно есть сила, которая больше его собственной.

- Старик, - говорил он решительно, ты должен сказать мне, каков будет исход моего похода. Сколько времени тебе для этого нужно?

Но старик переменялся прямо на глазах, и появилась во всей его внешности какая-то удивительная сила, словно бы кто-то его заколдовал, и ему больше ничего не было страшно.

Да и на самом деле, чем его можно было напугать. Темница? Расправа? Его так долго этим пугали, что он даже перестал бояться. И вся его жизнь так похожа на ту самую темницу, и он своими руками себе подарил это. Говорил он спокойно и уверенно, будто это он был королем, а все остальные должны были ему подчиниться.

- Мне не надо времени, я все рассчитал, и знал, что ты позовешь меня нынче

- Вот как? От такого спокойствия король даже заволновался немного, он не думал, что получит ответ так быстро, - у тебя уже готов ответ, - еще раз задумчиво проговорил он, уже и не зная, хочет ли он его слышать или нет.

- Я долго решал, говорить ли правду или сказать то, что ты хочешь от меня услышать, властелин мой, но по всему ясно, что поход обречен, не получишь ты такой желанной победы, - выпалил он, еще не соображая, что же говорит.

Он замолчал, не в силах больше произнести ни одного слова, да и все было сказано давно. Ярость появилась в глазах короля. Он хотел что-то крикнуть, но в последний момент остановился.

- Раскаркался, пошел прочь, - говорил он, смиряя собственный гнев, и учти, что не будет по-твоему, теперь я точно смогу одержать победу, плевал я на твои предсказания, я сам буду расставлять твои звезды и делать расчеты так, как мне это нужно, у меня для этого достаточно власти.

Но этого ничего старик уже не мог слышать. Он знал, что окажется прав, пусть бросается в пекло, потом все будет по - другому.

Он знал, что очертя голову, король бросится в пекло, но потом припомнит его слова, только будет уже поздно что-то менять.

Проводив старика, и убедившись в своей правоте, король немного приуныл. В глубине души он понимал, что старик может оказаться прав. И лучше перед походом не думать о том, что случилось и что с ними еще могло произойти, а то сам на себя беду и накличешь. И он пообещал себе, что никогда больше ни с какими звездочетами дела иметь не станет, а особенно советоваться в таких важных делах.

От такого самообмана стало ему немного легче. И яростно готовясь к походу, он забыл обо всем, что происходило с ним. Нашелся еще один тип, посол не посол, но кто-то из братии, и он с каким-то странным акцентом, которого король никогда прежде не слышал, спросил:

- И не стыдно тебе против мальчишки идти?

- Это их Святослав противников своих предупреждал, а мне и так сойдет, - мальчишка себя на весь мир князем русским объявил, вот и пусть покажет на что он способен на поле бранном, - с этими словами он резко повернулся и пошел прочь, ни с кем больше не желая разговаривать.

ГЛАВА 9 ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Весть из соседнего королевства оказалась неожиданной. Гонцы в которой раз доносили князю Даниилу, что венгерский король стремительно приближается к их границам.

Даниил предчувствовал что-то подобное, но немного позднее, все казалось таким странным в те дни и часы.

Он повелел Федору понимать и собирать дружинников своих, что делал тот с величайшим рвением. И потянулось томительное ожидание.

Князь в те минуты оставался совсем один. Странное чувство было в душе его, такая обида и боль ее охватили, что он не ведал, что делать ему дальше. Ему казалось, что невидимая рука кидает его в пропасть.

Но он хорошо понимал и другое - в этой битве все будет зависеть от него самого. Как он решит ее исход, так в дальнейшем все и будет, недаром венгерский король воинов своих ведет в поход. И не поможет тут скидка на возраст и опыт - он останется либо свободным и великим, либо под чужой гнет должен будет идти, и народ свой за собой увлечет. В какой-то момент он даже пожалел о том, что на себя так рано все взял, пусть бы пока отвечал кто-то другой. Но слабость быстро улетучилась, когда он подошел к окну. Видел

он как смело и решительно среди дружинников орудовал Федор. Вот в ком раскрылись невиданные способности, вот для кого никаких преград в тот миг не существовало. Он понимал, что не должен больше укрываться в палатах своих. Нужно перед ними предстать, а то, они привыкнут к тому, что Федор у них князь.

Немного страшновато было в первый раз в сражение готовиться, но ему не оставалось ничего иного, и в тот момент, когда Даниил появился перед своими воинами, он выглядел спокойным и решительным, как никогда.

-Не дают нам спокойно жить враги наши, вот и венгерский король уже идет на нас, и татары, наверное, недолго нас в покое оставят. У нас нет выхода - нужно сражение дать, и такое, чтобы не вздумали они больше о нашей земле мечтать.

Так же молча и спокойно слушали его воины. Так очевидно и ясно было все для них в тот момент. Но радовало их то, как за это время повзрослел князь. Вовсе не двенадцатилетним подростком он им теперь казался, а выглядел он широкоплечим и ладным юношей, с искринкой какой-то в глазах, и ничего с ним не было страшно.

Федор слишком старался, он понимал, что очень много, почти все в это время он него зависит. Не стоило требовать от парня чего-то особенного. Он мал и неопытен для этого. Но горбатиться ему одному для этого не хотелось. И надо было душу князя Романа вызвать сюда. Лучшей поддержки для них просто не было.

Эту тень, такую родную и знакомую, заметили многие. Им казалось теперь, что всевышний не оставит их, не случайно он их князя им на этот раз послал.

Роман витал на своем белом коне над ними. И вместе с другими воинами и Даниил заворожено смотрел в небеса. Больше всего ему хотелось, чтобы отец сказал что-то. Но он летел впереди безмолвно, указывая этот путь. Но и это было хорошим знаком. Даниил все из тех же рассказов монаха и няньки хорошо знал, что если появляются в решительный момент тени предков, значит дело верное. Они помогут в самый тяжелый момент. Но если произойдет что-то непредвиденное, ему так стыдно будет потерпеть поражение перед отцом, который все видит и понимает даже больше, чем он сам.

Так в размышлениях и добрался он до того самого места, где неожиданно остановился призрак и замер вдруг. Это было верным знаком того, что сюда придут венгры, и битва будет проходить именно тут.

Ожидание длилось бесконечно. Но оно порой казалось жутким, и было страшнее самого сражения. Подумывал Даниил о том, что может быть, король повернул обратно, передумал. Но это было слабым утешением.

Да и Федор был лучше всех дозорных, так что обмануть и провести его не было никакой возможности. Не стоило обманываться и в венгерском короле. По всем приметам он вот - вот должен был появиться. Необходимо собраться с духом и приготовиться к встрече. А князю опять вспомнилась та ночь, когда он отправился вместе с отцом на поле битвы, и впервые своими глазами увидел, что такое сражение, и труп того мертвого воина. Как странно тогда все это выглядело. Теперь все было по-другому, хотя прошло совсем немного времени. Вот и он сам должен был вести своих воинов в сражение. Кого-то из них убьют, но даже не это главное, чтобы победить венгров, ему самому придется убивать. И они, прежде всего на него смотреть станут. Не должен он опозориться, не может и не должен.

Федор вынырнул откуда-то, перебив его размышления, яростно сверкнул он зелеными своими глазами:

- Они идут, княже, они совсем близко, - говорил он спокойно.

И Роман в тот момент сорвался со своего места и бросился туда, к воинам, упрекая себя за то, что в такую минуту он предался беспечным мечтаниям и ничего не собирается делать.

Промедление непростительно, оно могло плачевно для него завершиться, и хорошо, что у него есть Федор. Не раз уже, как заклинание, произносил он эту фразу. И радость сменялась печалью. Все похвалы другу относились, прежде всего, к нему самому. А к себе юный князь учился быть совершенно беспощадным.

ГЛАВА 10 ДИВО

Без лишних слов сошлись воины, врубаясь в ряды друг друга. Они знали, что битва во многом судьбоносна. А может она и последняя для них. И сам князь, видя, как к нему подступают враги, повел себя напористо и дерзко. Ни о чем не думал, не размышлял Даниил во время битвы, понимая, как это опасно. Он сражался, не замечая даже того, что Федор все время, словно тень, был рядом,, подпускал к нему того, кто послабее, с десятью справлялся сам, да так смело и решительно действовал при этом, что никому из богатырей такая битва и не снилась.

Мефи яростно спотыкался и чертыхался. Вот дьявол, ему давненько не приходилось так отчаянно сражаться со всем светом разом. И ради чего, спрашивается? Ради князя, который никогда не оценит этого, а если узнает,

кто он такой на самом деле, то наверняка прогонит, решив, что с нечистыми ему не по пути. И король, следя за Даниилом, заметил эту тень, этого странного княжеского телохранителя, так хорошо орудующего мечом своим, что воины его разлетались в разные стороны, и падали на землю замертво. Во всем этом было что-то ненормальное, особенно в том, что тип этот совершенно неуязвим оказался.

И он бы, наверное, что-то предпринял, чтобы от этого черта как-то своих воинов защитить. Приказал бы, чтобы они оставили князя в покое, ведь главное не он, а дружина его. И показалось ему, что тень какая-то на князя поползла. Понял он, что перед ним что-то более странное, чем чертов его дружинник будет. И на самом деле, появился всадник, но не простой, это было понятно по тому, как легко он двигался к нему навстречу. Всадник этот - он перекрестился от неожиданности - был князь Роман. Но после крестного знамения он не исчез. Наверное, оно только от чертей помогает, а призраки не обращают на него никакого внимания. И тогда королю ничего не оставалось делать, как только отъехать немного, попятившись. Но при этом конь его так пронзительно заржал, что мурашки побежали по коже старого воина, зловещими показались ему предсказания астролога, а сам он тем могучим колдуном был, который, глядя в свое огромное зеркало на все происходящее, наверное, хохотал от всей души над ним, вздумавшим с мечом против колдовства идти.

Но страх улетучился так же неожиданно, как и появился. Может, он просто немного устыдился его, потому что это было очевидно и призраку. В конце концов, кто бы он такой не был, он не угрожал ему. Он просто предстал перед ним сейчас, будто перст божий или сам Дьявол, кто его там разберет, и молчал.

Первым не выдержал король.

- Роман, - воскликнул он, - но ты мертвый, Роман, чего же ты от меня хочешь?

- Для тебя я жив, пока ты мечтаешь о том, чтобы земли мои захватить да с сыном моим расправиться. Я жив, запомни это, - зловеще произнес призрак, и что-то такое страшное, такое суровое было в его голосе, что снова от него король отпрянул, и все перепуталось в его сознании. Он больше уже не мог следить за сражением, ему казалось, что какое-то проклятие Дамокловым мечом над ним нависло. И воины, которые были ближе к нему, заметили, что король их от какой-то неведомой преграды поворачивает назад своего коня и, будто забыв обо всем на свете, исчезает в чаще леса. Это послужило сигналом для того, чтобы они повернули своих коней. Сражение оборвалось неожиданно и стремительно, так что русичи ничего толком не

поняли. Не было еще особенного перевеса, и они продолжали сражаться, когда неожиданно все и завершилось.

Король же, гонимый страхом, ужасом и собственным бессилием оказался на другой стороне леса. Он опомнился и остановился. Но было поздно. Он хорошо понимал, что было поздно.

- Это не правда, это колдовство, это бред, - кричал он во след исчезнувшему призраку. Но он и сам не мог больше туда повернуть. Его рыцари видели его позорный побег и ничего в этом понять не могли. Да и сами они устремились за ними.

- Нет, не случайно Даниил пришел к власти. Сам Дьявол его не случайно в бою охраняет. И привидение отца его тут недаром оказалось. Их не победить, пока они все вместе, их никогда не победить, - то ли оправдываясь, то ли объясняя для себя происходящее, твердил он, понимая, что все здесь происходящее ему неизвестно и рассудку его не поддается. И пора уходит отсюда, пока многие еще живы и невредимы.

Упрямство здесь бессмысленно, а для него просто губительно. И он жестом приказал удивленным своим воинам следовать за ним.

Они ехали молча и дивились тому, что их не преследуют. Они ждали каких-то объяснений от короля. Но он им пока ничего объяснять не собирался. Станным таким и растерянным они его никогда прежде не видели. И казалось, что с ним что-то такое приключилось, чего понять и объяснить невозможно было.

А Даниил и не собирался за ними гнаться. Он видел, что их что-то очень сильно напугало, и понял, что они уберутся к себе и сюда не вернутся больше - этого достаточно. Федор смеялся где-то рядом и шутил. У остальных тоже было прекрасное настроение. Но он, князь, выигравший первую в своей жизни битву, кажется, еще не понимал и не сознавал этого.

Все закончилось неожиданно, все завершилось очень быстро.

ГЛАВА 11 ПОЛЕ БИТВЫ

Они рвались поскорее домой, но князь задержал их в поле чистом до утра. Такая приходить была его воинам, особенно свите его совсем непонятна, но перечить ему никто не стал. А утром, когда все еще спали крепко, после разговоров, воспоминаний, былин у костра, князь поднялся на заре и не стал никого будить. Сам, один отправился Даниил на то поле сражения. Еще не были там все захоронены, и мертвецы теперь вовсе не были похожи на живых, но крепко спящих людей. Тела их окаменели, и стая ворон свирепо кружила над ними. Все казалось таким обреченным и безнадежным.

Они погибли по его воле и воле его соперника. Они лишились жизни, и никто из них не успел узнать, победили они или потерпели поражение. До сих пор смерть была от него далека, но на этот раз она подошла к нему так близко, и заглянула в его глаза своим железным, насмешливым взором. Теперь Даниил понимал, что на этот раз он победил. Но он видел, что люди, вчера двигавшиеся за ним в сражение, мертвы, ради его славы и победы они отдали свои жизни. И всегда в душе его будет радость победы и противоречивое чувство горести от дыхания смерти совсем рядом, так близко. Он не сможет от них избавиться никогда. Но навсегда в этой жизни останется князь и воинов Даниил Романович, он не может жить и чувствовать по-другому.

Путь монахи и священники молятся за их души и обещают рай небесный. Они его и на самом деле заслужили. Но он князь, и он снова поведет их в сражение. Именно за этим и пришел он в странный и загадочный мир.

Когда князь вернулся к своим дружинникам, он застал их всех еще мирно спавшими и велел быстро поднять всех. Он приказал оставаться отряду с воеводой, чтобы похоронить убитых, а остальным приказал возвращаться в Галич. Они с великой радостью отправились назад, боясь, что князь снова может передумать и заставит их что-то еще сделать.

Но почему так печален и задумчив, оставался победитель? Но многие вспоминали о том, что он всегда был серьезен и не умел веселиться. Возможно, победа его не особенно радовала. Даже приближенные к князю воины не могли понять, о чем они думают.

Он молод и не уверен в себе, так решили те, кто был с ним рядом в те минуты.

Но они галдели и радовались собственной победе, и тому, что оставались живы и возвращались в свои дома.

Даниил в тот момент думал о венгерском короле, которому возвращаться домой проигравшим было не особенно приятно. Как он рассчитывал на то, что сразиться с мальчишкой и победить его не составит никакого труда. Но сколько же воинов он оставил на поле брани. И всем им, кроме самих именитых, по его воле, придется лежать на чужбине.

Даниил вспомнил о том, что не поблагодарил бога за победу. И подивился тому, что на небесах он видел совсем другого бога - на своей колеснице навстречу к нему мчался Перун. Княжий бог мчался к нему навстречу. Ему молились и приносили жертвы их предки. И победы их тогда были грандиозными.

Странно, сколько лет уже был бог един, и никто вроде о старом и не думал, и вдруг он прорвался сквозь пелену времен и пространств и не давал покоя. А что если он не умер, не исчез, а только затаился в своих чертогах на какой-то срок и следит тайно за всем, что в этом мире происходит.

Даниил оглянулся на монаха, участвовавшего с ним в этой битве, поежился немного. Он не понимал, какие грешные мысли могли приходиться на ум его юному князю, да и что удивительного, парень так молчалив, никогда ничего от него не добьешься.

Но захотелось ему, вернувшись к Перуну, жертвы ему принести, поблагодарить за помощь, как предки делали. Но странно, тогда не понимали и не знали тех, кто верил в Христа. Теперь войны не поймут, священники осудят. Но он не должен вносить в их душу смуту, он не может этого себе позволить.

Священник понимал только то, что необходимо веру укрепить, не то не будет ничего хорошего, если юный князь так далек от этого мира. Но тот избавиться от крамольных мыслей никак не мог.

№№№№№№

У городских ворот его встречал Василек, милый, добрый, но такой немужественный парень. Как в таком княжеском роду мог родиться такой, непонятно было. Но любил его Даниил, да и как брата родного не любить было? Даже если он не такой как хотелось бы.

- Да, мы победили,- наконец улыбнулся, глядя на него, Даниил - и всегда побеждать будем.

Но тот смотрел недоверчиво, хотя и пытался это скрыть.

И чтобы избавиться от желания скрыть недоверие и придать ему какую-то значимость, он прибавил тут же:

-А ты об этом напишешь? Знаешь о чем я думал в дороге, пусть ученые монахи пишут свои летописи, а ты напишешь для потомков свою, как видишь это, как понимаешь, как чувствуешь. И дети, и внуки наши пусть читают и сравнивают, им это интересно и забавно будет.

Кажется, Василек несказанно обрадовался этому предложению, и для него вдруг нашлось важное дело. По крайней мере, с того дня он прилежнее стал овладевать грамотой, записывал и пока прятал какие-то свои записи от посторонних глаз.

«У меня будет собственный летописец, и летопись эта будет особенной, - засыпая, думал Даниил.

Слава князя Игоря, оставившего таинственное «Слово» из-за которого даже железному Всеволоду и всем его союзникам потом никакого покоя не была, не давала ему заснуть.

А брат его все увидит своими глазами, запомнит и запишет так, как это было на самом деле. Он должен был признать, что не доверял монаху, как бы ему не хотелось этого. И знать будут люди русские не только битвы и победы, но и то, каким он был настоящим, со всеми радостями и бедами, взлетами и поражениями.

Он не мог объяснить себе, зачем ему это нужно, но в душе понимал, насколько это для него важно может оказаться.

И жаль, что от предшественников его, какими бы яркими и знаменитыми они не были, так мало оставалось. А потомкам интересен должен быть сам князь, не должна все их дела укрывать пелена времени, несправедливо это.

И он долго рассказывал Васильку о той битве, о том, что чувствовал он, даже о Перуне поведал, и пообещал, что на следующую битву они отправятся вместе, хотя лучше, если это случится не скоро.

ГЛАВА 12 ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Тот разговор со старшим братом не прошел для Василька даром. Он раздобыл специальные пергаменты, на которых и стал записывать все, что считал важным.

И склонился мальчик над началом ее, и замер в волнении, светлым и таким пустым казался ему этот лист, се, что угодно на нем начертать можно было, и хорошее и дурное могло появиться тут, на каждое слово должно быть значимым.

Долгие годы эта летопись с ним останется. И имя своего князя для начала вывел он на самом верху и поставил точку, полюбовался на работу свою, и решил, что в письменах он преуспел.

И писал он дальше о Даниловой битве, о победе его над венграми, о смелости и мужестве совсем юного князя, о том, что большое будущее ждет его.

А потом снова задумался Василек, и показалось ему, что через плечо смотрит на него внук его или правнук, тот, кто сам не мог всего этого знать или видеть и только по письменам его мог понять, что и как было, и понял он, как писать должен, и особенную ответственность почувствовал.

Он знал, что это должна быть, правда, о князе и времени, и почуял он особенную ответственность.

И с тех пор, в то время, как только он открывал летопись, он видел неведомого отрока рядом с ним стоявшего, не давшего ему лукавить и лгать. И тот требовал, чтобы поведал он, как это было, как происходило все и почему случилось так, а не иначе.

И странное вдохновение охватывало его в те минуты, когда понимал он, что только один на целом свете способен сотворить такое, что никто больше подобного сделать не сможет.

А в тот самый первый день записал он ладно и красиво.

«И взошел на стол Галицкий юный Даниил Романович. Был он отважен и храбр, от головы и до ног его не было в нем порока».

И снова после этих слов задумался летописец над словами этими. Но сколько не думал он, не нашел в них изъяну, и понял, что все правильно написал он, таким и останется Даниил от начала до конца. Не будет в нем изъяну. И верил в него князь почти как в святого.

И понял вдруг Василек, что хотя и был Даниил братом его, но всегда он останется недостижим для него, как и для всех остальных. Но что же может так волновать его? То, что о нем самом никто такого не напишет? Он останется только тенью для брата своего.

И как только он начал об этом размышлять, то понял и почувствовал, какие силы в глубине его души и поднимались они и душили его.

Он растерянно молчал при этом и удивленно смотрел вокруг. А потом заметил он, что какая-то противная, нечеловеческая рожа за ним все время следит, наблюдает и хихикает. Он точно знал, что не должен давать волю кошмару. Он знал, что не поддастся на это. У каждого свое место в этом мире, я не завидую Даниилу, потому что только он может справиться с тем, что есть у него нынче.

И как только он подумал так твердо обо всем, что происходило, эта рожа и исчезла сразу. И остался мальчик собой доволен. В первый раз он одержал победу над собой, и она была не менее значима, чем Данилова победы.

А потом писал он снова о брате своем. О том, что с ним приключилось за это время. Как разбил он венгров, рискнувших на него напасть, как вернулся в свой Галич, спокоен и мудр, хотя и был в то время еще совсем отроком.

И с гордостью писал Василек о том, что княжество его было одним из самых сильных и могучих, таким оно навсегда и останется, хотя чувствовал он, как много еще будет радостей и горестей, а сколько испытаний ждет их

впереди. Как беспокойно и странно в этом мире стало жить. И татары жадные да дикие узкими своими глазами на мир их взирают и не могут понять, что удерживает их от нападения.

Только на рассвете в тот знаменательный день отложил мальчик рукопись свою и решил немного отдохнуть. Но никому еще не сознался он тогда, чем был занят все это время. Это оставалось его тайной на какой-то неопределенный срок. Все прояснится позднее.

ГЛАВА 13 ЛЕГЕНДА О ПТИЦЕ ФЕНИКСЕ

Даниил припомнил в то время старую историю, которую еще бабка когда-то сказывала. Но хотелось вспомнить ее еще один раз. Немного устыдившись, он подошел к старухе, сказал, что забывать ее в последнее время стал, как и саму старушку, которая жила в то время в своей маленькой избушке за княжескими хоромами. И только теперь заметил, как она была больна и немощна, почти не поднималась с постели. Но увидев Даниила, обрадовалась и что-то неразборчиво и тихо заговорила. Он присел на простую табуретку, чтобы лучше слышать ее, но половины из сказанного ею так и не запомнил. И видя, как трудно говорить ей, попросил ласково:

- А расскажи-ка мне старая про ту птицу, которую смерть к себе забирала, а она опять воскресала.

Старуха внимательно и понятливо на него посмотрела, она сообразила, что княжич хочет от нее. Улыбнулась и обрадовалась тому, что он помнит те сказки, которые она так старательно ему на ночь говорила.

- Да, была птица чудная такая, - говорила тихо старуха, странная имя у нее было Феникс звали ее, там, в заморских мирах, когда стара и немощна становилась, сжигала она себя дотла, а потом поднималась из пепла молодой да такой прекрасной, что чудной просто казалась. И снова она жизни радовалась пуще прежнего.

Но на этот раз более краткой та история была, трудно было ей говорить. И все-таки поражала она воображение князя, и спросил он старуху:

- А ты хотела бы вот так сгореть, а потом снова восстать из пепла.

Он видел, что часы ее на земле сочтены давно.

- Да разве могу я, - тяжело вздохнула она, - наверное, этого каждому хотелось бы, но не волен в чудесах таких человек. Для этого есть боги наши солнечные. Они нам не позволят вольности такой. Но так хотелось мне узреть каким ты станешь в свое время, что с землей русской будет тогда. Говорят, много бед ждет всех нас. Старики и радуются, что не доживут они до тех

свирепых времен, а вам лиха хлебнуть придется немало, молоды вы и неразумны еще. Да каждому надо уходить в свой срок, а мой уж и наступил.

-Старуха устала, смертельно устала, и снова заговорила что-то совсем непонятное.

- Ладно, отдохни, я не стану мешать тебе, - проговорил он задумчиво.

- Да что отдыхать - то, и на том свете отдохну, да в земле сырой належусь еще, - примирительно говорила она, радуясь тому, что снова увидела его. А потом она еще долго смотрела в след уходящему князю. И казалось ей, что она видит его на земле в последний раз. Но знала она и другое. Там будет другой мир и иная жизнь, в которой они обязательно встретятся. А пока они будут в разлуке, она с небес следить за ним станет и охранять его от глаза дурного, да от врагов его лютых. Но даже когда уйдет, она не оставит его одного, как с самого рождения не оставляла. Вот и после битвы своей победной старуху не забыл он. А она-то совсем из ума выжила, не поздравила его даже с первой в его жизни победой, не сказала ему о том, как плакала она от радости, когда сказали ей, что победил он венгров проклятых, наголову разбил их и домой с победой воротился. Обиделся он, наверное, на нее неразумную. Но на стариков не стоит обижаться, потому что износилась она уже, и многое неодолимой тяжестью стало для нее.

Она повернулась к иконе, висевшей в углу, и стала молиться о Данииле и Васильке, о земле русской, чтобы басурмане проклятые не помышляли о ней никогда, чтобы родная их Галицкая земля могучей оставалась, и никому победить князей не удавалось. Об этом молилась старуха со всей страстью и силой, которая оставалась еще в душе у нее, а другого ничего не было в жизни ее. Десятилетней девкой пришла она на княжеский двор к князю Роману, знаменит, силен и прекрасен тогда был сей князь. И так все красиво после ее избенки показалось, что благодарила она судьбу за то, что так вышло. Так всю жизнь и прожила там, и нянькой, и прислугой была для них, и все, что нужно в княжеском хозяйстве она делала, но души она в детях не чаяла, потому что была всегда с ними, а были они для нее роднее родных.

Сколько воды с той поры утекло, можно было замуж выйти и своих детей завести, но она и думать о том не могла и не хотела, потому что тогда этим бы меньше оставалось, и жить надо было бы не в огромном пригожем княжеском дворе, а на своем маленьком да захудалом. А если бы еще муж-злодей попался? Не желала она счастья такого, и всем женихам бы от ворот поворот давала. Никогда на жизнь свою не жаловалась, и, как считали многие, даже очень ею была довольна. Да и сама она так считала, потому и Даниил, и Василек хорошим, умными и сильными вырастали. Хороший князь будет жить и править на земле Галицкой, так пусть боги научат и

вразумят его только, и милостью своей не оставляют.. Она знала, что скоро и сама сможет за него словечко замолвить там, где душа ее будет ближе к богу, чем теперь.

№№№№№№№№

Даниил сожалел, что так стара и немощна теперь она стала. Он привык видеть ее веселой и живой, никогда не унывающей. Сколько рассказов у нее всегда наготове было. Он посетовал ей на то, что забыл о своей победе рассказать, но видно, для нее это больше не имеет значения. Он не стал возвращаться, решив, что на днях обязательно зайдет еще раз, тогда все и расскажет.

Но на следующее утро ему сообщили, что ночью старуха умерла. Он понял, что накануне это было прощание, странное прощание с детством. И последняя ее история была про птицу Феникс, которая умирает и воскресает снова. Шестое чувство подсказало ему, что эта история и в его жизни станет играть очень важную роль, если он вовремя вспомнит о ней. Он распорядился о похоронах и потребовал, чтобы ничего не жалели.

- Старуха и без того долго задержалась на свете этом, - пожал плечами его верный слуга. Но князь так на него взглянул, что он не решился сказать еще что-то, решил все свои соображения при себе оставить.

ГЛАВА 14 ЧЕЛОВЕК И ЗВЕРЬ

Много невероятно и невиданного происходило в те дни на Руси. И вот сообщили монахи-отшельники, давно живущие в дальних скитах своих, в лесах дремучих, что появился оборотень. И оборачивается он в полночь волком, и бегаёт в звериной шкуре до рассвета, а на рассвете снова человеком становится. И говорили, что это злой колун, который все время за что-то мстит людям.

Дошли такие рассказы и до князя Даниила. Он вспомнил о старухе, которая недавно умерла. Именно она любила рассказывать такие чудные истории. Но на этот раз говорили так, словно все это на самом деле случилось, и название деревни звучало для убедительности в этих рассказах.

- И как мы можем изловить этого оборотня?- поинтересовался князь у старика, который и сам слыл колдуном, хотя и был монахом.

Монах порадовался тому, что князь ему поверил и не стал над ним насмехаться. И охотнее, живее стал он отвечать на эти его вопросы.

- Изловить его можно только в полночь, когда он уходит в лес, находит там старый пенек, нож в него втыкает, а потом через голову переворачивается семь раз, на седьмой это уже не человек, а волк настоящий, зверь лютой, готовый весь мир загрызть.

Бегают он зверем, а потом и к тому пню возвращается, нож зубами вытаскивает и снова вертеться начинает, но ежели кто раньше нож этот вытащит, то придется ему навсегда волком оставаться. Вот и надо нам так поступить.

- Но зачем так жестоко с этим несчастным поступать, - вступил в разговор Василек, и все повернулись к нему.

Но Даниил отступить от задуманного не собирался, он не был так добр, и ответственность на его юных плечах большая лежала.

Но не сказал ему тогда монах самого главного, побоялся он произнести вслух то, что от иных слышать ему доводилось, будто это один из его бояр, такой облик принимает. И надо его изловить и от разбойных дел отвадить, чем скорее, тем лучше будет все. Пока он и других в грех не ввел. Все нечистые - это противные богу духи, и бороться с ними надо, не щадя живота своего.

Князь не особенно рассчитывал на то, что они оборотня этого встретят, но монах был так настойчив, говорил так убедительно, потому и отдал он приказ воинам своим отправиться в полночь на поиски. И с усмешкой подумал Даниил о том, что ему, вероятно, следовало испугаться, но он был уверен в собственной силе и ловкости. Ни зверь, ни человек не были в те дни страшны юному князю Галицкому.

И он почему - то вспомнил былины древние, где Добрыня со змеем сражался, и хотелось ему, чтобы и о нем самом такое сказание в веках оставалось. Он был рожден воином, отец его был одним из самых отважных князей, таким ему и хотелось оставаться до конца.

И вот тогда до Федора дошли слухи, что сам князь собрался со зверем лютым схватиться, а про него вроде бы и забыл вовсе. Не выдержал он, и сам к князю пожаловал.

- Вроде бы в битву мы с тобой вместе ходили, что же в мирное время ты от меня отворачиваешься, княже, - обиженно спросил он

- Это мой Змей, - задорно говорил Даниил, - и с ним я сам сражаться должен.

И ничего больше говорить о том князь не стал. Но он видел, что от Федора ему просто так не отделаться. Но он понимал, что обижает своего лучшего друга, но никак не мог с собой справиться. И знал Федор, что должен он что-то особенное придумать.

- Я не пойду, - заверил его тот, - я боюсь ночью по лесам шастать.

Никто бы не понял, издевается он или говорит серьезно. И сколько бы Даниил не смеялся над ним, он упорно не сдавался, и твердил о том, что шкура ему своя дороже, и не хочет он в темноте искать незнамо чего. И тогда князю осталось только махнуть рукой, и задуматься о странном поведении своего друга.

Вечером, когда монах тихо постучал, князь был уже готов выйти в лес. Федор неустанно стал пробираться за ними. Он крался очень осторожно, так, чтобы ни тот, ни другой не смогли его заметить. Никак не мог он упустить такого случая. Около ворот дворца встретил их Василек. Остановился он перед ними растерянно.

- Тебя что-то тревожит? - Обратился к нему Даниил.

- Не ходи туда, - попросил его брат, - боязно мне.

Над ним Даниил не стал смеяться, но спросил его, немного озадаченный:

- Чего ты боишься? Того, что я со зверем не справлюсь?

- Нет, не того, но если это заговор против тебя, - они знают, что ты один пошел, я боюсь, что не звери там тебя, а люди лихие ждут, и они страшнее зверей будут.

Даниил был потрясен. Он и не думал, что Василек может так о людях думать, но он не позволил себе отступить.

- Не бойся, ничего страшного там нет, не могу я поверить в то, что монах меня обманывать станет.

- Можно мне с тобой?- спросил он, видя, что тот не откажется от своей затеи. В глазах его стояло отчаяние, хотя это непросто было в темноте разглядеть.

- Нет, оставайся здесь, мне так спокойней будет, - уверял его князь. И Василек согласился с ним. Он долго упрекал себя за то, что смалодушничал и не пошел с ним, но послушаться князя никак не мог.

Еще долго вспоминалось Даниилу лицо Василька. Он знал, что не взял бы его с собой. Он не собирался допускать того, чтобы не подготовленный и такой слабый юноша был с ним в эти минуты. Иногда его сердили слабости брата, но он понимал, что человек таков какой он есть и его невозможно переделать. Но у него много хорошего в душе, и он найдет себя в другом, не всем же со зверями лютыми сражаться.

Два всадника почти бесшумно направились в лесную чащу. Луна незаметно скрылась за тучей, ночь казалась такой черной, что ничего он видеть не мог даже рядом. И обратился он тогда к Перуну, богу, который подходил больше всего для этого. Разве не его предки считали покровителем

воинов. Показалось князю, что этот старый, тайный бог предупреждает его о чем-то важном. И даже голос слышал он: «Остерегайся».

Но и это не могло заставить его отступить от задуманного.

В крошечной темноте и въехали они в лес.

ГЛАВА 15 НЕРАВНАЯ СХВАТКА

Монах не обманул его. И вся разница только в том и состояла, что он верил в бога своего и считал, что тот видит и слышит все, что происходит вокруг. Потому он безошибочно повел его к тому пню, который во тьме показался огромным. Они уселись в кустах, привязав на опушке коней своих, чтобы те не ушли далеко, оставались ждать. Краешек луны выглянул откуда-то из тумана, в лесу стало немного светлее. Появился кто-то в черном плаще, и, оглянувшись по сторонам, воткнул нож в тот самый пенек. Делал он все это уверенно, и понятно было, что происходило это не в первый раз.

Но как не силился Даниил, узнать его он никак не мог. Было темно, и человек казался только черным пятном на сероватом фоне громадных деревьев. Потом, как и предупреждал монах, он стал кувыркаться, и с каждым разом все меньше был похож на человека. Князь немного дальше, чем обычно принимал решение, и никак не мог понять в какой момент с ним лучше расправиться, когда зверем или человеком он будет? Не так сложно было вытащить нож, а потом убить его, но тогда он не узнает, кто это был, с кем они расправились так просто, а его терзало любопытство. И он решил, что лучше подождать до рассвета, пока он не прибежит назад, не превратится в человека. Тогда и произойдет расправа.

Когда зверь убежал, монах удивленно спросил у него, почему он ничего не делает.

- Еще не время, я не знаю даже, кто это.

- Надо вытащить нож, - запротестовал он, - и мы разом от него избавимся.

- Мы только еще одного врага себе наживем, я должен поймать не зверя, а человека.

И они так и оставались в тот момент каждый при своем мнении.

Прошло совсем немного времени, и он заметил, что зверь снова стремительно приближается к ним. Выбора больше не оставалось, Даниил выхватил меч и ранил животное между шеей и плечом. Рана, скорее всего не была смертельной, так отметины, глубокая царапина, но зверь не стал больше нападать и снова скрылся в чаще лесной.

- Нужно вытащить нож, - снова услышал он голос монаха, - он опасен.

- Нет- протестовал Даниил, теперь ни зверь, ни человек не уйдет от нас, а я все еще не знаю, кто это был, - и он рассеялся над незадачливым монахом, и удалился вместе с ним из леечной чащи.

- Он не скоро решится появиться в твоих лесах, нам нечего здесь больше делать. Василек был прав, зверь не может быть так жесток и коварен, как человек, и у него не возникло желания уничтожить его.

Он возвращался домой, думая о том, что завтра сумеет определить, кто из бояр такой странной силой наделен. Видно ведет он свой род его от легендарного Волхва, который и птицей в небесах летать мог, и рыбой плавать, и зверем по лесам рыскать. В мир так много неведомого, тайна окружает его со всех сторон. Человек редко с ним сталкивается, а может и не столкнуться вовсе. Он не стал бы отрицать того, что существовали и Змей, с которым сражался Добрыня, и Тугарин, над которым Алешка расправу учинил.

Жаль, что извели их еще задолго до появления Даниила, хотелось бы ему встретиться с ними в чистом поле.

И только одно усвоил из ночного путешествия князь - мир разнообразен и невероятно интересен, об этом он и сказал Васильку, когда вернулся домой.

Василек стоял в темноте коридора и дожидался их.

- Я цел и невредим, не так страшен зверь, как говорят о нем, я на нем отметину свою оставил. Не бойся, не мог я оставить тебя одного в этом мире. И летопись твоя не оборвется на самых первых страницах, не бывать этому.

- Ты все еще шутишь, а я весь от страха дрожу. Но мне хотелось верить, что они просто такую страшную сказку придумали, а никакого оборотня на самом деле не существует.

- Нет, не придумали, - отвечал ему Даниил, я сам его видел, да и не один только я, а завтра и все другие убедятся в том, что так все это и есть.

И он отправился в свою комнату, а Василек все еще стоял у окна и никак не мог решить, стоит ли ему на этот раз записать в Данилову летопись, чтобы не сочли его лгуном.

Потом он решил подождать до завтра и посмотреть, что происходить будет дальше.

№ № № № № № №

С нетерпением ждал этого утра и Даниил. А когда бояре собрались в гридне княжеской, внимательно, пристально рассматривал их князь, и подивился тому, что вроде бы все они были живы и здоровы.

- Кого же нынче нет с нами? - вопрошал он у Федора, сидевшего рядом с ним.

- Все, - говорил тот, - только боярин Григорий заболел.

- Чем же это он так заболел, - продолжал допытываться князь, еще вчера не удивило бы это его вовсе, но нынче он был почти уверен, с чем связана странная эта болезнь, и принял князь решение навестить своего боярина и убедиться в том, что подозрения его не напрасны.

Даниил не стал терять времени даром, кликнул несколько человек из свиты своей и направился на боярский двор. Подивились бояре такой княжеской заботе об одном из них. Но ничего не стал объяснять Даниил, когда на боярский двор он шагнул.

Вот и остановилось они друг перед другом, князь и боярин его.

- Что же такое с тобой приключилось? - спрашивал Даниил, стараясь держаться как можно спокойнее и увереннее.

- На охоте вчера был, со зверем лютым схватиться пришлось, - усмехнулся он, стараясь держаться спокойно, но видел, что обо всем знает князь, только таит молчание, и сюда он пришел не просто так.

- Да, много дивных зверей в лесах наших водится, - согласился с ним Даниил, - не со всеми легко и просто справиться.

Ничего не сказал он больше, и ушел так же неожиданно, как и появился. Для многих непонятной осталась эта беседа, но они поняли друг друга - князь и боярин Григорий.

Скоро тот тайно покинул Галич, и укрылся навсегда где-то в иных местах, потому что понял, что разоблачил его Даниил, хотя и дал возможность ему уйти.

- Зачем ты так поступил? - пытал его Василек, - ведь и в ином месте он останется такой же.

- Не знаю я, чем так страшен он. Многие люди и в человеческом облики хуже его будут.

И еще раз показал он свое великодушие. Больше о странном звере в его княжестве никто не рассказывал.

ГЛАВА 16 РАСКАЗЫ ОБ АЛЕКСАНДРЕ

И в те времена, когда всходил на свой престол князь Даниил, и в столь юном возрасте становился властелином самого могущественного из русских княжеств, показалось и ему, и всем, кто жил в те времена, что Двойник у него появился, соперник, с именем которого все его дела в дальнейшем связывать начнут. Знали колдуны о том, что пути их пересекаются будут все время. И при других обстоятельствах они могли встретиться и дружить, но в 13 веке это оказалось делом для них невозможным. Они жили не так далеко друг от

друга, но каждый был князем в своем уделе и объединяться с кем-то, кому-то подчиняться не собирался. В том и была беда внуков Святослава, что не могли они в мире и покое жить. Еще мудрый и несчастный Игорь пытался кому-то из них что-то доказать, да ничего у него тогда не выходило, и выйти не могло. В «Слове» своем, судьба которого печальна была, он предупреждал их об единении перед грозной бедой, но не слышали они его. А беда давно уже на пороге стояла. Они уже не думали о том, что только пугает он их всех. Они были уверены в силах своих, но не могли представить, какая грозная сила против них двигается. Татары давно уже жгли окраины русских земель, и при этом все дальше и дальше продвинуться старались. Но и это не отрезвило русских князей, они по-прежнему упрямылись. Только себя они считали сильными и достойными, остальные должны были подчиниться, но никто не собирался ни с кем мириться. И даже когда понимали уже, что малы были их дружины против полчищ иноземных, и тогда не могли они на союз с братьями решиться. Да и найдется ли Даниилу Галицкому надежный соперник, спрашивал Василек, и незримый собеседник назвал тут же:

- Александр Ярославич есть у нас.

И хотя не было еще всех его блестящих побед, но призадумался Даниил, это имя впервые услышав. Они были почти ровесниками, в одном году стали князьями и княжества у них были самыми большими да сильными, и враги им одни достались, и сражения принять пришлось. И часто казалось Даниилу, что пришли они в этот мир, чтобы один на другого ровнялся, и потом шли вперед.

Но они пока еще ни разу не встречались. И в истории оставался всегда только один из князей, для двоих в одном времени места не хватало. И часто это был не самый сильный, не самый лучший из них, просто так складывалось. Судьба позднее на Александра указала, потому что ему суждено было из Новгорода в Киев и Владимир - удел деда его, переместиться. Люб был дерзкий мальчишка и народу своему, видевшему в нем заступника и спасителя, и воина отважного. Был он мил и татарскому хану Батыю, и Богу новому, а за что люб, этого точно никто сказать не мог, просто так получалось, судя по всему.

Невозможно никогда объяснить, за что нас любят, говорят, такова судьба. Был он с самого начала до конца на виду у всех, всегда впереди.

Даниил Галицкий никогда не завидовал Александру. Он хорошо знал себе цену, и понимал, что все это только случайность, воля судьбы, спорить с которой бесполезно, да он и не спорил никогда. Он понимал потом, что Александр избранник. Он просто делал все, за что брался, хорошо, чтобы упрекнуть его ни в чем нельзя было. Но вольно или невольно втянутый в это

соперничество, он не мог не оглядываться на того, сравнивал их судьбы и поступки. С чем-то соглашался, с чем-то упорно спорил, и часто радовался тому, что есть у него достойный соперник.

№№№№№

Знал ли Александр Ярославич в годы своей юности что-то о Данииле Романовиче Галицком, выделял ли его особо из других князей, как знать, хотя слава о Галицких князьях все еще гремела в те времена. Но они привык рассчитывать только на себя самого и союзников не искал. Возможно потом, через много лет, в финале славного своего пути, понял он, что невозможно против хана в одиночку идти, рабами останутся они до тех пор, пока едины не будут. Да поздно было о союзах думать. И Галицкий князь был так горд и замкнут, что не подступиться к нему. Не пришел он первым, смотрел в сторону Папы и Рима. И хотя родная кровь в жилах их текла, ведь все они свой род от Рюрика числили, но роднее ему папа, корону обещавший, был, чем Киевский князь.

Так и оставались в одном королевстве, в разных его частях два равновеликих короля. Один, из которых избалован был славой и вниманием, а второй просто велик и могуч. Много им обещано было, да далеко не все сбылось. И хотелось им взглянуть в глаза друг другу, и внимательно они следили один за другим.

Так и прошли их времена, то славные, то ничтожные.

ГЛАВА 17 КНЯЖЕСКОЕ СЛОВО

Мало кто знал о боярине волке. Но недолго прожил он в чужих краях. Вскоре не выдержал он, и вернулся, и смертельно раненный кем-то, вернулся назад, в Галицкие земли.

Странно удивился Даниил такому возвращению, но живого его уже не застал, а когда сообщил ему о Григории, он был уже мертв. И понимая мужество этого человека, отправился на панихиду Даниил. Он решил еще раз на него взглянуть. Грустно было оттого, что не все оказались так великодушны, как сам князь. С несчастным боярином они рассчитались.

И держал князь слово перед растерянными подданными своими:

- Не каждому доведется, к счастью в волчью шкуру рядиться, но это подтверждает только то, что люди часто страшнее любых зверей бывают, любой лютый зверь не устоит перед ними. Но знайте, кто дурное против

князя своего удумает, плохо тому станет, не посчитаюсь со всеми прошлыми заслугами вашими, не дрогнет княжеская рука.

Молча они его слушали и понимали, что не пустая это угроза, а выполнит он ее, и не отступится. Но трудно было сказать, что задумали они против князя своего, что от него получить хотели.

А тогда убедились, что молодой их властелин строг, да справедлив, напрасно никого он обижать не станет. Но так вольно и свободно не могли они больше себя чувствовать.

Но вдова боярина тогда в ярости бессознательной на монаха набросилась.

- Это ты, окаянный, мужа моего погубил, а меня вдовой в тридцать лет сделал, потому что тебя я просила чары страшные снять с него. Вот как ты на мольбы мои ответил. Будто зверя лютого, загнал ты его, и смерть подарил ему раньше положенного срока. Видно не способен твой бог нас от беды избавить. Ни в чем он не был виноват. Это грехи предков его на нем грузом тяжким лежали, и еще долго лежать будут.

Рассеянно стоял перед ними монах. Он и на самом деле скверно себя чувствовал и ничего не мог поделать. Приказал Даниил заботиться о семье, и заявил, что проклятие на мужа накладывал. Видно было что-то в судьбе его, за что он теперь и расплачивается.

Ушел князь со странной этой панихиды, понимая, как часто играет судьба с человеком. Не сможет он из пут выбраться. Обречен странный этот волк убежать, и где-то смерть свою найти, ведь люди трусливы и суеверны, не терпят они тех, кто на них не похож, поскорее уничтожить их пытаются, и чаще всего это им удается.

И вдруг так грустно ему стало, когда он и сам почувствовал себя загнанным волком, который вынужден всегда быть настороже. Всегда по сторонам оглядываться, потому что знал он, что почти все бояре старше его, многие и сами были бы рады трон его занять. Хочется им власти самой большой. И хотя у князя удельного власть не так велика, как может со стороны показаться, ест и пьет он с ними на пирах вместе, но он не один из многих, а единственный. А каждому хочется таким быть, властвовать, а не подчиняться. Потому каждый из них рад был бы, если бы стигнул он в схватке с кабаном каким, или еще какая беда с ним бы приключилась вдруг. Понимал он это все и особенно на них не сердился. Но знал с самого начала, что ни одному из них доверять не может князь, потому что о себе они думают, потому устремления их с княжескими расходятся. Так было всегда и будет вечно.

И нужен был ему союзник в этом противостоянии. Христу, на себя все беды принявшему, князь не особенно доверял. Потому все чаще взор свой обращал он к Перуну, воинственному и мужественному богу. Это он должен был понять намерения и помочь ему в противостоянии этом. Ему нужен был сильный и воинственный покровитель, советник, которому нужно доверять. А доверять князь может только тому, кто отстранен и не заинтересован во власти, не соперник он ему в делах его земных.

Так впервые отрок и задумался о втором, и почему-то пришел к нему языческий бог, или какое-то создание неземное должно было появиться к нему, и больше не забывал он о тайном союзнике своем.

Никому, даже Васильку не рассказывал он о странных помыслах своих, боялся, что не поймут они его, слабым считать станут. Но он и на самом деле так молод и неопытен был тогда, страшно оттого, что никого нет рядом.

Мефи не надо было просить дважды. Он появился перед Даниилом, и хотя тот не сразу признал в нем того, о ком так страстно мечтал, но понял, что пока лучше ему все-таки никого не найти. Ему повезло несказанно. Лукавый проникся к нему любовью, которой он давно к князьям не испытывал. И много чего тогда он решил показать ему. Даниил ему определенно нравился. Он был чем-то похож на прежних князей. И Мефи мог большие просторы перед ним раскрыть.

Он просто радовался тому, что тот второй, которым мог стать Александр при других обстоятельствах, был достаточно шустрым, смекалистым и могучим, если не все, то многое ему было подвластно.

ГЛАВА 18 АДСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мефи успел догадаться о том, что новый князь мало чего боится. Он видел, как тот спокойно отправился на зверя лесного, и вряд ли и перед сражениями и забавами отступит, если он так спокойно говорит об аде. Пусть он туда и заглянет, - решил новый союзник.

Правда, он не часто так с живыми князьями развлекался, но на этот раз какой-то задор в душе его возник, он решил, что любопытно будет взглянуть на то, что там происходить станет.

Туда они и отправились спокойно.

- Надолго это?- только и спросил Даниил.

Он беспокоился о своем княжестве, и всем своим боярам не мог доверить мира, который ему принадлежал по праву. От них всего ждать можно, Василек с ними не справится.

Он догадывался, что бес слышит все его мысли, потому и молчал пока.

- На пару часов. Не беспокойся, даже твои парни ничего не успеют натворить в Галиче твоём, а там пока тебе нечего долго делать, с этим успеется.

- Зачем ты мне это показать хочешь? - спрашивал он.

Ему хотелось знать, почему бес его выбрал для всего этого.

- Ты кажешься мне сильнее и значительнее Александра, - отвечал тот, вполне откровенно, пока скрывать ему было нечего, - пусть он красуется перед ними, а ты до поры, до времени в тени останешься. Это важно, на свету многого не видно, а внешний блеск не так важен.

Говорил он немного загадочно, но Даниил понимал, что снова их сравнивают, и те догадки недаром появились у него, есть какое-то предопределение в судьбах их и противиться бесполезно. Александр Ярославич вольно или невольно все время будет где-то рядом.

- Ты много чего на земле увидишь, - переменял он тему разговора, но не хочу, чтобы ад ты всуе вспоминал, и лучше точное представление о нем иметь, - подвел он итоги своим размышлениям. Может, он хуже, чем ты думаешь, возможно, и нет, но от этого многое зависит, - скептически усмехнулся бес.

И с этими словами они оба и шагнули туда. И хотя бес знал, что в Бога Даниил не особенно верит, но пошли они по мукам, за Богородицей направились и смотрели внимательно на то, что там происходило в адских тех куцах.

Бес специально начал не с первого круга, а увидел князь и вьюги и потопаы разные, и безвольные души погибших метнулись к ним в то самое время. Они то от боли невероятной вопили, то застыли в полном бессилии своем.

И такими молящими взорами взирали на Даниила эти несчастные, что невольно отшатнулся он от них в ужасе, и, повернувшись в другую сторону, еще более страшные видел картины.

И страшным холодом на него веяло, и жаром невероятным, и адская смола кипела под ногами, и капли на коже его застывали мгновенно, оставляя черные отметины, и боль, адская боль врезалась в душу и память юного князя.

А когда Даниил едва сдерживался, чтобы не закричать, то заявил ему бес, что очень хорошо после смерти без тела оставаться, иначе не перенести бы им того, что их тут поджидать могло, ни за что не перенести.

Но в тот момент Богородица остановилась, и слышали они, как просила она, чтобы освободили несчастных от мук этих, она видела, что они уже раскаялись и расплатились за свои грехи.

А эта пара - князь и бес, отправились между тем дальше, но Даниил не выдержал и стал спрашивать, что же с ними такое будет.

- Ничего особенного, - спокойно отвечал его рогатый спутник, - он не услышит ее, слишком просто все было бы, если их сразу бы и освободили. Они же сполна за все расплатятся. Потому и придумали сказочку о втором пришествии, - расхохотался в тот момент он.

Даниил понимал, что все эти ужасные картины не многим до срока увидеть предстоит, и стало жаль ему тех, кто живет в неведении, ничего не понимает, и не думает о грядущем.

Он еще раз оглянулся на адские кущи и побрел за бесом дальше. Тот сначала хотел в первый круг с ним заглянуть, но потом решил на ходу, что пока делать этого не стоит, будет еще и для этого время, вдруг он натворит что-то и тогда недолго ему можно будет в первом кругу задержаться. Хотя это маловероятно, чтобы Даниил мог свою судьбу изменить, но чем черт не шутит.

И вот они уже миновали эти круги и снова оказались на лесной поляне. Даниил в это время думал о тех несчастиях, которые только что увидел. И стало жаль ему всего, что вокруг происходило.

- Они не стоят лучшего, - категорично заявил бес, - людишки завистливы, злобны, несчастны и ничтожны. Они так безобразны, что и говорить о них особенно не стоит.

И было видно, что никак не может он успокоиться от ярости своей.

Даниил промолчал, хотя он и не был согласен с этим типом, но и спорить ему совсем не хотелось. Он верил в то, что хорошего в них больше, чем дурного, и оно должно победить.

Мефи настрой князя нравился не особенно, он верит в них, если в открытую не защищает, то думает совсем иначе. Он-то рассчитывал, что прогулка по аду убедит его в греховности человека, но разочарования будут еще в реальности. Ничто не могло заставить их измениться. Все у Даниила было еще впереди.

- Если немного подправить его отношение к людишкам, то он будет лучшим из лучших в мире этом, - размышлял в тот момент бес.

А Даниил, прощаясь с ним, вскочил на коня своего, и думал о том, как непредсказуем этот неказистый тип. Он может многое, хотя и кажется капризным, упрямым, у него какое-то странно отношение к миру, но с этим придется примириться, другого с ним рядом все равно нет.

Так однажды и зародился этот странный союз, которого желали они оба. А Даниил не только не страшился его, но и обрадовался несказанно. Не успело возникнуть желание, и уже выполнено, и всегда важно было знать о мире как можно больше.

Он взглянул на два черных пятна на руке, которые уничтожили его кожу. Они навсегда станут напоминать ему о том, что он там был и все видел.

Он решил никому о своем путешествии не рассказывать, не только потому, что этого требовал бес, но и все они так страшно боятся этих вещей таинственных. Пусть пока живут спокойно, - подумал тогда Даниил.

Надо сказать, что юный князь обладал завидным самообладанием, потому что во дворец свой вернулся он, как ни в чем не бывало, и сказал им о том, что ему захотелось побыть одному и подумать о том, как быть и что делать дальше.

Никто не удивился, он и раньше любил такие прогулки. Наверное, в этом и на самом деле была какая-то необходимость, особенно если ты так молод, и все твои бояре старше тебя, и такой они капризный и странный народ, что порой диву даешься.

Никто ничего не заподозрил, и только стал он немного серьезнее, словно все еще видел голубоватое адское пламя рядом.

ГЛАВА 19 СЛУХИ О ТАТАРВЕ

Слухи о грядущих бедах не заставили себя долго ждать. И как говорили пророки и колдуны, немцы и шведы только игрушки в сравнении с настоящей бедой, так оно и вышло. Чувствовал Даниил, что все самое страшное еще впереди у него.

В то время примчались гонцы и сообщили о том, что окраины земель уже страшную беду терпят. Видели полчища азиатов, коих сосчитать невозможно. Нападают они неожиданно, и нет на них никакой управы, все они с пути своего сметают, ничего не остается.

- А что князья и дружины их?- удивленно спрашивал Даниил, и ужас, подобный адскому сковывал его душу в тот момент. И тогда он слышал в ответ:

- А что с ними князья наши поделаться могут? С дружинами их малыми сражаются, конечно, но разве удержишь их, да и может ли вообще кто-то их удержать.

Задумался Даниил, казалось ему, что гонец все преувеличил, но понимал он, что все это правда. Он понимал, что не останутся татары. И хотя самому Даниилу пока особенно бояться было нечего, но знал он, что если иные падут, то и ему одному не удержаться. А у великого князя еще меньше власти, чем у него самого. Дикари всех их разобьют поодиночке, а потом ими повелевать станут. Невозможно допустить такого. Обида и боль дикая в душе его оставалась, но противиться этому не мог он, как ни старался. Если двинет он дружину на помощь братьям своим, а татары их разобьют, то его собственные земли вообще без защиты останутся, и для любого легкой добычей будут. Он должен был беречь дружину и ждать, что дальше происходить будет.

Появлялись другие гонцы. Они говорили о том, что Александр Ярославич шведов на Неве разгромил, сокрушил их всех до единого, тем самым и прославился. И в честь этой славной победы его теперь называют Невским. Так оно и должно было быть. Он просто хочет запугать татар, которые обрушились на них со всех сторон. Но не сунутся они на их земли больше до тех пор, пока он жив. А он молод, и еще долго прожить может.

И радостное это известие все-таки насторожило Даниила. Если они на Новгород не пойдут, то могут повернуть в его сторону. И хотя он далеко от границ, но кто может знать, как там все происходить станет. Понимал он, нутром чувствовал, какая страшная беда на него надвигается. Не было раньше такой и быть не могло на земле русской. На всю его жизнь и жизнь Александра хватит такой беды, да еще и детям их останется.

Он не мог знать тогда, что и умереть им суждено почти в один срок. Но не о смерти, о жизни и борьбе в те дни думал князь.

Вот когда летописец начертал о страшной беде, на них надвигавшейся, то стало ясно, что не было с этой бедой сладу, хотя год обещал «Миру быть», но знали они, что очень скоро совсем о другом писать придется, и все перемен страшных ожидали с нескрываемой тревогой. И Бояре, которые недавно еще готовы были с юным князем посчитаться, замолчали и отступили все равно. Нет, теперь ему вовсе не хотелось этого, не хотелось властвовать и решение принимать.

- Раз такая судьба Даниилу выпало, то тому и быть следует, - так решили думные бояре его в те дни, никто не хотел больше этому противиться. И споры внутренние сами собой прекратились, все ожидали более скверного и страшного дела.

Но не последними были черные гонцы в Галиче. Один из них заявился с самым страшным известием. Он долго, словно все еще задыхался от дыма, говорил о развалинах Киева, превращенного в руины после татарского набега.

- Ничего не осталось, - сокрушался он, могилу Ярослава уничтожили они, от Софии только стены и остались одни, страшно смотреть на то, что там теперь было.

И поднялся в тот момент Даниил со стола своего и спросил удивленно, то ли гонца, то ли самого себя.

- Но зачем нам стены, почему нужно было храмы наши крушить? Варвары, одно слово, повторял он глухо, и все молчали после этих слов. Никто ничего не решался сказать больше.

- Киев, град, который всегда был священным, и для отцов, и для дедов их, как же такое могло происходить? Кто посмел разрушить его. Ему казалось, что власть великого князя исчезла вместе с городом, он оставался один на один с лютой силой, с которой никто не сможет сладить. Рухнуло призрачное единство, хотя его не было давно прежде.

Киев объединял русские земли, пока он был, и все они вольно или невольно оглядывались на этот град. Теперь ничего этого больше не оставалось у них и никогда не будет. Никак не мог успокоиться Даниил, он знал, что где-то в Новгороде есть Александр, не забывший своей громкой победы. И неважно кого из них раньше, а кого позднее покорит татарский хан.

Но Даниил понимал, что время ему дается недаром, нужно сделать что-то для того, чтобы спасти эти земли от разорения и уничтожения, даже если это трудно или почти невозможно. Стало легче оттого, что еще не все потеряно. Но бес появлялся только, когда ему самому этого хотелось. Даниил пребывал почти в отчаянии, он никак не мог найти решения. Он ждал страшных известий, и никак не мог определить насколько страшной может оказаться опасность.

Остается ли ему еще что-то или все и навсегда потеряно, знать это было уже невозможно.

ГЛАВА 20 СТРАШНЫЙ СОН

Дневное беспокойство отражалось и в тревожных снах. И ночью не мог не думать Даниил о том, что происходило с ним в те дни.

Уже не раз убеждался князь в том, какими странными бывают сны, то прекрасными, то пугающими. Но в последнее время они его чаще всего все-

таки пугали. И один сон особенно памятным был. Увидел он чистое поле, черное от копоти, и пепел у ног его облаком странным поднимался, и себя со стороны видел Даниил, да не в привычных одеждах, а в рубище каком-то, и видел он как бредет по полю, едва ногами перебирая, ищет кого-то но никак отыскать не может. Задыхается он от копоти, а поле все не кончается, и сколько не шел он, не было ему конца и края.

И отчаяние охватило в тот момент душу князя. Он знал, что никого рядом с ним не было, но какие-то странные слова прозвучали рядом

- Что делать теперь ему?

Даниил понимал, что речь о нем идет. А между тем другой голос отвечал первому:

- К хану на поклон идти, что еще делать-то можно, - чтобы он оставил его княжить, да только дань отвозить вовремя.

- Да разве может русский князь, сын Романа и внук Мстислава, хану поганому кланяться?

- А что ему делать, если он не хочет все потерять, разве лучше будет, если прахом все станет?

И странный хохот в тот момент рядом раздался. Он заставил его встрепенуться, ярость охватила душу в один миг, только что кулаками махать, да за меч хвататься, если рядом все равно никого не было.

- Он не пойдет на поклон, разве не видишь ты это?

- Вольному воля, но посмотрим, что потом от княжества его останется.

И снова звучал какой-то странный и страшный хохот.

А потом и вовсе все исчезло, сколько не прислушивался он, ничего услышать не мог. Но что это, его пугали только какие-то силы, или на самом деле все так и будет потом?

Но ему удалось пока пробудиться и очнуться, только разговор запомнил все до последнего слова. Он знал, что в том сне и было у него показано две дороги, и что потом случиться может с ним и с миром этим.

Он пока не думал о выборе, но знал, что уйти и спрятаться не удастся.

Тревога витала в воздухе, она селилась в душах людских. Все чаще на землях его появлялись люди, бежавшие от татар, и многие были из Киева, из других мест немало. Там поганые уже успели побывать и оставить свой след кровавый и огненный.

Тревога не умолкала в душе его ни на минуту. Говорили, как налетают они, убивают, насилуют, уводят в плен. Все разрушают, что на пути их оказывается.

Но чем больше видел князь Даниил на земле людей таких, тем, тем сильнее ему хотелось побывать в Киеве и посмотреть, что там происходило на самом деле. Он должен был узреть древнюю столицу.

Его немного задержало известие о битве князя Александра Ярославича с немцами. Рассказывали о победе его на Чудском озере. Словно древняя былина был рассказ о юном князе - победителе. Говорят, смело шел он на них, ничто остановить его не могло тогда. Он казался непобедимым, но ведь и Киев, где сидел пока его отец Ярослав, скоро ему охранять придется. Невольно вспомнились и старинные сказания о богатырях русских. Только не особенно повезло ему родиться, такие смутные времена грядут, что первой на него беда и обрушится, а потом уж и они должны будут решать, как быть дальше, недаром сны такие странные снятся.

Вероятно, своими грозными победами Александр на какое время убережет свой Новгород от татар, а вот ему видно так не повезет больше. Если с кем-то захочет хан татарский союз заключить, так с Александром, и значит ему, Даниилу придется к обороне ратной готовиться. Так и не мог он прогнать скверные мысли свои. Но ему надо было действовать, дружину свою к отпору готовить.

Примерно так же и бес в то время думал, и решил он вместе с князем Даниилом по разрушенному Киеву побродить.

ГЛАВА 21 НА РАЗВАЛИНАХ КИЕВА

Князь Даниил отправился в Киев, он радовался тому, что советник с ним рядом был в те минуты. Как и прежде, он непонятно куда исчез и неизвестно откуда появился. И хотя голос разума шептал ему:

- Зачем тебе все это видеть нужно?

Но он стоял на своем, и отступить не собирался. Он хотел видеть врага в лицо и не обольщаться, теша себя напрасными надеждами.

Перенеслись они туда быстрее обычного, и кони еще устать не успели. Хотя, чтобы видеть это, ехать надо было как можно медленнее. На пути их оставались только полуразрушенные, спаленные жилища, тела людей, трупы животных. Какими отрешенными и безразличными были те, кого они встретили по дороге. Они привыкли к разрухе и ничему больше не дивились, словно всю свою жизнь среди развалин тех и обитали.

Перед глазами Даниила был мертвый город, который и свои и чужие покинули, казалось навсегда, они увезли с собой все, что можно было увезти. И хотя Даниил понимал, что лучше всего повернуть коня и ехать назад, но

какая-то странная сила толкала его по-прежнему вперед, он не мог остановиться.

Он сам того не подозревая направился к Софийскому собору.

Наверное, в мире не может быть ничего страшнее разрушенного храма. Он был, хотя никогда прежде князь его не видел, таким огромным, величественным, а теперь стоял совершенно пустым, и только мусор на развалинах, камни всюду, какие-то вещи в полном беспорядке. Это было нечто непонятное, а потом и казалось оно особенно зловещим. И вспомнился почему-то ему далекий уже предок князь Ярослав, которого прозвали Мудрым, он поднял голову и увидел как раз над собой изображения трех дочерей его, навсегда покинувших град еще в юности и ставших где-то королевами. Хорошо, что всем им не суждено было этого увидеть, хотя если там есть жизнь, возможно и им с небес все это хорошо видно, узнали ли они родные места, могут ли поверить в то, что произошло?

Он рассчитывал, мудрый князь, что вечно будет лежать под стенами своего храма. Но уже нынче тут ничего не понять и не разобрать, и какая печаль охватывает душу в такие мгновения.

Они хотят целый род славянский стереть с лица земли. И в тот миг страшная тоска, смешанная с яростью охватила его душу и никак больше его не отпускала.

Но и после этого все они тянут в разные стороны воз свой, и никто из удельных князей не пришел на помощь Киеву. И понял Даниил, что все они наказаны уже нынче, и что еще дальше будет, даже представить себе трудно.

Ужас и смятение в душе его оставалось надолго, возможно оно не пройдет никогда. Камни были разбросаны, но кто и когда их собирать станет?

Наконец, Даниил повернул своего коня, чтобы уехать подальше и не видеть ничего этого более. Он спешил покинуть Киев, и не хотел больше никогда сюда возвращаться. Но какие-то письма стояли перед глазами его в тот миг. Он не сразу даже понял, что припомнил тайное Игоревое « Слово », о котором рассказывал ему отец. Ему откуда-то все это было ведомо:

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть.
И печаль обильною рекою
По селеньям русским пронеслась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

Все совсем как тогда было, только еще хуже, еще страшнее нынче стало. Но кто бы мог подумать, что Галицкий князь Даниил Романович в разгромленном Киеве припомнит слова Игоревы, и они странно совпадут с тем, что он узрит очами своими.

Но в те мгновения князь возвращался на свои земли, которых пока еще не задела беда черным крылом. Он должен был принять самое главное, самое трудное решение в свой жизни. Должен все сделать для того, чтобы Галич его не стал Киеву подобен, а ведь именно это и могло случиться уже в ближайшее время.

Он знал, что у него было еще какое-то время, но много ли его осталось? В тот момент он понимал, что ни от него, ни от соседей его ничего не зависит, его судьба была в руках татарского хана, даже имени которого он не знал, да и не запомнил бы, коли услышал, потому что чудны были имена их, хуже кличек собачьи. Но тот самый собака - хан и решал теперь, что делать ему, куда идти, что предпринять можно. И останется им только подчиниться, а что еще делать можно было?

Но странное какое-то настроение было у спутника его, когда он повернулся к нему раздраженно. Хотя возможно, ему еще что-то и ведомо.

И начал он снова вспоминать строки из «Слова». И вспомнил он строки, обращенные к князю Ярославу, который до его отца правил в Галиче. Княжество его было названо царством могучим:

Ярослав, князь Галицкий, твой град
Высоко стоит под облаками,
Оседдал вершины ты Карпат,
И подпер железными полками.
На твоём престоле золотом,
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом за великий разум.

Там были и призывы, к его отцу обращенные, он не мог не вспомнить совсем еще юного князя Романа Волынского, в те времена Галич ему не принадлежал, он должен был стать уделом Игоревых сыновей:

И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет

Хорошо сказано, только где она ныне та удаль и та сила невиданная, куда пропала она без всякого следа. Но воинственный дух, вдохновленный противником, князем Игорем, который и сам проиграл главное свое сражение, он оставался, и никуда его нельзя было деть после этого.

Но уже Игорь говорил о раздорах и смутах, а потом все и вовсе отвратительно стало в душах и реальности их.

Князь Роман объединил два княжества, помня о наказе Игоря, но только это ему и удалось. А остальные земли так и оставались незащищенными, вот и стали для татарвы легкой добычей.

Мудр и яростен был князь Роман, никого и ничего не боялся он в этом мире, против половцев и литвинов ходит, и когда привезли его тело бездыханное из лясской земли, то все кончилось не только для него, но и для земли русской, так совпало. И не хотелось Даниилу стать последним в славном роду. И хорошо, если новый летописец сможет для потомков оставить и о нем какое-то слово, если сбережет он то, что ему еще осталось.

Он забыл в тот момент про спутника своего. И тот ехал странно молчаливый. Он точно знал о чем думает князь Даниил, но не понимал всех его мучительных порывов. Почему о таком могут думать люди? Это ему никак не ясно было.

ГЛАВА 22 РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕСА

Они возвращались из Киева, и бес думал и прикидывал, что можно сделать для лучшего из князей, а он его с самого начала таковым и считал, что для него еще можно было сделать?

Он помнил хитрого и изворотливого Ярослава, от которого он всегда был так далек, хотя и не мог объяснить почему, просто душа не лежала и все, припомнил Романа. Храбрый был князь, лучший в этой своре. Но если бы он о чем-то кроме схваток и врагов своих думал, то и судьба его была бы совсем иной. А теперь он оказался волею судеб рядом с сыном его, и жалел только о том, что ему такие времена достались. Но времена он может выбирать, а люди рождаются тогда, когда они рождаются, с этим ничего не сделаешь. Вот и Данилу достались времена, хуже которых не бывало еще, хотя кто его знает, что в дальнейшем будет, даже он мог только о прошлом судить. Хотя и тут Александр Новгородский живет и ничего, побеждает даже пока.

Не случайно он вспомнил о князе Александре, при всей своей нелюбви к нему, он был создан для того, чтобы и в этом времени что-то сотворить, и всем остальным показать, как это может быть, как следует действовать, когда другого не дано.

Но и ему нужен Даниил, потому что бес точно знал, что только в соперничестве вечном чего-то и можно добиться, только озираясь на равного и самому рвануться вперед, он был уверен, что нашел для своего Даниила достойного соперника.

Но еще больше грустил бес о том, что миновали времена героические. Если когда-то придет избавление от рабства, то это будут совсем иные времена, даром ничего для русичей пройти не может. И грустно стало ему оттого, что давно миновала Рюрикова эпоха. И даже ему только и оставалось вспоминать тех славных князей, имена их и лица. И хотелось ему свое слово написать, только когда же было все отложив, сесть за такое писание. Но ничего в тот момент не забудет он: ни того как умен да коварен был Всеволод Большое гнездо, как хитер и изворотлив Владимир Мономах, сумевший старших обойти и первую смуту и путаницу в этом мире породить. Не забудет ни поражения князя Игоря Святославича, ни того, как погиб у ляхов князь Роман и какой таинственный тип стоял тогда за спиной ей. Они возможно, и не поверят ему, но он знает, что все это так и было, это будет самое правдивое свидетельство, потому что люди не могут знать всего, что происходит в этом мире.

Бес не верил ни в какие наказания и кары небес, но он пытался понять, почему именно на Русь, которую он для себя выбрал, все беды вдруг и свалились разом, и она надолго погрузилась в рабскую покорность. За грехи князей должны расплачиваться их потомки, и с этим он не мог не согласиться, но ведь страдают еще больше, чем князья престолоудины. И даже юный Даниил понимает, какая беда на них движется.

По вою Банников чувствовал он, что наступить для них должно. Они знали точно, что если не сгорели их бани на этот раз, то завтра сгорят точно, и над пепелищами уже соберутся их сидят неподвижно и не знают, куда им податься, когда новые бани появятся, и будут ли они отстроены вообще. А над тем, что завтра пепелищем станет, витали Домовые и бесновались Кикиморы, и даже русалки, которых меньше всего касались эти несчастья, и они никак не могли успокоиться, побороть страх и тревогу в душе. Никогда прежде так не тревожились духи его знакомые и незнакомые, вероятно это и предвещает конец миру, в котором он так вольготно и уютно себя чувствовать привык.

ГЛАВА 23 НЕЧИСТЫЙ СУД

На этот раз они отъехали недалеко от Киева. Долго бродил Даниил по городу. Засветло добраться удалось только до небольшого поселка. Там было оживленно - татары обошли его стороной, надежно он был упрятан среди лесов и болот. Если бы не бес, то возможно и Даниил не нашел бы его, но тому все хорошо было ведомо.

Смотрел князь на все и дивился тому, что и рядом с разрухой есть нетронутое место, там пахнет прошлым, и ничто не напоминает о грядущем.

И стал князь расспрашивать людей, вышедших к нему, о том, что пережить им довелось. Выяснилось, что многие из Киева сюда бежали. И рассказы их были один страшнее другого.

- Их тьма тьмущая, они не перед чем не остановятся, - все время повторяли неведомые ему доселе люди, - они все сметают на пути своем. А тысячные их и ханы хуже зверей лютых. Они всю нашу Русь матушку проглотят и не подавятся даже.

Даниил слушал седого старика. Тот все видел и пережил все на своем веку, казалось, что нечему ему больше дивиться, а вот ведь слез скрывать никак не может.

Но какими-то обреченными все они казались. Словно уже на том свете побывать успели и дивятся тому, что вернуться назад удалось.

- И что, побить их невозможно? - спрашивал он очень тихо, и боялся услышать то, что сказать они могли.

- Да как побьешь их, какой нашей дружины на то хватит, о княже, даже если всем миром подымимся, их все одно больше будет, и сладу с ними нет никакого.

Даниил знал, что слова неведомого старика он припомнит навсегда и вспоминать их будет, когда его смертный час пробьет. А в тот момент казалось князю, что приговор он услышал. Он знал, что Киев в руинах, что татары не половцы, коих всю жизнь они били, как и пращуров их, и все-таки никак нельзя было поверить в то, что одолеть их нельзя.

Старик все-таки не терял надежды, он всегда знал, что Галицкие князья воинами отважными были. Только больно мало таких воинов. Если было бы их хоть немного больше, тогда и надежда бы не угасала, как догоревшая свеча.

У них есть Александр и Даниил, но что они против всех остальных-смешно подумать даже, и все-таки есть хоть что-то. Прости напасти такой мало одного задора молодецкого, вот и торопятся поганые разбить их по одиночке.

№№№№

А в Свароге в то время и в подземном мире тоже свои события происходили. Собирались духи недалеко от поселка, как и во все времена, да только от веселья бывшего почти ничего не осталось.

Узнали они, что сам Мефи вместе с князем Галицким к ним пожаловали и решили расспросить их о том, что в остальном мире делается.

Мефи не хотелось с ними общаться, но и уклониться он никак не мог, не к лицу это бесу отважному. И появился он как раз в разгар спора, когда перечисляли без устали Лешие да бесы местные все его грехи, а другие сомневались в том, что все это он один на совершать мог.

Мефи даже замер на месте после всего, что он тут услышал и понять успел. И особенно ярились Киевские Банники, в одночасье без бань своих оставшиеся, и Домовые, и Кикиморы, у них не было больше домов, и черти с бесами, перебравшиеся в гиблые болота. И все они заодно были.

- Пришел на дело рук своих полюбоваться? - наступали на него яростные духи, - смотри, - какой гордый.

- Не понимаю, в чем это я пред всеми вами повинен? - недоумевал он, - вы все лежали в болтах своих и схватились, когда поздно стало.

- Это ты их настраивал друг против друга, - не сдавались они.

- Но когда это я татар сюда звал? - вопрошал он сердито, - да я терпеть их ханов не могу и бороться с ними готов от начала до конца, а сами вы только орете, и что сделала?

Но они набросились на него с новой силой, как только перевели дыхание.

- Ты одних награждал, а других наказывал. Вот и дошло до этого разора. А кто объединять их будет? А кто больше всего от этого страдает.

- Да отстроят они ваши хижины, люди на то и созданы, чтобы ломать да строить. А погибель Вам все одно не грозит.

И он удивился тому, что пришлось от всех разом отбиваться, но титул княжеского беса ему по вкусу пришелся.

- Я беру вину на себя, но я не бог, а только один из Вас, - твердил Мефи, а люди так устроены, что только воевать они и могут, я только помогаю одним и мешаю другим.

- Но сколько веков Киев стоял, только что там теперь творится, никак понять нельзя.

В тот момент возмутились духи малых городов и поселков, которым до Киева не было особенного дела. Им страдать хотелось еще меньше, они так привыкли к тишине и покою.

И понял Мефи, что они перессорятся и потасовка между ними начнется. Они так долго жили с людьми, что как две капли воды со временем стали на них похожи. Им было дорого до слез свое и безразлично чужое. Но они остановились и вместе снова на него обрушились.

ГЛАВА 24 ПРИГОВОР

Мефи даже испугался немного, когда все так повернулось, они были неумолимы, не стоило ждать пощады.

- И что вы хотите от меня теперь, - стараясь быть спокойным, поинтересовался он.

Они молча смотрели на него, никто не решился ничего сказать.

- Такой я уродился, но Вас много, думайте сами, что Вам делать дальше. Мы с князем приготовимся к обороне Галича, а если бы вы со своими князьями на татар навалились, то возможно все не так страшно было бы, тогда и бани и дома Ваши остались бы целыми и невредимыми.

Они растерянно молчали. Ответить на это им было нечего, и вдохновенный бес продолжал:

- А копытами махать уже поздно, надо что-то важное делать, вот и счастливо оставаться.

Им показалось, что он издевался над ними, но таким уж он уродился.

- Но что можно сделать, если тьма снова окутала этот мир?- говорил за его спиной Леший.

- Договориться с кем угодно можно - только и сказал он им в ответ.

- А что твой князь к хану кланяться не пойдет?- недоверчиво спросила Кикимора, стоявшая к нему ближе остальных.

- Он гордый, конечно, но он видел развалины Киева, и подумает еще немного, да и пойдет к хану, но трудно сказать, какое решение он примет.

- И для этого ты развалины показывал?- удивились они, - а нас ты защищать не собираешься?

- Вы хотите, чтобы все было уничтожено?- удивленно спрашивал он, - нет, этот мир должен сохраниться.

- Пока мне нужны Даниил и Александр, - они главными на долгие годы тут останутся, а потом видно будет, кто и где окажется.

- А потом переберусь в заморские края, буду писать длинные романы и беседовать с привидениями, и устраивать переполохи разные, но пока надо еще здесь кое-что доделать, - размышлял бес между тем.

И на физиономии его появилось такое мечтательное выражение, что он никак не мог успокоиться, но духи видеть этого не могли, он повернулся к ним спиной.

Ему, правда, не совсем нравились слухи о кострах, где они людишек сжигать намерены, как трудно разобраться во всех этих хитросплетениях, но ничего другого все равно не оставалось.

Он заглядывал в книгу Судеб и знал, что появится князь, который неумело поднимет их на борьбу и даст напрасный, кровопролитнейший бой, после которого все будет только хуже, чем прежде, но по-иному тут и не

бывает. Но у князя того будет совсем иной помощник, а Мефи решил пока умыть руки и с Даниилом сделать все, что еще возможно.

Духи с досадой ворчали, он уходил и приходил, когда понравиться, самого главного сказать ему они так и не успели.

Бес тем временем отыскал князя Даниила, он мирно спал, и вероятно видел все то же, что недавно было в реальности - развалины их древней столицы и ту страшную грозу, которая над ними всеми нависла.

Бес внимательно разглядывал его и размышлял:

- Как он молод, а может и хорошо, что молод, ему еще что-то удастся в этом мире сотворить этакое.

ГЛАВА 25 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Даниил знал одно - он должен отправиться к венграм, на которых оставалась последняя надежда, уговорить их вместе выступить против татар. Король знает, что разгромив его княжество, они не остановятся и двинутся дальше, а там будет он. Он должен быть с чужими, с ними договориться проще. Свои же сроду никогда не могли эти земли поделить и всегда войной друг на друга шли.

И вспомнились те дикие рассказы, когда одни других уничтожали и никак остановиться не могли. Отец - суровый и могучий снова возвращался в сны его, напоминая о том, что тогда происходило. Но тот кто был великим князем - Всеволод, и тот кто им считался - Рюрик, так и не выпустили его из своих железных тисков, так и остался он с ними неразлучен.

Давно уже пытался он разобраться в том, что происходило в Романовы времена. И стояли перед ним хитрость и тьма Владимирская и честолюбие и спесь Киевская, они перетягивали его в разные стороны, но он не мог с ними до конца оставаться, как ни старался, и все шло наперекосяк в мире их странном.

Потом, на досуге он о том помыслит, но пока надо было действовать. Даниил, а не сыновья Игоря трон Галицкий получил и должен был защищать его, пока бьется сердце, и в этом была его радость и его беда. Но от прошлого просто так и ему не отмахнуться, за дела отцов, как и за свои собственные отвечать придется рано или поздно.

И если бы тогда все бесчинства не случались, то не пришлось бы и Киеву теперь в развалинах лежать, а ему печалиться и тревожиться о землях своих.

Вот и сын грозного Всеволода город свой на разорение поганым отдал, и неизвестно, что с его землями будет дальше. Они давно разучились

понимать, что происходит, как можно в мире жить, как договариваться с братьями своими, проще с чужими, проще и легче, вот в том беда и состоит.

Бес слышал его тяжкие думы. Сначала ему хотелось поговорить о том, что между их отцами тогда происходило - кому знать, если не ему, но рта так и не открыл. Не должно прошлое тяготить его, ему нужен самоуверенный и боевой князь, без груза прошлого, который любого в могилу загонит. Это заботило его в тот миг больше всего.

- Скажи, скоро они на земли мои пойдут?- неожиданно спросил его Даниил.

-Придут, - словно эхо повторим последнее слово бес, - но таких развалин не будет у тебя. Они понимают, что им нужен богатый мир, а то дань платить некому будет.

Утешение было слабым, но все-таки. Ему тоже придется взглянуть на татарские рожи. Ярослав их уже видел, теперь его черед. Когда могучий Всеволод ему Киев оставлял, то видно не думал, что такое может быть. О многом они не задумывались тогда.

Даниил, чтобы сохранить свой мир должен отправиться к хану в орду, и унижаться, и просить о милости и договариваться, не понимая чужого языка, ненавидя его тайно, и яростно скрывать свою ненависть.

Но не выдержит так Даниил долго, и тогда бросится он к родичу своему и вечному союзнику Венгру, уверенный, что и з двух зол выбирает меньшее.

Даниил ступил в свой мир. Он смотрел на бескрайние поля, не топтанные татарскими конями пока, и не хотел даже думать о том, что может случиться.

Даже бес должен был признать, что татары не половцы, и он не знает, как с ними разговаривать. И самое главное - он был уверен, что не сможет с ними ни о чем договориться - вот что страшило его больше всего.

На пути их стали попадаться их люди - конные и пешие, они почтительно склоняли головы перед князем своим. Его безошибочно узнавали даже те, которые никогда прежде не видели. И странный трепет охватывал людские души. Но все они испытывали страх перед тем чудовищем, которое в любой момент могло навалиться и на их земли. И тревожное ожидание тяготило и убивало все другие чувства и надежды.

ЧАСТЬ 2 ВОССТАТЬ ИЗ ПЕПЛА

ГЛАВА 1 СОНАТА СКОРБИ

Князь странно волновался, ему казалось, что за это время с его городом что-то могло случиться. Но вскоре он убедился, что пока страхи его были напрасными. Люди шли к нему и хотели знать, что на самом деле произошло в Киеве. Они точно знали, что сын Романа им лгать не станет. Но он произнес только несколько слов:

- Нет Киева, там только развалины. Такой беды еще не бывало на нашей земле.

Он хотел что-то прибавить, но горло перехватило, и князь отвернулся от них. Он ощущал себя черным вестником, которого следовало бы убить, но ни у кого и в мыслях не было ничего подобного.

Они не спрашивали о главном, а он не собирался их утешать, но не стоило надеяться на то, что беда обойдет их стороной. Надо было готовиться к худшему. Сколько народу тут собралось, но тишина казалась мертвой, они и дышать перестали.

Князь Даниил посмотрел на небеса. Как хотелось ему там разглядеть всадника на вороном коне. Он мысленно просил отца вернуться и встать рядом с ним, потому что груз казался юноше слишком тяжелым. Но грозный князь Роман, который никого и ничего не боялся, затерялся среди облаков. Может быть, он разговаривает с самим Перуном и просит его сменить гнев на милость.

В такие минуты юноша мог думать только о грозном княжеском боге. Если кто-то и мог прийти им на помощь, когда бессилен Велес, бог всего живого, то именно Перун. О том, храмы которого сверкали своими золочеными куполами юному князю думать не приходилось, для такого времени вера в него была непозволительной роскошью. С ним они и без того до развалин дошли. И если не опомнятся, не вернут Перуна, то не смогут из тех развалин подняться. Потому ли, угадав его помыслы крамольные. Так и не приблизился к нему священник. Он знал, что все его предшественники и сам юный князь не о его боге думали. Так уж у русичей повелось. И храмы роскошные строили, а все в свое незабвенное прошлое шагали. Как с этим бороться было?

Он помнил слова князя, когда постарался разъяснить его, а потом бессильно упрекнул, что от веры он отступает.

- Если и были грозные архангелы твои, то куда девались, как допустили они такое...

И не ожидая ответа, а стряпу было что ему сказать, он отправился прочь, уверенный в своей правоте.

Но в толпе многие молились неведомому богу, и это заставило разозлиться его еще сильнее, но ни слова не сказал он растерянным и таким несчастным своим подданным. Пусть с ними священник остается. Он жестом и потребовал, чтобы тот вышел вперед, а сам, повернувшись к ним ко всем спиной, отправился в свои палаты белокаменные. Они всех поражали роскошью своей, но Даниил даже не взглянул на нее. И отдал бы все до последнего камня за то, чтобы оставили их татары в покое. Если им только этот хлам нужен, а не души их, пусть забирают и убираются.

И снился князю сон, что на белом коне своем, снова ступил Перун на его землю. Каким прекрасным и величественным был грозный бог, и он позвал его с собой, и поверил впервые князь, что с миром его ничего дурного случиться не может, если свершилось, если он был с ними.

- Это только сон, - пробовал он убедить себя.

Но не хотелось думать о том, разве нельзя пожить хоть недолго ощутив безопасность и поддержку грозного бога, ведь только в этом случае он сможет сохранить свой мир и Киевских развалин избежать.

И прекрасное лицо юноши было обращено к Перуну. И тот насмешливо взглянул на него, а где-то в стороне грозный Архангел, бессильно отпустил свой меч.

Он слышал музыку небес, и это была «Соната скорби». И ему намекали на то, что он упустил своего князя, что тот никогда больше к нему не вернется.

- Ну и пусть, есть много других, - упрямо думал он.

И тогда увидел он князя Ярослава на развалинах Киева, и юного сына его не в мир победы над шведами, а может и немцами, а в тот час, когда покорно стоял он перед татарским ханом и умолял его оставить их, не разорять.

Хан усмехался, говорил что-то отрывистое и непонятное. В такие минуты он чувствовал себя победителем. Потому и устремился Архангел на Галицкую землю, но он понял сразу, что опоздал, пока он следил за Александром, грозный Бог вернулся к Даниилу. И если даже он один ничего не сможет сделать, он все равно останется победителем.

Странная музыка звучала на небесах. Для всех для них какой-то неведомый скрипач играл «Сонату скорби». В этом мире не было победителей, оставались только побежденные.

№№№№

Рядом с князем Священник заметил торжествующего беса. Было понятно, что они сдружились. И это переполнило чашу его терпения и покорности.

- Может это и к лучшему, он доведет его до краха. А если он победит, то тогда можно будет и на ангела списать, которого давно след простыл.

И хотелось в тот момент взглянуть на юного Александра. Но архангел не сделал этого, на полпути полетел назад. Душа Александра оставалась для него еще большими потемками. Тот вроде бы не думал о Перуне, хотя кто может знать, о чем вообще он мог думать. Но он даже не мог понять, плох он или хорош, о чем мыслит, к чему стремится. Он не мог доверять внуку Всеволода столько бед в этот мир принесшему, что всем остальным вместе взятым предшественникам его столько и не снилось.

Александра больше других уважали новгородцы, и в самом начале отважен он был, но главное не начало, а то, как путь этот долгий пройти он сможет, а там много чего будет еще, да такого, что от первых побед и следа не останется.

Он никак не мог понять этого князя, столько всего разного в душе его было намешано. Они его вознесут на иконы свои скоро, но это больше всего и пугало. Если тебя (или князя) хвалит твой враг, то подумай о том, что ты сделал не так.

Священники часто были еще более жестокими и непредсказуемыми созданиями, чем те, кого они пытались в верну свою обратить

Ангел в слезах удалился, он не знал, что еще предпринять, и сделать можно было.

№№№№№

- Об Александре думаешь?- осведомился бес, когда они остались одни, - хоть не так он хорош, как принято считать, но ничего лучше для тебя я подобрать не мог, ты уж извини, выбирать не из чего было.

Предки его подкачали, даже ангел небесный ему не доверяет, - усмехнулся Лукавый. Он все видел, и то, чего князь никак видеть не мог.

-Это все из-за Всеволода, из-за деда его, да и отец, сам видел, не особенно шустрым оказался. И в орду он первым из вас из всех отправится. Он не трус, хотя и хитер и изворотлив, но это только бесу на пользу идет, да и то не всегда, - тут же осторожно прибавил он, чтобы этого за него собеседник не сказал, лучше самому признаться во всем.

- А куда ему еще деваться, - продолжал бес, потому что Даниил молчал, - только к Батюю и бежать, потому что татары не немцы и не шведы, коих так просто побить можно одним махом, они не дадутся.

Бес говорил о грядущем, но так, словно это ему и на самом деле уже все было ведомо.

- Но что-то странное в нем есть, то что другим никогда не простится, с него, как с гуся вода.

Так князь ничего ему и не ответил, но слова его запомнил навсегда. Неведомый пока Александр уже и в его судьбе какую-то непонятную роль играть стал.

А как хотелось ему рассказать Даниилу об отцах и о тех смутах, но понимал он, что еще не время.

Но и сам Даниил понимал, что было там что-то тайное, ему неведомое, и возможно правды он никогда не узнает вовсе. Но боялся он тайну эту узнать. Да и стоит ли погружаться в прошедшее, когда настоящее так дико и нелепо. И только один из воевод его и сказал, что князь Роман при страшных обстоятельствах в Польше погиб. И винили в том не поляков вовсе, а князя Всеволода и Рюрика. Он не мог понять, в чем они были повинны, но вспоминал тело отца, накрепко привязанное к коню его. Так вернулся он в Галич в последний раз тогда.

Ему хотелось знать, что и как там происходило, но разве было время у него для того, чтобы разбираться с таким туманным и запутанным прошлым, когда черной чумой на его мир надвигалась татарская орда?

Нет, волновать юного князя могло не прошлое, а только грядущее.

ГЛАВА 2. БЕС ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Человек не способен свое настоящее и прошлое в голове держать, потому так часто он от прошлого отстраняется и многого не знает и не понимает. Но как странно совали во времени и пространстве внук князя Всеволода и сын князя Романа. И это была вовсе не его проделка.

И в Новгород Александр и в Галич Даниил пришли почти одновременно, а потом и через унижение ханское вместе пройдут. Только примут их по-разному, Александр постарается забыть позор и унижения, для Даниила же они окажутся невыносимыми, и странно, что Внук Всеволода из всего сможет выйти, словно рай ему был обещан, а сын Романа адского пламени хлебнет сполна. Но чего только не случается в этом странном мире. И будет все время Даниил на соперника своего невольно оглядываться, и тянуться к нему душой будет. Вот если бы соединить две души в один сосуд, тогда и получился бы тот самый князь русский, о котором только и можно было ему мечтать. Но мог бы и не получиться, ничего он не знал в тот момент наверняка.

Вот и победы Александровы уже не кажутся такими значительными, но запомнят и выделяют именно их по какому-то странному совпадению. Это и называется видно удачей. За два разных подвига - одному честь и хвала, а другой словно и не совершал их вовсе.

Но об этом Даниилу Мефи пока рассказывать не собирался, потом, когда он совершит все, что у него на роду написано, тогда и узнает то, что узнать должен.

Но сам бес в тот миг заглянул в грядущее. И снова поражен был, хотя и не привык он ничему удивляться особенно.

Но и там все совпало почти 1263 год- год смерти Александра, а следующий - Даниила. И во всех этих совпадениях было что-то если не пугающее, то очень странное.

И станет Александр после смерти святым, хотя и был при жизни и слаб, и греховен. А сильного Даниила обвинят во всех слабостях и грехах, которых сроду у него не бывало. Так все сложиться должно. Княжеский плащ - это странная честь, от которой никуда не уйти и не деться больше, вот что удивительно и обидно.

- Так устроен мир, и с этим надо примириться, - уговаривал себя бес, - или расшибить свой лоб о гранитную стену. Но снова все к тому возвращается, хотя любой бунт наказуем.

Юный Даниил не умел угадывать его тайных помыслов, он просто на него пристально взирал и старался понять, куда этот тип повернуть может.

№№№№№

Но бес уже перенесся в древний Новгород, где и восседал тот, о котором он так много думал в последнее время.

Князь Александр никак не мог вспомнить о том, когда он в первый раз узнал о Данииле Галицком. Конечно, он всегда интересовался теми, кто окружал его и не мог не слышать о юном наследнике трагически погибшего князя Романа. И то, что сел он на стол в самом могущественном из княжеств - тоже не могло не волновать его. И стойко справлялся он со своими строптивыми боярами, он тоже знал уже тогда, но в какой момент князь опередил остальных и показался ему единственным достойным соперником? Этого не мог вспомнить князь Александр Ярославич.

Он знал, что бес ценит его выше других и даже самого князя Александра. Это задевало немного, но он не особенно расстраивался. Он привык быть в центре внимания всех, и если бес не входил в их число, то не страшно, хотя птицей он был важной, но не самой главной в его жизни, как наивно считал князь Даниил.

Он быстро успокоился, понимая, что получил и без того слишком многое, невозможно требовать большего, так не бывает.

Александр понимал, что есть что-то роковое и таинственное в том, что такой сильный и отважный князь все время в тени остается. Но он гнал от себя такие мысли, не хотел испытывать собственную судьбу. Ведь бес назло ему мог быстро все изменить, тогда он и окажется на том самом месте. Пока удача была с ним, а он это чувствовал, ничего он менять не станет. Он знал, что достаточно умен и хитер для того, чтобы с самим бесом поспорить, а пока он плыл по течению и свой жизнью был доволен.

Но вдруг его осенило - герой может быть только один. И он , а не Даниил им станет. Возможно, в том и есть какая-то высшая справедливость. Он все знал о своем деде и не особенно благовидных его делах.

Монах - летописец, надолго переживший деда, потом раскаивался, и когда подслеповатыми своими глазами он рассматривал мальчика, с детских лет примерявшего княжеский плащ на широкие плечи свои и носившего его с особенной гордостью, он решил рассказать ему всю правду, чтобы тот не совершал подобных ошибок. Оттого и слышал Александр рассказы о том, как сговорились Всеволод и Рюрик известить князя Игоря Черниговского, как оставался все время в тени дед его, хотя и вершил самые темные дела. Знал юный княжич, что у него совсем иной путь

ГЛАВА 3 В ГАЛИЧЕ

А там временем в Галиче ждали возвращения князя. Они знали, что Даниил , обеспокоенный известиями из Киева, отправился туда, чтобы своими глазами все увидеть. Многие считали, что это поездка только ради праздного любопытства совершается. Они были уверены, что свои земли укреплять надо, а не по разоренным городам ездить. Некоторые надеялись на то, что князь привезет добрые известия. И вера теплилась в душах до возвращения его. И то сказать, у страха глаза велики, чего только не болтают о бедствиях, на чужих землях происходящих, но вблизи они не такими страшными кажутся , как издалика. Пока слухи доходят они такими подробностями чудовищными обрастают, что недаром говорится - не так страшен черт, как его малюют.

Но больше всего беспокоились вельможи его. Они гневались на молодого князя недаром. И молодости его не могли простить ему, и дерзости. Они не обрушились на него, только потому, что по старой своей вере убеждены были, что на небесах Даниила защищает и непременно кару им пошлет, если узнает, что на сына его они нападают. А то, что убийцы его в

рай отправили, хотя грехов немало было, в том они и не сомневались вовсе. И столько гордыни в душах их было, что никак она покоя не давала.

Но крут был юный Даниил, не особенно он с кем-то считаться собирался. Он помнил наказ отца не поддаваться тем, кто ему служить обязан. Если слабость проявит, то сомнут они его. Он же князем до конца оставался, потому и не позволял себе никаких слабостей. Это чувствовали и вассалы его строптивые.

- Но где же князь? - не скрывал своей тревоги в те дни Василек, - и поляки постоянно грозят, и с боярами он не справится. Таким бессильным он себя в тот момент ощутил, что плакать от слабости хотелось. А если с ним что-то в дороге случится?

От одной этой мысли все в душе его холодело. Представить себя на столе Галицком он никак не мог, как ни старался.

- Господи, почему ты заставил меня родиться в семье князя, но не дал мне сил этот плащ княжеский носить. Уже столько раз вопрошал он небеса, но все еще не знал ответа на самый больной вопрос.

И если что-то с Даниилом случится, то из мертвых его воскресить надо, потому что не там, а здесь он нужнее. У него же мужества и силы отродясь не бывало - в том и беда его горькая и страшная.

Он просыпался в ожидании и терялся в догадках, но от князя не было никаких вестей по-прежнему. Хотя он верил в то, что тот жив и невредим. Он всегда чувствовал дурное, а тут был спокоен.

Но бояре не стали ждать долго. Воины княжеские готовились к схватке. Они видели, что им драться придется, а не рассиживаться, забыв обо всем.

А княжичу казалось, что это бояре собираются против него дружину поднять, страх становился все сильнее, мужество в любой миг готово было изменить ему.

Наконец, презрев в себе осторожность, так похожую на трусость, он решил отложить перо летописца и повелел вывести из конюшни боевого коня своего. Лучше умереть, чем отсиживаться и прятаться. Да и так ли жизнь его дорога была. В такие дни самый робкий должен подняться, и идти в сражение.

ГЛАВА 4 ВОЙСКА ЛЯХОВ

Князь Даниил появился почти перед выступлением. Вести становились все тревожнее. Они говорили о том, что проклятые ляхи все ближе подходят к города, остается только защищаться и надеяться на чудо. Он и сам пока не

понял, почему дружины его так яростно поднялись, но почувствовал, что дело тут не в нем, а землям его грозит смертельная опасность.

Он тут же и пошел впереди своих дружин.

И все разом обрушились на него. Возможно, это проклятие княжеского бога Перуна, который все никак не может им простить предательства. И уничтоженные кумиры теперь никак не могли помочь князю. И сам бог злопамятен и мстителен.

Все в душе князя Даниила перемешалось. Он видел, то развалины Киева, то это воинство жуткое. И понимал он, что никто не придет ему на помощь, таких сил просто нет в его мире. Те, кто еще живы, будут сидеть и своего часа ждать за каменными воротами своих городов, которые вовсе не такими уж и мощными оказываются. И почему-то вспомнился князь Александр. Но он и сам не собирался ему помогать, когда о шведах и немцах узнал. И казались ему иноземцы вернее и надежнее любого из братьев его. Но ляхами он должен покончить, и за отца своего отомстить надо. И после этой битвы решил он к королю их послов своих отправить, чтобы стоворились они о союзе. жениться он должен на королевской дочери. Это не ново, еще во времена князя Ярослава так миром все и решалось.

Любовь? Не думал об этом князь Даниил, казалась она непозволительной роскошью для него теперь. И некогда ему о чувствах думать.

Если бы он раньше принял такое решение, то возможно и не гибли бы его воины теперь. Но пока ему победить их нужно было, коли Александр и со шведами и с немцами расправился, то ему сам бог велел здесь не только устоять, но и победить.

Король отдаст свою дочь победителю.

У Федора настроение было мрачное. Он с горечью размышлял о том, что может и не вернуться назад из похода, как и любой другой, только своя рубаха была ближе к телу. Тогда он не добьется Алены, она будет в объятьях другого.. Хорошо князю, за ним любая побежит, а что ему делать остается? Он тяжело вздыхал и никак не мог успокоиться.

По-разному они мыслили, каждый в своих заблуждениях прибывал

ГЛАВА 5 ДУРНОЙ ЗНАК

В то время король ляхов, предупрежденный, что Даниил вышел к нему навстречу, не торопился двигаться в путь, пусть русичи устанут хорошенько. Тогда с ними легче справиться будет.

Он и сам не знал точно, что такое затевается, просто решил с молодым князем силами помериться. И в его жилах текла русская кровь, его бабка была дочерью князя Ярослава. И потому Галицкие земли он считал своими почти. И ждал он, пока Даниил захочет с ним породниться, и торопил его, решив напомнить о себе.

Проиграет или выиграет он, король был уверен, мальчишка одумается и все станет так, как ему мечталось. Но он смел, и недаром удержался там, куда князь Всеволод и носа своего сунуть не посмел. Но и поражение не могло его остановить. Он рвался вперед. И должен был проверить будущего зятя на прочность. Времена были жуткими и надо точно знать, кому дочь свою отдавать.

И припомнил король рассказ венгра о чудесах на поле брани, когда тот против русичей выступить решил. И насторожился он, как человек глубоко и искренне веривший и набожный, вовсе не хотел он испытывать судьбу свою и подвергать себя двойной опасности. Ни от человеческой руки, не от лапы духа погибать не хотел. И все казалось ему, что вокруг дурные знаки расставлены. Единственное, о чем еще подумал он, что сам он эту историю для оправдания придумал. Ведь одно дело с людьми, даже очень сильными сражаться, а совсем другое - с духами, незримыми и мощными. Но тут же сомнения его охватили, уж не лгал ли он себе самому. Чем быстрее приближался день схватки, тем отчаяние и предчувствия подступали. Конечно. Не обошлось здесь и без беса. Он не любил верного католика, покорного и до конца своему богу преданного. Такая вера не только смешной, но и глупой ему казалась. Особенно если она не оставляла места сомнениям и разочарованиям, а страхи нагоняла невероятные. И он сам даже дивился тому, насколько тот стойким оказался. Наверное, она еще и помогала ему. Но азарт его от этого только разгорался, и не мог он остановиться, сколько не старался.

И замыслил бес еще несколько дурных знаков ему подбросить. Вот и конь его на каждом шагу спотыкался, потом что-то завьло рядом, так, что король побледнел и стал яростно креститься. Не стоило столько о духах думать, недаром говорят, что если их помянуть, то они явятся.

Вот и про него, если поражение потерпит, и про него говорить станут, что все он для своего оправдания придумал, и только немногие смогут посмотреть на то, как это было на самом деле.

В тот момент, немного напуганный и раздосадованный, и заметил он князь перед собой прямо тень князя Романа. Он не мог не узнать князя этого, сколько бы времени со дня его гибели не миновало. Теперь он, словно грозная туча и нависал над головой.

- Ну что, король, - смеялся призрак, - решил наверстать упущенное. Так знай, что скверно тебе придется, так скверно, как никогда и никому до тебя не бывало. Сын мой ведает, где и как пришлось мне голову сложить, напрасно с ним ты сражаться стал, а не с иными.

- Я не желал твоей смерти, ты собратьев своих в том вини, они больше этого хотели, не выдержал король

- Тебе и это, как вино известно, но с ними я и без тебя разберусь, а тебе за свои грехи рассчитаться придется.

И снова начал креститься король, но Роман только рассмеялся в ответ. И все-таки через несколько минут странный всадник исчез. Король больше ничего не видел. Только гнев и страх терзали душу его.

Как бы все не было, но в том, что это дурной знак, лях убедился окончательно. И самое лучшее было бы, пока не подъехал Даниил, отправиться подальше, не встречаться с ним никогда, по крайней мере, на поле брани. Ему не хотелось снова пережить позор поражения. И был он такой решимости тогда исполнен, что ничто бы его и не остановило.

Но потом он понял, что не станет от этого мальчишки убегать.

Гордость и спесь - вот что оставалось для него главным. Трусом они его никогда не назовут. И все в душе его при этом клокотало, он не повернет своих коней, даже если этот мир перестанет существовать. Ничто его уже не сможет остановить.

- Не думаешь же ты, что я своего сына на расправу отдам, - слышался ему насмешливый голос князя Романа.

Но королю казалось, что сам бог его или архангел говорит с ним.

- И попутал меня бес с ним связаться, - досадовал он. А время тянулось бесконечно долго, ожидание изматывало больше, чем самое яростное сражение.

ГЛАВА 6 БРАНЬ

В тот день Даниил, не раздумывая, рванулся на ляхов. Король увидел плащ его алый и невольно им залюбовался. Он все рассчитал и в сражение рвался яростно. Он был бесстрашен, ничего не боялся. Ни один мускул на лице его не дрогнул. Оно озарилось каким-то странным светом, сиянием и казалось особенно прекрасным. Скорее всего, сам ангел небесный вел его, последние надежды короля на победу улетучились.

Но из-за дочери своей он никак не мог повернуть назад, долгие годы видел Даниила ее мужем, и все рухнуло вдруг.

Оба они заметили, хотя в том сражении и гибли люди, но между соперниками не было ярости. Ссорились близкие люди.

Король не выдержал первым, и повернул отступать. Он знал, что ему не нужны напрасные жертвы. Но он успел заметить усмешку мальчишки, вздрогнул от такой дерзости, промолчал.

Он и верил и не верил в то, что они могут породниться, не понимал, о чем тот думает. У него все перемениться могло, и не хотелось в дурацком положении выступать. Он красив, он по-настоящему хорош в сражении. Это странно, последние князья русичей ни красотой, ни статью не отличались. Но Даниил был на самого Рюрика и Олега похож - это точно. Хотя он не мог знать, какими те были на самом деле. А если прибавить к тому княжество, которое держит он крепко, то никакого другого князя не хотел он видеть своим родственником.

Кажется, его воины не особенно его понимали, но им не надо все знать и понимать, они должны его приказания исполнять, и все.

Князь Даниил помедлил немного, а потом отправился за королем, и снова решила свита его, что расправиться он решил с ляхом.

- Я хотел сообщить тебе, что отправляю послов своих туда, к твои пределы, пусть о свадьбе договариваются с твоими., - Говорят, дочь твоя хороша.

- Она хороша, да ты больно долго раздумывал, - но и без послов могу сказать, что лучшего жениха для дочери моей и желать не могу. И сердце мое никогда тебя не обманывало.

Развернувшись, он отправился прочь.

Ехал очень быстро, возможно, хотел скрыть свое смущение.

Даниил был всем доволен, и свет казался ему ярким, почти ослепительным. Чего еще желать, если он только что победил ляхов, и король признал это теперь, он почти женат, все складывалось так, как ему хотелось. Немного печально было, что он совсем не знал дочери короля, как бы она не была прекрасна, нечего говорить о каких-то чувствах. А ему так хотелось любить и быть любимым.

Но разве может он себе позволить такую роскошь?

Он знал девиц и женщин, многие в душу его молодецкую запали надолго. Но не одну из них не хотел он женой и княгиней сделать. Он помнил об отношениях между матерью и отцом своими, о его невероятной жестокости, и не мог быть другим.

Мать так и запомнилась ему далекой, печальной, ускользавшей. Он знал, что женится, чтобы заключить союз и получить что-то для себя и мира своего. Так он с самого начала и был настроен.

Князь распорядился похоронить убитых и приказал возвращаться назад. Он был странно глух и нем по отношению к тем, кто ехал рядом с ним. И никто не пытался с ним о чем-то заговорить.

Как странно адел закат. То ли о прошлом он напомнил, то ли о чем-то новом и неведомом.

ГЛАВА 7 ЖЕНИТЬБА

Король, проиграв сражение русскому князю, возвратился на свои земли.

Его и прежде не понимала свита, теперь же многие из них просто ломали голову, не понимая, чему тут радоваться, когда неотесанный юнец поставил тебя на колени.

Но он не собирался объяснять, в чем состоит его радость, он просто радовался от всей души. Но вот дочери своей Марианне что-то король решил объяснить. Хотя он не сомневался, что она никогда не пойдет против его воли, но девица была себе на уме и упрямой, она могла поразить и собственного отца, не только чужого человека. Королевна привыкла к поклонению, все ей готов были подчиниться и услужить, к любой неволе, даже замужеству, она относилась предубежденно и не желала с ним мириться.

Она не сомневалась, что замужество от нее никуда не денется, надо только быть поговорчивее и помягче.

Отец порой бывал крут и не обуздан, видя его отношения с матушкой, она не собиралась оставаться кроткой и бессловесной. Потому и муж ей нужен был совсем другого склада.

Правда, все вокруг давно уже говорили о Галицком князе Данииле, которого отец спит и видит своим зятем.

Она часто теряла душевное равновесие, когда произносили это имя.

Ведь князь меньше всего годился ей в мужа. Она надеялась, что отец одумается, все забудется, он может просто погибнуть на поле сражения, да и те, кто его окружают не лучше врагов лютых.

Но пока ничего такого не случилось, а про Галицкое княжество такие жуткие истории сказывали, что и она содрогалась невольно.

Нет, ей нужно избавиться от такого мужа и от такого мира, в котором умирать не страшно, но очень страшно и утомительно жить.

В последний раз она обрадовалась, когда отец отправился против него в поход – значит, все это только разговоры, возможно, он просто убьет его, но

даже если погибнет сам, а такое тоже может случиться, то этот таинственный князь вряд ли захочет с ней оставаться.

- Да тогда ему не надо будет на тебе жениться, он просто возьмет тебя в наложницы, - раздался голос рядом.

Марианна тут же вздрогнула и перекрестилась. Ни одной живой души рядом с ним не было. И тот призрак исчез. Но странное беспокойство, связанное со страхом, поселилось с той поры у нее в душе. Она поняла, по легкомыслию можно пожелать себе чего-то страшного, а часто случается так, что отказываясь от большого, приходится потом мириться с малым. Насмешливый шут может оказаться прав. Нет, она вовсе не желала того, чтобы отец погиб в этой бессмысленной схватке.

Тогда он совсем ее не сможет защитить.

Как она прослышала еще до его возвращения, ни князь, ни ее отец с жизнью там не расстались. Говорят, князь даже победил, а оттого ей стало особенно тяжело, почти невыносимо жить на белом свете. Отгородившись от целого мира, она чувствовала, что скоро все в ее судьбе решится, и только упорно ждала его возвращения.

А когда о том доложили – заметалась по комнате, никак не могла успокоиться. И никак не могла понять, позовет ли он ее или сам придет к ней, но может, страхи напрасны, и он оставит ее в покое.

Вот и раздалась совсем рядом его шаги, заставившие ее побледнеть. Служанка распахнула дверь и склонилась в почтении.

Марианна казалась спокойной и отстраненной, теперь она была больше похожа на прекрасную античную статую, в которую только что вдохнули жизнь, но еще не встряхнули, чтобы она зашевелилась и двинулась куда-то.

Король в первый миг невольно залюбовался ею, но потом немного рассердился – она его не замечала. Хотя такое невнимание он мог терпеть только от нее одной.

Он решил быть краток.

- Можешь оторваться от своих размышлений и спуститься на землю. Я пришел тебе сообщить о том, что я дал согласие Даниилу на свадьбу. Мы объединим княжества, ты станешь княгиней, женой князя русичей.

Казалось, что девица не слышит, о чем он ей говорит.

Но Марианна слушала и все хорошо слышала.

- Говорят, Даниил жесток и беспощаден и к близким и к дальним, разве ты не ведаешь, что стало с его матерью? – в огромных глазах ее появился настоящий страх.

- Ведаю, - усмехнулся он, - Даниил не похож на своего отца, он настоящий муж и воин славный, а ты вовсе не бессловесная овца у меня, если

надо, сможешь за себя постоять. Да и его придется к себе расположить, муж, а особенно такой могучий князь, как он, сделает все, для той, какую любит. Вот и будь ласкова с ним, и нечего тут слезы лить - не поможет, будет так, как я сказал, а если повторишь судьбу его матери, пеняй на себя.

Марианна стояла, словно каменное изваяние, и, кажется, никогда больше она не оживет и не пошевелится даже.

Она хотела что-то сказать, но не смогла, видя, что король отступить не собирается.

Нет, она была проницательна, словами тут делу не поможешь.

Отец устранился, и будет заодно с князем, если что-то пойдет не так, а она сама должна со всем справиться.

Она решила идти своим путем, сражать до конца и совсем забыла про тот голос, который недавно над ней измывался.

Неужели она сможет справиться с отцом и Даниилом и подчинить их себе, если понадобится?

Если отец так решил поступить, то и она будет делать то, что ей нравится.

Князь решил на ней жениться, даже не взглянув на нее, что за прихоть такая, а если она стара и уродлива?

Но она королева, и у нее совсем другая жизнь, не сравнимая с холопской. Любовь – удел служанок и наложниц короля, она не может себе такого позволить.

Но можно ли уйти от судьбы, не потащит ли она волоком упрямую девицу?

№№№№№№№№№№

Тем временем Даниил возвращался к себе, он и не подозревал, какая буря возникла в душе той, которая должна была стать княгиней и родить ему наследников.

Он не сомневался, что девчонка, узнав обо всем, на седьмом небе от счастья, и готовит свои наряды и украшения, чтобы блистать на свадебном пиру.

Бес четко за всем на этот раз следивший, решил тут же взять быка за рога и сделать из нее верную и преданную жену для своего князя, который по его разумению и сам рано или поздно должен стать королем.

ГЛАВА 8 ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

Ну что же, давно пора взяться за дело. Он быстро перевоплотился в Даниила, да так, что и мать родная бы его не отличила от сына, а уж королевне и сравнивать было не с кем.

Изменил он только нрав княжеский, насколько это было возможно, вот так и решил показаться невесте.

Но сначала он направился к озеру, посмотрел хорошенько на свое творение - рост немного ниже, князь высок и строен, но для начала сойдет. Но она потом, когда Даниила встретит в волнении и не заметит такой мелочи.

Да и вообще, его интересовал только вот этот момент, а не то, что случится когда-то потом.

Так он и явился перед королевой

№№№№№№№№№№

Странные слухи стали доходить в то время до Даниила, будто он объявился в Польше и теперь перед принцессой Марианной предстал.

Все, кто видели князя в Галиче, понимали, что это просто сказки. Непонятно было только откуда такие слухи берутся.

Многие, и сам Даниил решили, что кто-то себя за него выдает, пользуясь тем, что принцесса князя никогда не видела прежде, обморочить ее ничего не стоит, а на глаза королю он, скорее всего и не попадался. Но он был крайне удивлен, когда с Даниилом там столкнулся посол и отправил гонца проверить, дома ли князь, а тот клялся, что Даниил дома, даже свиток от него доставил.

Для большинства все это казалось какой-то странной тайной, розыгрышем, но если задуматься, то получалось, что Даниил каким-то чудесным образом перемещался из Польши домой и обратно, или появился кто-то на него очень сильно похожий, да так, что и отличить невозможно, либо это бес что-то там такое необъяснимое творит.

В последнее поверить было проще всего, но рано или поздно это надо было выяснить и рассказать всем, кто слышал такую историю.

Сам же князь Даниил, не покидавший своего удела, догадывался, что это его старый знакомый бес затеял такую игру, но зачем это ему понадобилось? Хотя пути его точно неисповедимы. Надо просто немного подождать. Любопытство было не самым главным пороком князя, и он вполне может пережить такие неудобства, но со временем выяснит, что там происходит.

Никто другой не решился бы на такие тайны и подмены. А люди так любят всевозможные тайны, что просто без них не хотят обходиться, особенно если это касается князей и воевод грозных.

Князь оказался прав. На следующий вечер, едва отойдя от дел земных, он двинулся в свои покои и там, около окна он увидел себя.

В первый момент Даниил замер, немного растерялся, потом плотнее закрыл дверь, словно для призрака она могла стать преградой.

Он остановился не перед собственной тенью, а перед вполне реальным созданием, которого даже сам он мог перепутать с князем Даниилом.

- Я думаю надо все прояснить, - заявил тот, - но согласишься, что ты не нашел бы изъяна даже при ближайшем рассмотрении.

- Не нашел бы, - согласил Даниил, - но голос, что с голосом, его может перепутать только глухой.

- Должен же я чем-то от тебя отличаться, особенно когда с тобой рядом остаюсь, но для твоей Марины я и есть русский князь.

- И что бы это значило? – поинтересовался князь.

И это был тот редкий случай, когда он на самом деле ничего не понимал.

- Принцесса должна влюбиться без памяти, зачем тебе холодная жена? - спросил второй.

- А ты сможешь это сделать? - поинтересовался он.

- Мы это сделаем вместе, ведь один ты не слишком расстарался.

- Не старался, а тебя кто просил?

- А меня и не надо просить, я сам творю, что захочу, - чуть обиженно отвечал бес, - вот вижу, где что не так творится, и, засучив рукава, берусь за дело, да что бы вы вообще без меня делали, интересно знать.

Даниил не сомневался, что так это и есть, и спорить с ним бесполезно, тем более, он так устал в последнее время и пытался только понять радости или огорчения готовит ему бес. А если он перестарается, и принцесса потом возненавидит настоящего князя, разве такого не может быть? Да сколько угодно.

Но у него не оставалось выбора, надо было только надеется, что все пойдет так, как ему того и хочется.

- Не бойся, - успокоил князя бес, - я буду чуть добрее и мягче, и твоя невеста довольна тем, что видит и слышит, ну а если ты сам другим окажешься, не беда, люди меняются, и порой очень сильно, до неузнаваемости, вот и объяснишь ей, что ты взял и переменялся.

Он шутовски раскланялся с князем и отправился прочь, прошел немного и растворился в воздухе.

Даниил опустился на кровать, он не понимал, радоваться или огорчаться, зная, что бес в другом месте любезничает с Марианной, стараясь околдовать ее.

Но если хорошенько подумать, то все не так плохо, пусть девица влюбится в него хорошенько.

- Ты слишком суров и беспощаден, это хорошо во время битвы и когда с боярами строптивыми управляешься, а невесту такой суровостью пугать не надо, - все еще слышал он голос Мефи.

- Может он и прав, - подумал князь, засыпая.

Он вспомнил в дреме рассказы о том, как Всеволод мечтал о таком помощнике, но ни разу тот с ним не столкнулся, а князю повезло невероятно.

И недавние времена, о которых он так мало знал, вдруг стали мелькать перед ним, и мало что могло сравниться с ними в этой жестокости. Как хорошо, что ушли к предкам и Рюрик, и Всеволод и бедный Игорь с сыновьями (ведь будь они живы, ему не досталось бы Галицкого княжества). Но уже и отец покинул этот мир, а тому грех было жаловаться на невезение, исполнилось все, о чем ему мечталось, хотя все относительно, и наверное, он тоже был недоволен тем, что там тогда творилось.

Даниил чувствовал, что на его долю выпадет что-то пострашнее испытаний Всеволоды, и тогда живые позавидуют мертвым. Разве не дети платят за грехи отцов?

Но Даниил чувствовал, что у него нет, и не будет выбора.

А ведь надо было думать о свадьбе, о тех переменах, которые готовила для него эта реальность.

Это было самое светлое, безоблачное время, отмеренное ему судьбой. Но человек, особенно властелин не умеет ценить то, что у него есть, а потом только и сожалеет об утраченном.

А еще насколько все в мире зыбко и странно, если этот симпатичный тип ведет свою игру, и делает то, что ему вздумается.

Многого тогда не мог понять князь, но он был не настолько глуп, чтобы бунтовать против того, что складывалось и до него веками, не с него начиналось, не им и закончится.

-Но все ли я сам сделал, все ли решения сам принимал, - у него возникли сомнения.

Но после этого князь погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА 9 КНЯЖЕСКИЙ ДВОЙНИК

Так и случилось – князь Даниил столкнулся сам с собой, благодаря проделкам беса смог взглянуть на себя со стороны.

А второе его я смогло уже пробраться с королевский замок и искало встречи с принцессой.

Ничего в том особенного не было, мало ли кто ищет встречи с королевской особой, она знавала немало поклонников, готовых многое отдать за встречу с дочерью.

Ходили слухи о том, что Даниил тайно пробрался туда и теперь хочет убедиться в том, что невеста его хороша, как о том говорят.

Не могли эти слухи не коснуться принцессы. Зная, насколько король дорожит своим браком, она опасалась того, что дочь ее строптиво и дерзко себя поведет, вызовет гнев отца и мнимого жениха. Правда, это не сочеталось с высокомерием и гордостью Даниила, но кто знает, что там на самом деле. Она решила предостеречь свою дочь от нежелательных поступков.

Но Марианна возмутилась еще больше:

-Но как он смеет тайно появляться здесь? Как может он мне голову морочить? –негодовала она, кажется никакая сила не могла ее остановить.

- Ты должна помнить о желаниях отца, он всегда добивается своего. Если ты не хочешь, чтобы он оставил тебя без гроша в кармане и пустил по миру

Глаза принцессы сверкнули от ярости, но она понимала, что такое возможно, ее отец не потерпит дерзости даже от нее самой.

Но ни она сама, ни матушка понятия не имели, кто из многочисленных поклонников – Даниил, а спрашивать у короля, тем более он и словом о том не обмолвился, ни одна из них не решилась.

И по характеру ни одна из них не была так горда и строптива, как говорили о князе, так что скрывая свои подозрения, Марианна все чаще предавалась размышлениям и никак не могла понять, что происходит, кто из них наконец раскроется, как ее муж, тот самый, которому она уже была обещана.

Тайна печалилась Марианна, ведь ей был люб рыцарь странный и дальний, который почти ничего не говорил, но все время появлялся в алом одеянии, с розами и оставался у ее окна дольше, чем другие.

Больше всего хотелось, чтобы он заговорил с ней, увез подальше отсюда. Но она понятия не имела, что должна для этого сделать, как быть. Почему он так молчалив. Но не могла она заговорить первой, тем более теперь, когда должна быть осторожной.

Нет, она никогда не сможет заговорить с ним первой. Значит должна оставаться в сомнениях и грезах. Она не понимала этого и бесилась от бессилия.

Через несколько дней она уверила себя, что она влюблена в этого молчаливого незнакомца, все на свете отдаст ради того, чтобы он не просто добивался ее и принес к ногам все цветы мира, но и открылся, наконец, перед ней. И чем больше она любила его, тем тяжелее переживала о том женихе, которому успел отдать ее отец, тем чаще появлялась в душе дерзкая мысль, что надо было оберегать и не появляться здесь никогда.

Но вся беда и состояла в том, что поклонник ее был слишком робок и не собирался открываться.

№№№№№№№№

Вечером бес торжествовал, он хвалил себя от всей души за то, что все делал правильно. Сердце принцессы было в его цепких лапах. И князь должен был быть ему за это благодарен, он этого и представить себе не мог. Самому ему не удалось бы так быстро добиться таких результатов.

Это была только его заслуга.

- Я знаю, о чем твоя печаль, госпожа моя, - заговорил вдруг лже князь, - и теперь хочу спасти тебя от жениха твоего, как бы строг не был твой отец, но если ты сама не хочешь этого, мы можем убить князя.

В тот момент, когда она услышала от смиренного поклонника такие громкие речи, что-то подсказало ей, что она должна делать, как действовать. Не должна она ему поддаваться, лучше промолчать и уйти в сторону. Но так как промолчать принцесса уже никак не могла, то она и заговорила:

- Нет, не надо, не трогайте его, я не подую против отца, даже если он не полюбит, я не люблю его, все равно стану женой Даниила.

- Но ведь я тебе люб, а не он, - изумился Незнакомец.

- Но я люблю своего отца, останусь послушной дочерью, - заверила она.

И тут же осталась за окном. Интересно, девица на самом деле так думает или только хитрит? – размышлял он по дороге назад и никак не мог понять, что у нее на уме творится. Но речи ее ему понравились.

Хорошо, если она так думает, он об этом позаботится, она для князя сгодится. Он примет ее в свои объятия. Но если она только притворяется покорной, то он найдет, как с ней справиться.

ГЛАВА 11 ПРИНЦЕССА-НЕВЕСТА

Мужеству Марианны можно было позавидовать, хотя никто не знал, что творится в ее душе.

Она собиралась в дорогу, но ждала втайне, что ее рыцарь станет ее сопровождать. И там, на чужбине все время будет рядом с ней, они, вместе

покинув польские земли, поедут в Галич, будут тайно встречаться, когда князь отправится в поход, так у нее в чужом мире останется верный и надежный друг и любовник.

Забывшись в грезах, она и не представляла, какой опасности себя подвергала, если бы все случилось так, как ей хотелось.

Бес отвлекался на свои размышления, потому и не слышал всего, о чем она тогда думала.

Он смотрел на нее, но в помыслах своих был страшно далек.

Надо сказать, что обличие Федора его не устраивало, ему хотелось примерить обличие Даниила, но не мог он снова в том же виде появиться, это бы князю не понравилось, и то свое появление ему надо было как-то объяснить. Трудно представить, что Даниил согласится тайком туда пробраться и выдавать себя за влюбленного жениха. Вот и раздумывал он теперь, как получше все обставить, как сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы, да и не слишком задавались, что уцелели и спасти себя от всех бед и невзгод. Одно и то же и благом и белой могло обернуться.

Наконец, обратив внимание на Марианну, он сразу же подумал о том, о ком она думала, и так как ничего не понял. То решил выяснить, что там происходит:

- И что же ты порешила, госпожа моя, тебе совсем иной нравится? Но сначала взгляни на князя, а потом решай, кто и зачем тебе нужен, - посоветовал он, хотя никто не спрашивал его совета, но бес уже привык не дожидаться такой просьбы.

Странный огонек промелькнул в глубине глаз, королевна вздрогнула, поняла, что ничего от него не сможет утаить, напрасный труд.

Она почувствовала, что ступила на землю колдунов, здесь так легко жизнь погубить. А она была так молода, так хотела жить и любить.

- Он только предупреждает, и я должна прислушаться. Надо выбросить все забавы из головы и заниматься тем, для чего был рожден, иначе, все кончится так и не успев начаться.

Мефи только дивился тому, как быстро она все размышления изменила. Не слишком ли она догадлива и хитра для такого юного создания? Не собирается же она его перехитрить, хотя кто знает, кто знает.

Ему стало весело при таких догадках. Нет, она нелепая и смешная, избалованная девица.

Но и сам он должен быть осторожнее и осмотрительнее.

Бес не стал ее торопить, губить ее не собирался, и так как жена не подходила Роману, так она подходила его сыну. Он защитит девицу от нее самой, от упрямства и глупости.

Надо будет потрудиться в этот раз

№ № № № № № № № № №

Вот без особых приключений и трудностей прибыли они во дворец Даниила. Пока принцесса и ее свита перед встречей с женихом приводила себя в порядок, бес поспешил к Даниилу., чтобы посмотреть все ли там в порядке, как себя чувствует настоящий князь.

Князь знал о прибытии его невесты, но был задумчив и мрачен:

- Ну и как успехи в обольщении моей невесты? - спросил он.

Непонятно было одобряет ли он или осуждает происходящее.

- Успехи замечательные, настроение хорошее, - говорил бес задумчиво, - одна только промашка, девица полюбила мягкого и влюбленного князя, а ты на него похож лишь немного внешне, это не порядок.

И снова невесело усмехнулся князь.

- Удивительно то, что я сам на себя не похож.

- Да не на себя, а на того, какого хотят видеть и любить девицы, это две большие разницы, и не убеждай меня в том, что тебе все равно.

- Не все равно, только все мои мысли теперь о другом. Меня радует союз с поляками, но не о любви, не о постели все мои помыслы.

- Черт возьми, а я думал, что молодой да сильный князь около меня был, но твой предок Владимир, которого святым обзывали, сроду таким не был, даже перед смертью женщины одни его душой и владели, говорят, их было у него несчетно тогда, заметь, что не я это сказал.

Князь молчал.

- А ты, да посмотри ты на себя, что с тобой стало, почему душа твоя засохла, как гриб столетний.

Хотя очень обидны были те слова, но ничего не сказал бесу князь, потому что тот был прав, хотя язвительен и нетерпим.

Но надо было принять его упреки, где-то рядом была прекрасная дочь короля, надо было хоть немного о ней подумать.

Мимолетно взглянув на себя в зеркальное отражение, князь шагнул в тронный зал.

Королевна заставляла себя ждать, Данилу это не понравилось.

Он готов был подняться и удалиться, но какая-то сила удерживала его на месте, когда Марианна в сопровождении дам своей свиты направилась к нему.

И была она прекрасно-бледная, какая-то гордая и величественная. На лица застыл вечный покой. Она шла, потупив глаза в дорогой ковер, словно пыталась рассмотреть его узор навстречу к жениху, который скоро, очень

скоро станет ее мужем.. Она должна будет забыть о своей воле и подчиниться, но ее воспитывали вовсе не в покорности и побороть себя будет трудно.

Даниил хотел назло бесу оставаться равнодушным, но у него это никак не выходило. Потому он нахмурился и ждал, когда она подойдет ближе, чтобы можно было хорошенько ее разглядеть.

Королевна остановилась перед ним, почуяв, как он поднялся к ней навстречу, подняла на него глаза.

И в муже своем она узнала вдруг того юношу, хотя наряды их не были похожи, но это был тот самый человек, который все время возникал перед ней, пытался смутить и обратить на себя внимание.

Она так растерялась, что не могла понять, как себя вести.

Но ведь и он вел себя довольно странно. Он делал вид, что не узнает ее, что видит в первый раз, как так можно притворяться.

Что-то властное и надменное проступало в его красивом лице. Он пытался улыбнуться, но появлялась усмешка.

- Ты прибыла, я рад, что ничего не стряслось, на дорогах у нас не безопасно, - говорил он и даже интонация голоса изменилась.

Королевна молчала.

- Теперь это твой дом, исполнено будет любое желание, все готово к свадьбе и надо с ней поскорее покончить.

Она что-то пролепетала, раздосадованная, понимая, что он изменился, и прежним не станет.

Тут же припомнились слова Федора о том, что не стоит торопиться. Надо на князя глянуть, но чтобы они не заметили.

- А почему нет роз, тех, которые были все время, я думала, что они тут повсюду.

- Каких роз? –спросил Даниил, удивленно взглянув вокруг.

Она видела, что он и на самом деле не понимает, о чем она говорит, как странно все, что творится в этом мире.

- Они будут, скоро будут, - дерзко вклинился лже Федор, - не князь, а я о розах всегда заботился, но с дороги не успел.

Теперь и князь взглянул на него насмешливо, понимая, что этот плут что-то там затеял. Он злился, потому что ничего о цветах не знал. Но как она смела думать, что он с какими-то цветами носиться станет?

Он чувствовал, что начинает выходить из себя, этот коварный дух просто над ним издевается.

Когда невеста и свита удалились, он остался один, начал размышлять спокойнее, хотел понять, что делать и как ему жить дальше, почему она так странно себя вела?

Впрочем, в этом винить можно было только беса, никакого другого князя девица узнать не могла. Наверное, там, во время путешествия тот был совсем другим, бес любит такие розыгрыши, особенно когда ему скучно становится.

Но он не станет таким, каким тот пытался его представить, не бывать этому. Князь Даниил во все и более тяжкие времена хотел только одного – оставаться самим собой.

Даже если с ляхами придется отношения порвать, себе он изменять не собирался.

Бес тоже понял, что усилия его были напрасными, от своего князь Даниил не отступится.

Но королева влюблена в того, значит и от этого не отступится, это уже не плохо.

- Это лучшая невеста для тебя, княже, - говорил он задумчиво.

- Может и так, - подал плечами князь, - но все мои мысли о другом.

- Ты можешь пока наслаждаться тем, что творится кругом, все это пролетит быстро, а потом наступят трудные времена.

И вдруг князь громко расхохотался, так, что и бес вздрогнул от неожиданности, что это с ним такое могло случиться?

- И чему это ты смеешься? Что тебя так рассмешило? – допытывался бес.

Но князь молча поднялся и повернулся к нему спиной, чтобы уйти из гридни.

- Вот так пашешь, не разгибаясь, и никакой тебе благодарности, - сокрушался бес.

- Ты не к тому приклеился, думаю, Всеволод тебе был бы благодарен, но что такое с ним произошло? - спросил Домовой, слышавший жалобы беса.

- Противный он, неразумный и нестигаемый, это его однажды и погубит раз и навсегда. А про того, да я никогда не служил нищим духом, тебе это известно лучше моего, да и прежде сам выбирал, кому мне служить.

В гридне стояла тишина, там больше не было ни одной живой души.

ГЛАВА 12 ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЬКА

Марианна пребывала в странном расположении духа. Она не могла понять, радоваться ей или огорчаться.

Но все-таки она рядом с русским князем, единственным в этом мире, кто достоин был королевства.

Но сердце подсказывало, что тут что-то не так, как кажется, что тут их, по меньшей мере, двое, и она видит слишком разные картинки и разные чувства.

Даже если он не хотел выдать себя и сделал вид, что не узнал ее, это все равно было как-то странно.

Нет, за той же суровой внешностью скрывалась совсем другая натура, это нельзя было скрыть от ее души, кто-кто, а она различала все тонкости натуры близкого человека.

Сможет ли она продержаться с этим человеком, и, полюбив его, став слабее, чем теперь, оставаться с ним рядом до гробовой доски, как наказывала ей матушка и бабушка когда-то.

Но кто и в чем ее обманывает, вот ведь что самое главное. Оставалось только гадать, что же такое с ней приключилось.

Она чувствовала, что теряет душевное равновесие в чужом мире, и боялась, что может его не вернуть.

Даниил же, увидев жену в первый раз, мог только догадываться, отчего она пришла в такое замешательство – бес действовал не только от его имени, но и перевоплотился в него, и, судя по всему, был очень похож.

Сам князь был в растерянности. Она умна и прекрасна, но князь не мог или не хотел влюбляться.

Нет, его сердце было навсегда отдано другой, той, на которой он не мог жениться. Значит, просто придется рядом жить и мириться с тем, что произошло, ведь изменить все равно ничего не получится.

- Интересно, - думал бес, за ним наблюдая, - ведь даже Святослав когда-то не мог устоять перед своей возлюбленной, так что говорить об остальных.

Ему стало немного жаль Марианну, но надо было хоть что-то предпринять.

Но свадьба приближалась, она обещала быть ярким и шумным событием.

Если бы князь не был так сух и отстранен, словно бы все это его и не касалось, то каким славным было то время.

Но как же он был серьезен и сосредоточен.

И мысленно он уносился так далеко от свадебного пира.

А невеста его и без того почти не понимавшая того, о чем тут говорили, только взирала на него удивленно, улыбалась застенчиво, что его раздражало еще сильнее, и пыталась понравиться ему и всему этому роскошному и странному миру.

Оставшись с княгиней наедине, Даниил и словом не обмолвился о том, что бывал в ее дворце прежде. А когда она спросила о чем-то, связанном с их встречами прежде, так же как и о розах, он только удивленно взглянул на нее, и не понял, о чем она говорит, сказал, что на польской земле в это время не бывал.

Тогда девица и поняла, что и ей лучше забыть о том, что с ней случилось, а может быть, только приснилось, она уже ни в чем не была уверена.

Нет, если жить среди грез и фантазий, то можно оказаться в беде.

Княгине стало грустно, и слезы потекли по ее щекам. Она поспешно их вытерла и взглянула на сурового князя, теперь и она не узнавала в нем того, другого. Значит и правда просто приснилось все, ничего не было и не могло быть.

Он был так близко теперь, торопливо обнял, что-то говорил то ли о грусти своей, то ли о радости, она почувствовала, что ничего не слышит, не разбирает слов, так велико оказалось волнение.

Только чувство вины оставалось в душе, разве можно быть такой растяпой, разве можно так расслабиться?

А между тем бес, все еще в личине Федора с усмешкой наблюдал за тем, что творилось вокруг. Он никак не мог понять, как же сам князь относится к прекрасной польке, что он чувствует и переживает.

Наконец Марианна не выдержала и спросила, забыв обо всех волнениях и страхах:

- Почему ты обманывал меня тогда. Ты был так нежен и влюблен, там в нашем замке.

Она внимательно следила, и ждала, что же он скажет:

- Я не бывал у вас в замке, - спокойно произнес князь, заставив подпрыгнуть и мнимого Федора, - впервые я увидел тебя тут, во дворце.

Она не верила его словам, но он не стал ничего объяснять, это было похоже на правду, но тогда, кто же там был.

Есть ли кто-то так на князя похожий? Она не находила объяснения всему, что было.

Бес подсадовал на то, что она так и не узнала ничего, князь оказался правдив и совсем не гибок.

Ну что же, в этой тайне оставалось что-то такое дивное и далекое, что разгадывать ее княгиня будет всю свою жизнь, а потом он может и признается, что же такое случилось.

Пусть поступает так, как нужно, да и всегда ли люди должны знать обо всем?

Постепенно Марианна освоилась во дворце. Князь ей оставался так же дорог. Но на какое-то время она затаилась и никак не могла привыкнуть к новому миру и к новой вере. Такими чужими казались эти православные цветастые соборы, что глаза резало, и никакая молитва не шла в голову.

Оставалось только убеждать, что это ее мир, и другого у нее уже не будет. А через несколько месяцев, когда ребенок шевельнулся в утробе, она стала мягче и добрее, приветливее со всеми, кого недавно считала чужими и далекими.

И во взгляде Даниила появилась мягкость и надежда. Она чувствовала, что он рядом, не оставит ее и не предаст.

Даниил не сомневался, что у него родится наследник. И подарит его чужая, такая красивая, и такая далекая женщина.

Василек смотрел на старшего брата сурово и осуждающе. Он не понимал, почему тот так холоден с женой и с матерью его детей, один из которых скоро появится на свет.

Но Даниил с самого начала был таким, его так трудно было порой понять даже матери и ему самому, а ведь они росли вместе.

ГЛАВА 13 БЕСКОНЕЧНЫЙ СПОР

Странной была эта свадьба, много дивного случалось и дальше, хотя потом их видели уже немногие.

Но мало был похож молодой князь на счастливого новобрачного, не было восторга и счастья на его суровом лице. Лучше всех видели это бывшие рядом воеводы и его брат Василек. А ведь жена его была юна и прекрасна, и старалась все сделать для того, чтобы ему было хорошо, она старательно и упорно училась. Но ничего у них не получалось тогда, ничего не выходило.

Брат же его все время жил в преддверие каких-то страшных событий. Но стоит ли так заранее переживать? - спрашивал себя Василек, говорят, Александр счастлив и налюбоваться на жену не может, так что же тогда происходит с Даниилом?

Тут он вспомнил о несчастном, горемычном князе Игоре, вся жизнь которого была заполнена то травлей, то пленом, и никакого просвета тогда не бывало в этой странной жизни. А ведь о его любви к Галицкой княгине легенды ходили. Значит не время всему виной, просто что-то тяжелое и страшное с самим князем тогда творилось, и с его близкими тоже. И младший брат его тогда оказался в таком плачевном положении.

Всеми силами и стремился и хотел он помочь, но ничего не получалось, наверное и их ждет такая же печальная судьба.

Даниил оставался прежним, суровым, почти каменным, только порой с нежностью смотрел он на брата своего, жалел его от всей души, потому что если бы уродился он в семье воина или пахаря, то цены ему бы не было, он был бы наверняка счастлив. А вот то, что творилось тут, в княжеском дворце – это страшно и больно было сознавать.

Если с ним что-то случится, что будет делать его младший брат и с Галичем, и со всем остальным миром, тогда судьба Игоря покажется ему раем, а его адским кошмаром делается.

Нет, вместо всех княжеских качеств есть у него только одно большое сердце, а как бы хорош он не был, далеко с таким даром не уехать.

Но Василек все по-своему рассудил.

Он помнил недавний их разговор перед отправлением к ляхам, когда сказал Даниил, что схватка будет последней, потому что он женится на дочери короля ляхов.

- Как же так, - воскликнул тогда Василек, - ведь ты совсем другую любишь, зачем же жениться?

Сначала он не поверил этому, а потом не мог понять, что же ему делать дальше, как быть самому.

Даниил сказал, что любовь хороша только для тех, кто не в княжеском дворце рожден, им не за что отвечать, и могут жениться, как захотят.

-Они могут делать то, что захотят, а я нет, и тебе придется вспомнить, где был рожден.

Но что же младший из сыновей князя Романа мог обо всем этом знать? Ему, скорее всего никогда не стать князем настоящим, да и не хотел он этого вовсе. Но как же жизнь свою Даниил проведет? А люди глупы, завидуют всему, что видят и слышат. Им кажется, что он может все, что им не дано. Да, жениться по выгоде большой и в сражение идти первым, вот и все, что он может.

Но говорят, что Александр выбрал ту, которую и хотел, и в этом он преуспел тоже. Василек даже сам не понял, почему он обратил взор к этому князю. Хотя он ровесник Даниила, но уже на весь мир прославиться успел.

Но с Даниилом они почти никогда не говорили об Александре Ярославиче, хотя он частенько возникал в памяти младшего из князей.

№№№№№№№№№№

Третий участник этих событий никак не мог успокоиться. Бес сетовал на то, что ничего путного не вышло, и все его усилия и перевоплощения были почти напрасны.

. Князь не стал счастливее, он не полюбил красавицу жену, и вовсе ее не замечает после свадебного пира, а на виду у всех в первый, а может и в последний раз на нее взглянул.

Но почему так, как такое вообще случиться могло, тем более, если сам он в том не может разобраться.

Ничего такого он раньше не знал и не ведал. Вот и Василек не понимал Даниила. Это беса никак не могло утешить. Он не собирался себя с дерзким юнцом сравнивать. Он должен был признать, что на этот раз проиграл. Хорошо, что Мессир за этим пока не следит, позор его не слишком заметен, как когда-то. Но это не могло его утешить. Даниил принимал его как должное, но не собирался подчиняться, а часто сводил на нет все усилия, к такому неутешительному выводу он пришел быстро.

Он дивился тому, что во времена праведные он превратился из грубоватого и равнодушного циника в типа переживающего, способного волноваться. Это его теперь угнетало и беспокоило, потому что тот, прежний, он нравился больше. Но в мире все меняется, вот и он сильно поменялся.

И он менялся вместе с миром. Каким он был тогда, когда все начиналось, викинги высадились на этих землях. И хотя он гордился постоянством, но и оно оказалось не вечным.

Долго сдерживаясь, бес решил с ним все-таки побеседовать.

Когда он предстал перед князем, Даниил был спокоен и задумчив.

- Уже полночь, - говорил он, - почему же твоя молодая жена до сих пор одна остается?

- Это пустая забава, - отвечал ему князь, хотя бес не был уверен, что он расслышал эти слова.

- Любовь пустое? Это я тебе говорить должен, а не ты мне, странно от тебя такое слышать.

- А мне нет, не могу я размениваться на чувства, ты о том лучше с Васильком поговори, ему скучно стало, а мне скучать некогда. Он тебе и про любовь все расскажет, а мне этого вовсе не надо.

Бес дивился и сочувствовал, слушая такие странные речи. Строптивый молодой князь загонял его в угол. Весь белый свет переменялся в один миг.

- Чую, что-то странное и страшное в мой век сбыться должно, лучше бы ты научил меня, как быть и что делать, чтобы беду отвести, а потом и о любви можно подумать.

Бес толи от расстройства, то ли от вредности, но только усмехнулся:

- Где мне тебя чему-то учить, ты сам любого обучишь, ведь мудр ты не по годам у нас, только одно я тебе могу сказать точно – всему свое время. Потом, когда ты оглянешься, поздно окажется, ничего нельзя будет вернуть.

Молча смотрел на него князь, ничего больше сказать он не мог, да и не хотел ничего говорить.

Даниил чувствовать, что он не должен поддаваться бесу, что тот его только искушает.

- Я не могу и не хочу думать о любви, потому что в любой момент нас просто могут стереть с лица земли, - думал Даниил, продолжая свой спор с бесом. Ему казалось, что тот исчез и больше его не услышит.

- Но если ты и сохранишь этот мир, нужен ли он тебе, и всем остальным, если в нем не будет жить любовь?

Марианна вглянула на мужа удивленно. Хотя было очень поздно, но она все еще не спала – никак не могла заснуть, мучительно размышляя о том, что этот мир оказался не таким диким, как они себе представляли раньше. Он мало чем отличался от ее собственного, но тем обиднее было знать, что в душе красавца-князя она занимает так мало места. У нее не было никакой реальной соперницы, но от этого не сделалось легче.

Ей просто ничего не оставалось в этом мире. Непонятные думы его тревожат, не дают покоя, бесконечное ожидания и неизвестность, вот все что остается с ними.

Если бы любая колдунья, прорицательница ей описала то, что с ней может случиться, она бы в это предсказание не поверила, а теперь должна была верить и жить с этим. Идти ей было некуда, да и не отпустит ее Даниил, он не захочет ссориться с ее отцом.

Он ломал ее, и королева готова была сломаться, только не понимала, для чего ей это нужно, что получит она взамен

Нынче он был вроде внимателен, но это насторожило еще больше. Она уже и не мечтала о таком.

Но и в объятьях его она не чувствовала себя уютно, он оставался страшно далек. А что происходило, когда ее не было поблизости? Этого она и представить себе не могла.

Княгиня в бессилии опустилась на супружеское ложе, но так и не смогла заснуть, все разглядывала узоры на потолке, которые изгибались в причудливые фигуры.

-Ты не видел Киева в развалинах, потому и заставляешь меня о любви думать, а я готов душу дьяволу продать, чтобы только с моим Галичем такого не случилось.

Пусть будет что угодно, только не это. Нет в этом мире места для любви, нет, и в мою бытность видно не будет.

ГЛАВА 14 БРОШЕННАЯ

Даниил засыпал, рядом со своей прекрасной женой и с сожалением думал о том, что если бы ему пришлось жениться дважды или трижды, тогда он смог бы заполучить венгров и скандинавов, вот о чем думал после свадебного пира молодой князь.

И в этом случае он не боялся бы никаких печенегов, половцев, кто там еще соберется против него идти (почему-то вспомнились враги из древних былин, словно своих было мало).

А ведь думать ему надо было о любви, только этих помыслов и в помине не было,

А Василек тем временем тихо выбрался из дворца, желая только того, чтобы его не заметила ни одна живая душа. И отправился он в простую избу на конец града их, чтобы навестить ту, которая была брошена его братом. Он отправился к Василисе, не думая о своей безопасности, что по пути он может наткнуться на дурных людей. Нет, он думал только о той несчастной, которая наверняка теперь рыдала и не находила себе места.

Избу эту он нашел безошибочно, потому что часто туда заходил его брат, и он был где-то поблизости.

Однажды он и сам познакомился с Василисой, заставив воеводу Даниила к ней отвести.

Перед ним стояла стройная голубоглазая девица-красавица, в которую нельзя было не влюбиться.

Нет, она не рыдала, Василек ошибся, она улыбалась и радовалась тому ли, что князь женился, или тому, что младший брат к ней все-таки заглянул, вспомнил.

Она была бы верной, хорошей женой, но этому никогда не суждено было сбыться.

Василек ничего не стал ей говорить, но он понимал, что тот никогда больше тут не появится, и, встретив ее случайно, сделает вид, что они никогда не были знакомы.

Таким уродился князь Даниил, его не переделать.

Она же будет ждать и верить до самой старости, и надо будет ему позаботиться о том, чтобы выдать ее замуж за одного из воинов, и позволить жить спокойно.

Наверное, были у брата и другие возлюбленные, но он видел только Василису, и не собирался оставлять ее в покое. Не так он был настроен.

Только на прощание, он сказал о том, что князь нынче женился, если она вдруг не знает, то не хотелось бы, чтобы это сказал ей кто-то чужой, далекий.

Самого Даниила такие мелочи не беспокоили, он слишком много дел делал разом, чтобы заботиться о брошенной девице.

- Это дурные вести, - говорил он

Она отвернулась и пожала плечами, словно говоря о том, что и не надеялась на чудо. Но, наверное, все-таки надеялась в глубине души, теперь пусть позабудет те надежды навсегда.

- Даниил женился на дочери короля ляхов. Нам всем это очень нужно и выгодно.

- Да, - глухо повторила она, - мне приснился сон, я видела свадьбу и тебя тоже

- Не печалься, он не любит ее, и увидел в первый раз в жизни, а так нельзя полюбить.

-Стерпится, слюбится, - отвечала она.

С того вечера они больше не виделись. Василек винулся перед ней, Василиса куда-то пропала бесследно.

Но в один из летних дней он решил, что должен все-таки к ней отправиться, побывать там, надо на нее взглянуть и напомнить брату, что он поступает не очень хорошо.

Они быстро встретились, она странно побледнела, шагнула к нему навстречу. Посмотрела с такой мучительной усмешкой, что он готов был от нее отшатнуться.

- Это ты княже, я не поверила тогда, что это ты и все правда, - говорила она, словно бы еще и не было свадебного пира.

- Бабы говорят, что полька очень красивая, но он не пришел даже ко мне, чтобы проситься.

- Он гордый очень, и занят сильно, - говорил тихо Василек, словно рядом был покойник.

- Бездушен он и холоден, и не будет ему никогда счастья.

Она молча отвернулась.

Он хотел уйти, но что-то его все еще удерживало.

- Я женюсь на тебе, все будет ладно, я женюсь.

- Нет, мне не нужен ни ты, ни твоя жалость, я любила его всей душой, но он все растоптал, теперь мне никто больше не нужен.

Она вырвалась из дома и бросилась бежать прочь.

Василек почувствовал, что поступил он конечно глупо, но что теперь ему оставалось, когда все так странно складывалось?

- Я его младший брат, пусть пройдет какое-то время, и все наладится, я женюсь на ней, не надо оставлять ее, у меня нет никаких долгов, я смогу это сделать.

Но придется уехать в Волынь, она не сможет жить рядом с его женой.

Чувство вины смешалось с обидой за то, что простолюдинка его отвергла так просто.

Василиса рыдала, она не сомневалась, что это только порыв, Василек передумает жениться на ней рано или поздно. Зачем ему, если рядом столько девиц, кто и моложе и краше будут. Теперь, когда Даниил женат, он становится первым женихом, и не станет с ней возиться.

Но если бы было так, она бы никогда на это не согласилась, потому что ее сердце отдано навсегда другому, и быть рядом с его братом, это кошмар, она не переживет такого.

И вдруг, словно черная тень ее обняла, да так, что она вздрогнула всем телом, а так и не поняла, что это было такое.

Ей показалось, что сам князь Даниил к ней внезапно явился, но в комнате никого видимого не было.

- Я напомню ему о себе, - решила Василиса, он не сможет забыть меня, никогда не родится его ребенок, которого я пока еще ношу под сердцем.

Она рванулась в лес к озеру, боялась, что передумает и не доберется туда. Но надо все сделать теперь, нет, и не может быть у нее места в этом мире.

Потом, она никак не могла понять, как там оказалась вдруг, на миг остановившись.

Ветер швырнул ее в воду, она не стала противиться этому порыву. Значит так угодно богу, и ад ей не страшен.

Она чувствовала, как холодна вода, потому шла все быстрее. Нет, она не может остановиться и повернуть назад

- Все напрасно, он никогда не узнает, он даже не вспомнит о том, - шептала растерянно девица.

Когда из-за туч выглянула луна, она готова была вернуться назад, но и тогда не сделала этого.

- Ну и пусть, - последнее, что подумала княжеская возлюбленная, погружаясь в черную воду.

ГЛАВА 15 КРОВАВЫЙ ПИР

Василек не сказал о том, что на следующее утро князь назначил пир в честь первого месяца после свадьбы.

Приехал король, и он должен был показать, что все у них тут распрекрасно, надо было уделить внимание жене.

Даниил чувствовал вину перед отцом своей жены. Ведь Марианна оказалась только жертвой произвола, а он не должен был с ней так поступать.

Еще что-то непонятное заставило его затеять этот пир.

В тот день и люди ни во что не верившие, заговорили о странном происшествии в разгар пира.

Сначала все смотрели на прекрасную княгиню, на ее отца, недавнего их врага и нового родича. Казалось, что ничто не предвещало беды.

Но вдруг какая-то тень набежала на ослепительное солнце, и все замерли вокруг.

Тень закружилась над ними. Кто-то стал креститься. Говорили, что это Василиса, возлюбленная князя, к ним пожаловала.

Но почему она так странно появилась?

Ведь, все, кто были на пиру, еще не знали и не ведали о страшной беде, случившейся накануне ночью.

Но по тому, как побледнел Даниил, многие поняли, что видно он узнал ее, но вел себя спокойно, уверенный, что ничего она сделать не сможет.

Только вдруг раздался странный и пронзительный смех, перепугавший многих.

Князь поднялся, и рванул кубок с вином от стола.

Василиса бросилась к княгине, упавшей в обморок. Король подхватил ее на руки и понес в покои.

Даниил тоже отправился за женой.

Но она уже открыла глаза, увидев и отца и мужа рядом.

- Что это было? - спросила перепуганная княгиня.

- Не ведаю, какой-то кошмар, - это кто-то из покойниц мне напоминает о чем-то, знак посылает.

Он чувствовал, что страдает та, которая вообще ни в чем не виновата.

Князь с той минуты сделался нежнее и добрее. Чудовище разбудило его от тягостного сна. Но Даниил оставался занятым и чужим, потому что слишком мало было у него времени и сил на нее, столько дел вокруг.

Страхи потихоньку улеглись. Василек в тот день тоже незаметно исчез, а когда он вернулся во дворец, то все успокоилось, Даниил ни о чем его не

спрашивал, но по лицу его понял, что с Василисой случилось что-то ужасною, недаром же она тревожила их

- Она утопла утром в лесном озере, холопки нашли ее тело, - сквозь зубы произнес он.

Даниил посмотрел на него, но ничего больше говорить не стал, даже не стал спрашивать, откуда его брат знает про Василису, ведь об этой девице они ни разу не говорили.

Даже Даниил не мог порой понять, чем живет его младший брат, что творится в его душе. А что говорить о той девице, с которой он был близок.

Зачем она это сделала? Чего хотела добиться таким своим шагом. Ведь он никогда не обещал жениться, он вообще ничего и никогда ей не обещал. Нет, это про Олега Вещего красивые сказки рассказывали, не станет он ходить на то озеро, забросив все свои дела, и жену молодую бросать тоже не собирался из-за какой-то обиженной девицы, и никому не позволит вмешиваться в его жизни и требовать от него чего-то.

Лучше пусть его жестоким и бессердечным, чем слабаком считают. Бросаться в то самое болото и оставаться с ней, да что же это за глупости такие?

Хотя Даниил и видел, что Василек его осуждает, но ничего объяснять не стал и говорить с ним о том не хотел.

Может быть потом, в старости, он и вспомнит обо всем, а пока некогда было о том думать. Пусть весь мир его чудовищем считает, он будет делать то, что хочет и то, что нужно.

№№№№№№№№

Служанка после расспросов княгини не удержалась и рассказала ей про девицу Василису, которая накануне пира утонула в лесном озере.

- Это она являлась на пир, поганка такая, хотела напомнить о себе князю нашему, потому что считала его во всем виноватым.

Княгиня слушала молча.

Трудно было понять, что было у нее на душе.

- Странный мир, - размышляла Марианна, - сколько говорили о суровых и беспощадных ее князьях, о безрассудных наложницах, но все повторяется снова. Зачем она так поступила с собой, ведь ему нет дела до ее жизни и смерти. Только власть свою и Галич свой любит Даниил, ради него на все он готов и никому никогда не отдаст, а мы только игрушки в его руках, я продержусь дольше, потому что от меня больше выгоды для него, чем от этой несчастной.

Но почему у меня оказался такой муж, если я всегда хотела любить и быть любимой?

Когда в ту ночь Даниил пришел к ней, она так страстно его обняла, так к нему прижалась, что он невольно отстранился, не понимая, почему жена так себя ведет.

- Я никогда такого не сотворю, чтобы бы ни случилось.

Князь промолчал, решил не выдавать свои чувства.

Даниил вздрогнул, проснувшись среди ночи, В комнате светила луна, выбравшись из-за тяжелых черных туч..

На этой лунной дорожке и стояла дева в белом. Какая боль и страдание были на ее лице. Хорошо, что Марианна крепко спала и ничего не чувствовала.

За ней сияло распятие, которое привезла с собой княгиня.

Значит и он тоже принес в жертву свою любимую, даже не задумываясь о том, что там может быть.

С трудом оторвав взгляд от призрака, Даниил взглянул на спящую жену еще раз, только бы она не пробудилась. Он ее красоту заметил и по-настоящему оценил, вспомнил, как она клялась в верности, и понял, что она у него самая лучшая.

Но луна исчезла, мрак опустился на город, больше ничего не было видно.

ГЛАВА 16 РАССКАЗЫ О БАТЫЕ

Странное происходило в те дни, утром пришел к князю без зову монах.

Остановился он в гридне прямо перед тронном княжеским.

Даниил взглянул на него почти сурово, не понимая, что от него ждать можно. Слишком далеко он стоял все это время от того бога.

- Измучился ты, княже, - заговорил вдруг монах, худощавый, высокий старик с огромной белой бородой.

- Да, нет мне покоя, особенно как Киев узрел, видно, никогда уже не будет, что же за зверь такой лютый этот щенок Чингисхана? Зачем он к нам послан был? Ведь не слабы были и Рязань и Киев, но что с ними теперь стало? А мы сидим в своих норах и с ужасом ждем его явления. Наверно, это сам дьявол пожаловал. Плохо вы молились, если такое переживать приходится.

- Но давно ли вы все про бога вспомнили? Он ждал сильно долго, теперь и вам ждать придется.

Ничего не ответил ему Даниил, потому что мысли его были мрачнее монаховых. Думал он о том, что Перун на них новые испытания шлет, если про кого они все и забыли, так про богов своих отцов.

Он долго ждал нас и не дождался, потому и нашел Батыя, хотел татарскими полчищами испытать.

- Хорошее ты оправдание нашел, - усмехнулся Монах

Он почувствовал, что ничего не изменилось, как и первые князья, Даниил считал его бога чужим. Как за последнюю соломинку, хватаются они за своего воинственного бога, ведь с ним они побеждали чаще и жили лучше, этого не отнять.

Перун неистребим, он будет засыпать и просыпаться снова, они не оставят его и он не расстанется с ними никогда, правда и то, что не уберезет их бог от новой беды.

- Да, появится страшный антихрист, нехристь, которая с жадностью взирает на славянские земли. Батыем они его называют, он с бесчисленным своим войском подбирается и все выжигает, сметает на своем пути, а человек он или дьявол, кому ведомо. Это еще надо узнать, потому что встречи с ними все равно не избежать. Но как об этом жене его прекрасной рассказать, да и нужно ли рассказывать? Может лучше, если она вообще ничего знать не будет, потому что мужам надо о сражениях новых думать, а им сыновей рожать. Говорят, сыновья к большим битвам рождаются, вот и теперь о том говорят старухи, что много мальчигом на свет появилось, значит и битвам быть.

Но Василек уже рассказывал Марианне о Батые. Он не собирался ничего скрывать, но хотел брата как-то оправдать, показать, что не так Даниил суров и страшен, как кажется сначала.

- В грозное время бог тебя на нашу землю привел, может, лучше было бы тебе у ляхов оставаться, там спокойнее.

Но возмутилась княгиня.

- Нет, я хочу быть с Даниилом тут и пережить все, что придется нам вместе, что будет то и будет.

Он улыбнулся и снова пожалел о том, что князь ее вовсе не ценит, а она ведь так мужественна и отважна, о такой жене можно только мечтать.

№№№№№№№№№№

Бес снова услышал о Батые. Странно, что только сейчас, как долго он носился с князьями русичей, даже не взглянул в сторону татарского хана, а ему надо было знать каков тот, чтобы с ним бороться.

В один миг оказался он в татарском стане, и сразу же заметил, что было их видимо-невидимо. Тогда и побрел он туда, сам не знал куда, чтобы посмотреть, что же там творится.

Он видел то там, то тут маленьких яростных людей. Не вникал в разговоры, да и не понимал, что они там говорят, но шкурой чувствовал, что все они нетерпеливы и злы, всем хочется рвануться куда-то вперед и оказаться в мире славян, они говорили о славянских женах и делили тех, кого еще не успели захватить.

И от того зла, которое оставалось в воздухе стало неуютно и горько даже ему самому.

В ханском шатре горел огонь, непонятно как там появившийся, неужели они внутри костер развели, таким сильным он казался.

Бесу захотелось взглянуть на Батю.

Каким же молодым показался ему в мерцании огня этот хан. Но сколько спеси и агрессии было в нем во всем. Он готовился покорить мир, и ничто кроме смерти внезапной, не смогло бы его остановить.

Этот уничтожит чужих и не пожалеет своих, - думал бес.

Бесу хотелось помочь русичам, особенно любимцам. Но он чувствовал, что не сможет это сделать.

Он разозлился и опрокинул пиалу с кумысом, махнув копытом.

Яростно свернули глаза хана, он почувствовал присутствие чужака, и понимал, что не сможет с ним бороться, о духах русичей он давно был наслышан.

На ковре осталось пятно.

Словно хищник, князь озирался по сторонам.

Бесу даже показалось, что от ярости он его все-таки узрел, но потом он понял, что ошибся. Но все-таки выскользнул, чтобы не оставаться там.

А уже по дороге он размышлял о том, что остановить можно печенегов, варягов, с этими так просто не справиться.

Было в татарах что-то этакое страшное и странное даже для него.

Силенок его, а тем более княжеских, если бы даже князья собрались все вместе, для этого никак не хватит, можно не надеяться.

Придется примириться с рабством, копить силы не одно столетий, прежде, чем они смогут справиться с этой татарской лавиной.

А может они появились, чтобы погибла одна народность и появилась другая? Не бывать этому, он сохранит славянских князей, даже если с целым миром схватиться придется.

Бес привык побеждать и теперь проигрывать не собирался. Это его мир, где он поселился навсегда, отступить и сдаваться он не собирался.

Для него с начала до конца все было ясно и понятно в тот момент.

- Схватка с Батыем – это первое развлечение, а сколько их еще будет впереди.

ГЛАВА 17 ТЕНЬ ОТЦА

Пока бес прогуливался по татарскому стану, навещал Батыя, проказничал в его шатре, князь Даниил спал. Но странный это был сон. То ему казалось, что оторвался он от земли и в небеса поднялся, то кубарем полетел вниз, зацепился за что-то и все-таки летел.

Так жутко стало, что застонал князь, понял, что должен пробудиться, но никак не мог проснуться.

Наконец он пробудился, исчезло чувство, словно он провалился в пропасть. Но увидел не покои свои, а словно бы стоял он у какой-то горы, и пронзительный ветер готов был разорвать его на части. Захотелось закутаться в плащ и уйти оттуда скорее. Только не двигался он с места, хотел и не смог сдвинуться.

Вот из-за горы и шагнул к нему отец. И стоял он теперь перед ним, не шевелясь.

- Теперь ты ко мне пришел, - повторил князь Роман, заслоняясь рукой от ветра, отец показался такими же молодым и сильным, как и сам Даниил.

- Все знаю, обо всем ведаю, - заявил он вдруг, - появилась у нас Василиса, все она и рассказала. Бог даст тебе настоящую любовь, вместо потерянной. А потому не печалься о ней, все в руках Всевышнего. Но много горести и страданий еще будет в жизни. И мне тут не спокойно из-за прошлого, но пока ты тут и дети, и внуки мучиться будут. Вот и нам тут всем тягостно оставаться, а делать нечего.

Никому таких мук не пожелаешь, да деваться от них все одно некуда. Но одно утешает, когда настанет ваш с Александром час, совсем по-другому вас встретят..

- Александра, значит и там ведомо о том, что мы тут соперничаем во всем.

Он помолчал немного, словно решая, спрашивать или нет, и все-таки спросил:

-Но почему вы не можете объединиться, почему князь Игорь в одиночестве тогда оставался?

- Мне тоже интересно было бы это знать, как до такого все могло докатиться. Да что вернешь из сотворенного? Вот и остается бродить по

земле, словно теням неприкаянным, любоваться на то, что совершить успели, чего уже не поправить.

Да, еще сказать тебе хотел, бес на твоей стороне, хотя непостоянный он и коварный, но и тебя, и Александра полюбил, так как нас с Ярославом никогда не почитал, не стоит его опасаться, не враг он вам. Многие до вас и звали его и уговаривали, но не приходил он к ним, а вот с вами остается, это хоть какое-то утешение.

Но многое не то и не так видится, а потому потом и правда неправдой представиться может. Но если вам хоть что-то поправить удастся, то и ладно.

Даниил опомнился, хотел еще раз на отца взглянуть, что-то спросить, но его там уже не было близко.

Снова стоял он один на ветру, кажется, до костей его пронзил ветер. И захотелось князю пробудиться. Очнулся он от всех этих видений, но так и не мог он разобраться, что это такое было на самом деле.

Но как только пробудился он, так и узрел Василису, стояла она на том ветру обнаженная, молча на него взирала:

- Не преследуй меня лучше, - встрепенулся князь, - ты сама все это сотворила, я ни в чем не виноват.

Так сурово на нее взглянул князь, что она смутилась и растворилась где-то. Она не сможет окрутить его душу паутиной вины, пусть оставит его в покое. Отец обещал, что на место той придет настоящая любовь. Почувствовал Даниил, что совсем он окоченел на ветру.

А когда, наконец, открыл глаза, очнулся, то увидел, что окно распахнуто, оттуда дует морозный ветер.

- Что это такое, кто тут был, что творилось, пока я спал?

Хорошо то, что бес будет ему помогать, в том он не сомневался теперь, он никогда не будет в одиночестве, это хорошая весть. А если он сможет объединить хотя бы нескольких князей. Но не упущено ли время. Рязань разбита, Ярослав без дружины остался, а остальные, у кого еще что-то осталось, разве пойдут они оборонять чужие уделы?

Разве сам он оставит Галич, чтобы защитить своих соседей? А те, кто уже столкнулись с Батыем, говорят, что немерено у него воинов, и девицы их, как мужи сражаются.

Там, на дворе было прохладно. Даниил накинул плащ и вышел туда, воздухом подышать. Темно показалось ему в стенах дворца.

Он отошел к дубу, оглянулся, заметил, что в комнатах Василька горит свет. Видно, не один он там, может каких девиц пригласил?

Его младший брат не так прост, как кажется, у него всегда были свои тайны. Много чего он знает, да не все говорит. Но больше всего нравится ему летописи листать, да самому что-то там записывать.

Еще час бродил Даниил по саду, понимая, что в такую ночь не сможет заснуть, мечтал о времени, когда в душе не будет такого тяжелого груза, а Батый с воинством стинет.

Он видел своих сыновей, сильных и красивых, и верил, что сможет спокойно умереть, не надо будет ему метаться в этом мире после ухода и стараться что-то объяснить и поправить.

От таких мыслей на душе потеплело, только оставались они несбыточными.

И словно пытаюсь поддержать разговор, зазвучал рядом голос:

- Много еще будет бед и страданий, очень много, целой жизни не хватит, чтобы со всем справиться.

Ему хотелось повернуть к дворцу, но увидел он, как странно все переменялось.

Ночная тьма сменилась рассветом, мир преобразился. Наступило новое утро. Так было и будет, даже если его Галич, а не только он сам будут стерты с лица земли, ночь все равно будет сменяться рассветом.

Не переведутся славяне в этом мире, они были и будут всегда.

Он направился к себе, не стал ждать, пока наступит свет окончательно.

Только в покоях брата все еще кто-то разговаривал, там слышались мужские голоса, значит, не с девицами он время проводил.

Но Даниил решил не вмешиваться, отправился к себе. Но почему так тяжело было у него на душе?

ГЛАВА 18 НОЧНАЯ БЕСЕДА

В ту ночь в комнате Василька собрались его друзья и советники, которые наверняка были близкими ему людьми.

К их советам часто прислушивался, хотя слепо им никогда не следовал. Они говорили о том, что случилось в последнее время, о Батые, имя татарского молодого хана было у всех на устах.

Пытались понять, что делать Даниилу, да и им всем, после того, когда стали там такие дела твориться.

Эти люди понимали, что беда может обрушиться на них в любой момент и вот тогда.

Но воеводы странно присмирели, словно какой-то колдун дурман на них напустил.

А может страшная опасность и была тем самым дурманом?

- Дура баба, - резко заявил Федор, - он хотел рассказать всем о выходке Василисы, - и чего она хотела, чего добрилась? Думала, что князь к ней переменится, да не бывать этому, никогда не бывать.

- А может ей тошно стало, вот и решила уйти в мир духов и теней, - перебил его кто-то, кого трудно было разглядеть в толпе сидящих в покоех.

От выпитого пива языки их развязывались, они становились вольнее и смелее.

- Да как смеет она себя жизни лишать, кто дал ей жизнь, тот и забрать ее должен. Мне еще дед говорил, что все беды от баб идут. Как славно было бы, если бы без них обходились.

Все замолчали, и те, кто с ним соглашался, и те, кто были не согласны. И все-таки обидно, что Даниил женился на чужой девице, а славянка из-за него жизни лишилась. Они никак не могли оправдать этого. Вот и хотелось, чтобы Василек побольше на брата влиял.

Но Даниил не потерпит их вмешательства, в том тоже не было сомнений, хотя и молод, но больно горяч оказался.

Василек встал с кресла и подошел к окну, вглядываясь во тьму. Во тьме он сразу заметил алый плащ брата. Значит, не только ему не спится в такую ночь, Даниил тоже заснуть никак не может. Хорошо, если он заглянет к ним.

Но Василек только усмехнулся - напрасные надежды, князь не пойдет к ним, он останется один и теперь, и после, ни с кем своей властью делиться не станет, потому что таким уродился.

Он почти не помнил отца, жутко боялся князя Романа, пока тот был жив. Но отец всегда оглядывался на бояр, хотя потом поступал так, как ему того хотелось.

Даниил не перенял эту хитрость, и теперь все было только для него одного.

Василек отвернулся от окна к своим сотрапезникам, они о чем-то громко спорили, не заметив, что княжич их не видит и не слышит.

Но вдруг спор оборвался, они смолкли. Он не стал допытываться, что с ними случилось, если захотят, то все сами поведают, а если нет, то не добиться все равно.

Он никого не станет пытаться, когда меньше знаешь, то крепче спишь.

А Даниил, кажется и не чувствовал той опасности, которая на него обрушилась.

Сначала говорили о Батые, о его последних набегах на земли славянские.

- Да что нужно этому безумному хану, разве можно все богатства в мире захватить, да и зачем они ему нужны все.

- Власть над миром- заманчивая штука. Они одни хотят остаться, когда со света нас всех сживут.

- Он молод, только крушить все и умеет, - говорил кто-то, думая о своем.

Василек ничего пока не успел сказать, он просто думал о том, что добрый и спокойный Федор как-то вдруг преобразился. Будто сам бес в него вселился.

А между тем, гости поднялись, чтобы уходить - начало светать, а они еще не ложились спать.

Но что принесет с собой новый день, каким он будет, не станет ли последним безоблачным мирным днем?

Наверное, на этот вопрос мог ответить только хан Батый, да вот спрашивать у него явно никому не хотелось.

Славяне оставались в какой-то дикой тревоге, ожидание длилось.

№№№№№№№№№№

Впервые за много лет Мессир потребовал его к себе, Мефи отряхнулся от глубокого и приятного сна. По дороге он стал гадать, что там такое могло случиться, но ничего придумать так и не смог.

- Все успокоиться не можешь? - вдруг поинтересовался тот, - татары тебе понадобились, чтобы своих князей испытать на прочность?

Стало понятно, что заинтересовало его путешествие к Батыю.

- Ну и что ты там выяснил?

Мефи старался понять, не стоит ли Мессир за спиной у татарина. Эта мысль возникала у него и прежде, но он старался гнать ее от себя.

Все беды случались потому, что ему не удавалось угадать мысли мессира.

- Не ведаю, пока этот татарин непобедим, и худо нам всем придется, когда с ним столкнутся Даниил или Александр.

-Так ты по-прежнему с ними остаешься?

- Да я с князьями, - бес был серьезен, как никогда прежде не бывал.

- Но ты сам знаешь, что они проиграют, так зачем тогда?

- Пока этого не случилось, может и потом не случиться.

Бес подозревал, что они могут оказаться по разные стороны в этом сражении, тогда ему придется поплатиться за строптивость.

Бес удалился, вроде больше говорить было не о чем. Но ему хотелось знать, помогает ли тот Батыю, или нет. И кто вообще стоит у того за спиной.

Но из-за кого он так зол, почему волком смотрит.

А что если он не в силах Батыя остановить, потому и злится, столкнувшись с его грозным богом.

ГЛАВА 19 ОДИНОЧЕСТВО

После той ночной прогулки и странного сна, решил Даниил собрать всех воевод и князей, которые были с ним близки, да и посоветоваться с ним, как им быть дальше. Пусть не выйдет ничего, но что-то нужно делать, с чего-то нужно начинать.

Колебания сменились уверенностью, но помня об Игоре, о Слове его, все еще где-то в тайных списках гулявшем, Даниил решил ему следовать, отправить гонцов во все княжества, которые еще были где-то рядом. А потом он стал ждать.

Василек был уверен, что ничего из этой затеи не выйдет, но голоса не подал, только отметил в летописи своей, что воины Даниила отправились к князьям-соседям, чтобы они объединились против татар.

Когда с дурными вестями вернулся первый гонец, князь только усмехнулся: Владимирский князь, как и предки его, всегда строптивыми были.

Но за ним последовали и другие.

И тогда ощутил он какую-то странную слабость, беспомощность, неужели им проще было умереть, раздавленными Батыем, чем всем вместе воевать?

Ведь не настолько они глупы, понимают, что не смогут устоять в одиночку против такой силищи.

Даниил мог сказать, что он сделал все, что мог.

И вдруг в гридне появлялась княгиня, хотя он не ждал и не звал ее сюда.

- Ты устал, - услышал он ее голос, - ничего, отец не оставит нас, и воины у него сильны, помогут.

Даниил поднялся и отошел к окну.

Он не казался слабым, знал, что может рассчитывать на венгерского короля. Да и жена не предаст его как простая наложница, она будет рядом до конца. Прав был отец, когда говорил, что большая любовь ему будет дарована. Он благодарил небеса за то, что все так складывалось. Но отвечал он совсем другое:

- Я не хотел тебя в это впутывать, просто так получилось.

- Я твоя жена, и все будет вместе, мне не страшно с тобой.

Она пошла прочь, чтобы не смущать князя.

Она не лгала, она так думала и чувствовала.

Но что-то произошло в душе князя в тот момент, он еще меньше стал доверять своим союзникам, все время ждал от них какого-то подвоха, а вот

княгиня сделалась самым близким и родным человеком, в тот момент они стали одним целым.

№№№№№№№№

Русалка все чаще выходила на берег озера в полночь, подолгу там оставалась, иногда до самого рассвета.

Она вглядывалась в туман, прислушивалась к каждому шороху, она ждала долго и не теряла надежды.

Она знала ту историю от героя, от ее подруг, и надеялась на ее продолжение. Ей говорили, что уже после ухода из мира Олег был прощен, и один раз в году им дарована встреча, в том самом месте, на берегу озера ровно в полночь. И сколько бы времени не прошло, они ждут этой встречи. Она хотела такой же дивной лунной истории на века. Пусть Даниил так же помнит о ней на том и этом свете, спешит на берег.

Но однажды она подслушала разговор двух молодых людей, появившихся на берегу среди ночи.

Конечно, это были влюбленные. Они укрылись тут от посторонних глаз.

Но русалка давно устала слушать глупые откровения, разозлилась, что им говорить больше не о чем, только восторгаться друг другом. Но на этот раз было что-то интересное, ей хотелось узнать какие-то новости.

- Даниила, наконец, вразумил Всевышний, он на жену посмотрел по-другому..

- Вот хорошо-то, - отвечала парню. Девушка, - она такая красивая и такая печальная.

- Она во всем его поддерживает. Понимает лучше, чем все его льстивые воеводы, которые только о себе и пекутся.

- Я так долго за нее молилась, - говорила девушка, - только она и достойна его любви.

Тут они замолчали и прислушались к плеску воды. Девушка вздрогнула и отпрянула от парня, исчезла где-то в лесу.

Русалка же металась по морскому дну и повторяла:

- Это не правда, - твердили сразу несколько голосов ее подруг, - об этом все говорят, мы просто скрывали это от тебя.

Она разозлилась пуще прежнего, отплыла от них подальше, укрылась в самых дальних камышах, чтобы никто не видел и не слышал. И стала думать, что ей делать дальше, как поступить.

Неужели все зря и напрасно? Он не просто женился на ней из-за необходимости, но еще и любит ее всей душой?

Как такое было перенести бедняжке? Она втайне верила, что все будет не так, но теперь надежда таяла, и хотелось просто все и все позабыть навсегда.

- Ей не на что надеяться, - тем временем верещала счастливая соперница, никто не сможет заставить полюбить, если любви не было с самого начала, то где же она хотела ее взять?

Но ее никто из подружек не поддержал, так как у каждой была своя печальная история, и вспоминать о ней не хотелось.

№№№№№№№№

Даниил же был занят тем, что встречал двух князей-соседей. Они были так же молоды и сильны, как и он сам, и потому считал их Даниил достойными соперниками.

- Значит не все против, у него есть и сторонники, - размышлял бес.

От этого стало немного легче на душе:

-Ну что же, будем сражаться, - спокойно отвечал Даниил.

К ужину появился невесть откуда взявшийся Старик, тот помнил еще и Рюрика и Всеволода, и его отца князя Романа, говорил даже, что помнил их молодыми да сильными.

На Даниила он посмотрел внимательно, словно хотел что-то разглядеть. И решил, что тот если и попадет в ад, то не страшен тот ад для него окажется, потому, как каждый из них сначала ад в душе творит, а каким создаст, в таком позднее и останется.

-Ты хотел добра, Всевышний видел это, а то, что не пошли они за тобой, так не твоя в том вина, сами пусть на себя и пеняют, за это с каждого и спросится.

Даниил вроде бы и соглашался с ним, но как-то нечем ему было утешиться.

-Мне еще и на земле сделать надо немало, - вдруг произнес он.

- Сделаешь, кто б сомневался, - согласился старик.

Кажется, Незнакомец выжил из ума, но если вдуматься в его слова, то говорил он какие-то пророческие вещи, успокоил князя, стало немного легче. Но пока не спал в отчаяние, все поправимо. Да и Игорь из плена сбежать сумел, снова поднялся на борьбу, а он еще не пережил такое страшное унижение.

Даниил странно переменился, стал другим. Теперь он был похож на того далекого, которого она увидела когда-то в первый раз еще в королевском замке и с тех пор не могла забыть.

Но о тех событиях князь ничего не ведал.

ГЛАВА 20 СНОВА ВЕСТИ О БАТЫЕ

Все, что пока русичи знали о грозном татарском хане, было только жуткими слухами. Но теперь в Галиче появился князь Юрий, вернувшийся из орды. Даниил тут же отправился к нему, отложив все дела. Он чувствовал, что должен услышать самое важное.

До этого они встречались только однажды, но Даниил сразу заметил, как переменялся князь, огонь опалил его русые кудри, а во взгляде застыла невыносимая боль.

Ничего не боялся Даниил, а вот спросить о том не решился.

Но молчание затянулось, а надо было что-то говорить.

- И что за вести ты нам привез, уж говори, не тяни, - услышали они голос Даниила.

Юрий знал, что услышать от него Даниил хочет.

- Нечем мне утешить тебя, страшная, несокрушимая сила это, ничего мы с ней сделать не сможем, верно говорю.

- Тебе лучше знать, - пробурчал Даниил, меньше всего ему такое услышать хотелось, только он привык смотреть правде в глаза прямо, и отвыкать не собирался.

- Да, я там был, и не хочу вам рассказывать, потому что нет тех слов, которые кошмар этот поведают.

- Я видел Киев после Батыева набега, - отвечал Даниил.

- Ты видел лишь то, что они оставили там, а я их самих видел, как заяц трусливо бежал оттуда, оглядывался, даже когда за мной никто не гнался. Татары хитры и коварны, никого из наших они не признают и никогда не признают, им что дружинник, что князь - все равно чужие.

- А я думал, что ты хоть чем-то порадуешь, - тяжело вздохнул Даниил, - что же делать, если придутся против них двинуться?

- Только на поклон идти, - заявил Юрий.

Это было то, о чем князь даже думать не хотел. Но как Юрий может так спокойно о том говорить, будто на охоту отправиться предлагает.

- На поклон, но не ты ли говорил о том, что Батый не жалует нас, хуже, чем с собаками обращается?

- Это так, - согласился Юрий, - но другим удалось договориться с ним, Александр Ярославич и братья его были там, кажется, довольны остались.

- Снова Александр, недаром мне монах говорил, что с него, как с гуся вода, там, где любой из нас в болоте увязнет, он не горит и не тонет.

- Говорят, его Батый с почестями великими принимал, даже богам своим поклоняться не заставлял, а для меня это непосильным грузом

оказалось, - он отошел немного в тень, и такая боль, такая обида на лице его отразилась, что невыносимо было Дмитрию на него смотреть.

- Но тебе есть за что на поклон к Батыю идти, ты должен удел свой сохранить и сыновьям своим оставить, - заговорил он снова.

- Это так, - согласился Даниил, хотя он еще не принял такого решения, и даже понять не мог, примет ли. Он даже представить не мог, как это тяжело, почти невыносимо.

Он уже клял ту силу, которая привела к нему Юрия и заставила вслух произнести такое решение, ведь сам бы он шел к нему значительно дольше. И оставался он в то время в страшном замешательстве.

- Так что же сам Батый, каков он? – передохнув немного, снова стал спрашивать князь.

- Да что ж Батый, Александр говорит, что с ним можно договориться, он интересуется русичами, славянок любит, до лести падок, подарки дорогие принимает с усмешкой. Получишь язык на княжение, и горя знать не будешь. Богатств и наложниц у него несчетное число.

Так они и беседовали, то ли князь Юрий, то ли бес искуститель теперь говорили обо всем.

- Да полно князь, мне к хану на поклон отправляться, не бывать этому, в страшном сне приснится такое, и то не проснешься, - снова заговорил Даниил.

Кажется, он спорил сам с собой.

- А что еще тебе остается, как и всем нам? Ты знаешь какой-то иной путь к спасению? Смерть с схватке с ним может от унижения тебя и избавит, но что ты от этого получишь? Рай небесный? А не о земле и о Галиче тебе перво-наперво думать надо? Так ведь и русичи исчезнут, одни татары тогда и останутся.

Это было так, но как странно говорил Юрий, - Даниил не сводил с него глаз, слушал, но словно смысл сказанного до него не доходил, словно вспоминал о ком-то дальнем, укрытом за туманом времен.

И словно желая убедить его, Юрий произнес:

- А разве не помнишь ты, как Мстислав Красивый с половцами дружил, и в сохранности земли его оставались, а наши предки не глупее нас были.

- Не глупее, - словно эхо повторил Даниил, - и сын Игорев на половчанке женился, только они были на равных, там таких бесчинств не бывало.

И после ухода Юрия противился Даниил. Но со временем он все больше убеждался, что тот прав.

Но он должен поискать. Выход всегда остается, он что-то придумает, чтобы не заискивать перед Батыем, но есть другой путь, он должен быть.

ГЛАВА 21 УСЛУГИ БЕСА

Как обычно, бес слышал этот разговор, он еще лучше Юрия понимал, что здесь Александр прав.

У Даниила тоже один путь – нужно отправиться на поклон к Батью, получить у хана ярлык на княжение. Чем раньше он это сделает, тем лучше для него..

Как только бес услышал о Мстиславе Красивом, так и решил его воскресить и к Даниилу привести, чтобы убедить князя в том, как ему поступать следует.

Все это с интересом проделав, он стал наблюдать за тем, что же получится дальше.

Мстислав тут же предстал перед молодым князем.

- Кто ты? - удивленно спросил Даниил.

Он никогда не видел его, и не мог даже предположить, кто же появился вдруг.

- Значит и бесу хочется отправить меня к Батью, они наверное, сговорились с Юрием.

Они и сам понимал, что рано или поздно ему придется туда отправиться, но никак не мог убедить себя в том.

- Говорят, Александр там был и живым вернулся назад, но ему уже пришлось драться и со шведами, и с немцами. Но это Александр, сам же он был совсем из другого теста и так быстро переключиться никак не мог.

Он немного забылся, а призрак все еще стоял рядом, понимал, что его ждут, на него оглядываются, потому и заговорил:

- Кажется мне, что страшнее моих времен ничего в мире этом не бывало, но теперь я знаю, что заблуждался, - говорил Мстислав, - многое хуже того, что было тогда. Мне жаль, что вместо жизни веселой и беззаботной, вместо забав молодецких, должен ты в том аду гореть не сторя. Но с этим мы ничего не вольны сделать, надо землю нашу и людей охранять, только после этого можно покинуть мир со спокойной душой, а там с тебя спросится.

- Но я должен себя сохранить, я не могу стать холопом Батья, - говорил упрямо Даниил, и кажется, он спорил сам с собой.

- Не сохранишь себя, если землю родную погубишь, - отвечал Мстислав, - если племя славянское исчезнет с лица земли.

Из своей неоглядной дали он был, конечно, прав, с этим невозможно спорить, и все-таки Даниил в глубине души противился тому, что говорил призрак, исполнять все это он не собирался.

- Я дружил с половцами, - усмехнулся Мстислав, может быть, договориться с ними – это не простой дар, но возможно. А в трусости меня никто не смог бы упрекнуть.

И увидел Даниил, что, правда там, где и не помышлял он, не хотел думать, правда, не на его стороне.

Тогда и вспомнилась легенда о чаше, которую воинственные и непримиримые братья его, а Мстислав получить сумел от хана. И не за подвиги тот получил ее, а за то, что с ханом был дружен.

Мстислав тоже о чаше подумал и решил, что рано или поздно все поймет Даниил и правильный путь выберет.

Решил спросить он у тени.

- Думаю, что вам там многое ведомо, скажи, дети, внуки ваши смогут вздохнуть спокойно, избавиться от кошмара.

- За днем ночь приходит. А потом снова будет день, и все будет в этом мире.

- Но сможем ли мы что-то сделать с Батыем, с теми, кто после него будет?

- Не скоро, но так будет, - отвечал Мстислав.

В тот момент очнулся Даниил.

- Дружба, - прошептал он задумчиво, - конечно, Мстислав с ними на равных был тогда, а мы только холопами их стать должны, как же так можно.

Таким растерянным и далеким Марианна давно не видела мужа, словно бы его и не было рядом.

И все-таки она решилась спросить:

-Ты хочешь воевать с татарами, княже?

Он взглянул на нее, дуто видел впервые, какие же зеленые у нее глаза.

- Нет, я решил на поклон к ним отправиться, уж если Александр не решился с ними воевать, то куда нам.

Они смотрели друг на друга, словно должны были принять важное решение.

Потом она обняла его и прижалась к его груди.

Он по - прежнему стоял неподвижно, глядя куда-то поверх голов. Но он никогда не был так близок к ней, как в тот момент, когда принималось такое решение.

И Даниилу стало немного легче. Она все поняла, все почувствовала, готова оставаться с ним вместе.

- Молодей, девчонка, - подумал радостно бес, внимательно за ними наблюдая, - она все сделала правильно.

Потом ему вспомнился напыщенный Батый, с которым он недавно познакомился, и ему стало немного грустно.

Даниил не знал, и знать не мог, что его там ждет в татарском стане, и лучше ему заранее ничего не ведать.

Бес все еще любовался княгиней, не мог оторвать от нее глаз.

ГЛАВА 22 СЫН

Но среди серых и тяжелых будней были и светлые минуты в жизни князя.

Когда однажды он вернулся с охоты, то узнал, что у него появился сын, наследник.

Это было самое радостное известие за последнее время.

Недавно и не думал, что так радоваться этому будет. Но когда старуха вынесла к нему навстречу этот сверток, то просияло от счастья лицо князя. Он как-то не думал, что все произойдет так скоро, а теперь никак не мог скрыть гордости, и уже с ребенком на руках отправился к княгине.

Она лежала в постели измученная, бледная, но счастливая. Вместе с радостью на лице ее была большая печаль.

А вот Даниил печалиться не собирался. Он гордился сыном, радовался тому, что у него уже есть продолжение.

- Сына будем звать Львом. Я не сгину до той поры, пока не построю для него город, а когда подарю его наследникам, тогда и отправлюсь к предкам. Княгиня верила ему, и все-таки тревоги не оставляли ее измученной души.

Но странным было то, что она могла бояться этого человека в первые дни их знакомства.

С сыном на руках вспомнил Даниил и свое детство, когда о татарах еще ничего не было слышно, а рассказывали им жрецы о древних князьях, подвигах их, тогда он и почувствовал себя властелином этого мира, и не было над ним никакой иной власти. Он вспомнил отца, молодого и красивого, князь Роман таким и остался в его памяти. Как он им гордился тогда.

Правда, потом матушка исчезла из дома, и он слышать не хотел о том, чтобы она вернулась, тогда черная кошка между ними и пробежала.

- Ты ничего не смыслишь в том, - говорил князь, я чувствовалась ярость, от него исходившая. А потом эта жена его, эта ведьма. Как он ненавидел ее за то, что она прогнала матушку и над отцом у нее была какая-то странная власть.

Когда она угрожала, что покинет его, он отвечал, значит, тебе не жить, или ты останешься со мной. Она поняла, что он это сделает, но совсем не испугалась, наверное, она вообще ничего не боялась. Она смотрела так

спокойно и дерзко, как никто и никогда до нее не решался. Но отчего это стало возможным, что такого она знала и как могла влиять на отца?

И вот теперь, когда у него на руках лежал собственный сын, он пообещал себе никогда не повторять ошибок отца. Он не хотел, чтобы из-за чужой женщины его сын отвернулся от него и стал любить меньше.

Он подарил Марианне перстень Мстислава Красивого, хранившийся еще у его деда, и никогда не веривший колдунам, он чувствовал чудесную силу этого перстня. Он видел, как она улыбнулась, глянув на древнюю вещицу.

- Что бы ни случилось со мной, он станет охранять тебя, - говорил князь.

Она прижала к груди эту вещицу, казалось, что реликвия была живым существом, камень мерцал каким-то таинственным светом, согревающим душу.

Она видела совсем иной мир, прекрасный город на берегу реки с замками и храмами. Даже когда их не будет на земле, город останется, он будет вечен, как и мир, который человек вынужден покинуть.

Те дни были самыми для них счастливыми, пока подрастал наследник, князь забыл о прошлых бедах и горестях. Ему казалось, что никаких татар не существует, они живут в прежнем мире. Но обман оказался недолгим. Все оборвалось, когда примчался гонец от соседей и сообщил, что их земли жгут люди Батыевы.

- Ничего не осталось, - твердил он, задыхаясь, - все стало прахом, все сравнили с землей. Хотя храбро бился князь, но он должен был отступить и сдаться на милость.

Слушая такие речи, сжимал невольно кулаки князь Дании, нет, нельзя было забывать о жуткой реальности, иначе, наследникам ничего не достанется, если даже останутся сами наследники.

Понимал Даниил, что ему придется принять решение. Ему нужно бороться и побеждать врагов лютых.

ГЛАВА 23 СНОВА ПТИЦА ФЕНИКС

Одна из птиц снова вспомнилась князю. И была это птица Феникс. Наверное, в том было что-то особенное.

Даниил не понимал, почему именно эта птица так врезалась ему в память. Но сейчас он и не заметил, как снова начал думать о сторевшей и вновь возродившейся птице.

Но почему я должен был к этому приблизиться? Умереть, чтобы снова возродиться. Надо умереть, чтобы воскреснуть? - весь день повторял он удивленно, словно хотел себя убедить в том.

Почему мне надо все это проходить снова и снова, разве я в чем-то виноват больше других?

Он не сомневался, что погибнет в стане Батые, ему не повезет так, как Александру, о котором все только и говорили тут. Юрий не случайно говорил о том, что жрецы-язычники их там пытали огнем.

И только в глубине души он понимал, что никто его не испугает. Он понимал, что все останется самым лучшим образом в его жизни.

В легендах о первых христианах, их пытали водой, теперь же пытаться станут огнем, так тому и быть, им некуда было от этого деться.

Но кому нужна такая жертва? Ведь говорят, что и внуки его из рабства не освободятся, тогда зачем все это?

Но если они будут сидеть, сложа руки, тогда вообще ничего в мире не случится.

Странные противоречия терзали душу. А теперь, когда у него появился сын, ему надо было что-то делать. Он должен был умереть и воскреснуть снова. Как же медленно он шел к этому прозрению, он понимал, что обречен, есть только один выход. Странно, а ведь недавно он был уверен, что выхода не было совсем.

Только одного не мог решить князь, когда ему туда отправляться. Хотелось ему отложить этот поход, пока это возможно. Но понимал он, что может оказаться поздно.

И что ему теперь делать, подниматься и двигаться дальше или все-таки остановиться?

№№№№№№№№№№№№

Но бес, в отличие от самого князя уже все знал заранее, потому он мог перевести дух и спокойно потирал ладони.

Главное сделано, Даниил смотрит туда, куда надо, он придет к правильному решению.

Значит, он потрудился не зря, хотя до конца не понимал, что еще придется пережить князю, в положение его никак не мог войти. Но чувствовал, что будет что-то очень неприятное, сокрушительное.

Но он не думал, что от этого нужно отступить, что поступает он неправильно.

А когда на него набросился Домовой, который давно следил за ним, тогда тот и расхохотался:

-Что ты с ним делаешь? - спросил он яростно. И в такое неистовство пришел, что готов был на него броситься.

Только потом он резко оттолкнул от себя Домового.

- Послушай, что ты от меня хочешь? Я делаю то, что должен.

- Я вижу, что ты творишь, не первый день тебя знаю, я не дам тебе погубить Даниила, не ты ли его к Батыю посылаешь?

- А почему я его погубить, а не спасти должен? –возмутился бес, -или тебе ведомо то, что случиться может? Ты долго живешь, только не мудрости, а маразма давно нажил, разве не так? Дальше своего носа ничего не зришь, мозги у тебя куриные, это точно, вот и не вмешивайся в происходящее.

Нет, ему не хотелось говорить с этим типом, который ничего не смыслил в том, что творилось вокруг.

Но ничего говорить и доказывать он не стал. Это и самому ему противно было сознавать.

А ведь за Домовым стояли еще и Банник и другие духи.

Но он не вникал, и исчез, кажется бесследно.

Но на самом деле опомнился он вовремя, и вовсе не собирался пропустить удачный момент.

ГЛАВА 24 ПОДАВЛЕНИЕ МЯТЕЖА

Не напрасно его разыскивал Банник, который любил подглядывать и подслушивать, и часто он сталкивал лбами одних и других. В отличие от беса, любимчиков у него никогда не было, ему доставляло удовольствие скандалы и противостояния.

Вот он и привязался к бесу, зная, что лучше, чем он, никто с этим не справится. Лучше, чем он никто в том не был заинтересован.

Он не знал того, что бес немного переменялся и теперь он на стороне одного из князей оказался.

Банник никогда Даниила среди иных не видел – на первый взгляд ничем он от них не отличался. Он был только чуть молчаливее остальных. Это бесило Банника, потому что ему труднее было узнать, что у того на уме. Он не утруждал себя извлечением людей, считал, что все они на одно лицо.

Мефи уже затесался среди бояр. Он не стал иного облика принимать, потому что собрались тут только приглашённые, а его туда позвать забыли. Оставалось ему превратиться в глаза и уши. Но не так просто было это сделать.

Он знал, что бояре беспокойны, но не думал, что они так взбунтовались.

Им казалось, что князь от них что-то скрывает. Они перестали с ним советоваться, ни о чем больше не говорили, считая, что он подвергает их страшной опасности.

Вот и гадали они, кто же выразит свое недоверие, кто решится все сказать суровому князю.

Им хотелось одного - избавиться от Даниила.

- Посмотрите, ему баба дороже стала своего мира и своего удела. Яки змея вторглась она в нашу жизнь, и теперь все погубит. Не думали они, что дочка короля ляхов может в оборот их взять.

- И ему, и ей не должно оставаться свободе, -решили они, глядя друг на друга.

Но бояре боялись, что может появиться кто-то, кто предаст их, а ведь они так долго готовились к этому шагу.

Нет, надо было обо всем сказать Даниилу, чтобы он примирился с тем, что творилось вокруг него.

Но только бес смущал многих, интересно, кого потом станут корить, когда заговор раскроется.

Через несколько минут он уже стоял перед князем, показывая ему все, что происходило в дальней зале, где мерцали только несколько тусклых свечей.

Даниил взглянул на него, кажется все еще не желая верить глазам.

- Ну и что ты на это скажешь? - спросил он решительно.

- Надо что-то предпринять, - говорил он рассеянно.

- Не завтра, а теперь ты должен там появиться, и все остановить, сколько тебя учить и предупреждать можно. Пусть твои соперники ломают головы, как ты борешься со своими боярами, но я это хорошо знаю и так.

Князь понимал, что главный его советник прав. Он тут же и направился туда. Не успели они даже остановиться, как он шагнул в хоромы, остановился посреди той комнаты, никто ни о чем не успел предупредить мятежников.

Им хотелось только скрыться, оправдаться, уйти от ответа.

Но как только он заговорил, стало понятно, что ничего от него не укроется.

Но они чувствовали, что никто не успел покинуть комнату, они все остались в ловушке, что же это колдовство, говорят, он с волхвами имел дело.

Да и некогда им было гадать, что там произошло, надо было шкуры свои спасать.

Даниил сам вел следствие и пытался понять, кто из них меньше, а кто больше повинен во всем.

- И вы туда же, мало мне Батья, так еще и вас не хватало, - твердил он упрямо., - прав был Игорь , не татарва нас погубит, а наши распри, безумные мятежи, сколько их еще будет на этом свете, страшно даже представить

И вдруг он словно на ходу решение принял. Многие заметили, как изменилось его лицо сразу:

-Посмотрим, кто из вас князем быть собрался, кажется, все оборвалось на самом интересном месте, - говорил он, усмехаясь.

Воцарилось молчание. Они и без него еще не решили этого. Но назвать князю имя того несчастного никак не могли и не хотели.

- Князя нет, это меня вы убрать решили за здорово живешь, - усмехнулся Даниил.

Все смотрели друг на друга.

- Не суетитесь, я к Батью должен отправиться, возможно не вернуться мне оттуда, вот тогда и станете власть делить . По тому, что сын мой еще слишком мал, не завидую тому, кто на моем месте окажется, тогда живые будут завидовать мертвым.

По последним словам поняли они, что не станет князь дальше разбираться с ними, никто пока не будет наказан, так почему же это их тогда не радовало. Пока оставалось затаиться и не высовываться. Потому что князь может переменить решение, а они все к смерти намного ближе стали, чем еще недавно было, она может наступить внезапно и поспешно.

Но хотя князь говорил о своей гибели, но они поняли, что он вернется назад, что ничего с ним у Батья не случится, и вот тогда.

Усмиряя этих сильных и строптивых людей, они чувствовали, какой сильный, могучий человек перед ними стоит. Он доказал им еще раз свое право на этот стол.

ГЛАВА 25 ПОХОД К БЕСЧЕСТИЮ

Ну вот, теперь, когда все было сказано, Даниилу ничего больше не оставалось, только отправится в путь.

Появилась уверенность, уничтожившая все страхи, решение было принято и отступить некуда.

Бес пред ним не появлялся, но радовался тому, что видел и слышал из своего укрытия. Он одновременно мог и досадить Батью, и как-то проявить себя. Ну и то, что князю придется не сладко, тоже его не огорчало, пусть привыкает к суровой действительности.

Каждый человек немало испытать должен, а князь особенно, а чтобы ничего страшного с ним не случилось, для этого он должен что-то предпринять.

Приготовления к походу закончились быстро. Даниил еще откладывал все это на день, но на рассвете они выступили в путь.

Казалось, что он с обрыва бросился в воду.

Княгиня взглянула на него и почувствовала все, что должно было свершиться, кровью обливалось ее сердце при мысли о том. То ей казалось, что она никогда больше его не узрит, то была уверена, что он вернется назад, но с ним может приключиться и что-то более страшное, чем смерть. От этого она снова теряла покой и сон. Нет, ее бог не может быть к ней так жесток, этого просто не может быть.

Она знала, что Даниила не остановить, да и не собиралась этого делать. Она слышала жуткие истории о бессердечии татар, о том, как они безжалостны к своим врагам.

Даниил тревожился, что в отличие от хитрого и прославленного Александра, он не пройдет, не сможет пройти всех этих испытаний, не сможет договориться с Батыем, тогда все и закончится кошмаром, ничто не спасет его от беды.

Бояре после такого решения немного присмирели, они понимали, что смерть князя ничего никому из них не даст, кроме новых бед и огорчений.

Но надо было скорее со всем этим разделаться, потому что отступать было некуда, ему надо было двигаться вперед.

Даниил втайне надеялся, что бес будет с ним, что он защитит его в самые сложные моменты, когда не на кого надеяться.

Беса такие рассуждения радовали, в них не было ничего обидного, и все-таки. Даниил о его возможностях ничего не ведал.

Но в бога они верят и не сомневаются в том, что он существует, почему же они сомневаются в нем, и он все время что-то им должен доказывать.

Он уже не раз обижался, и ничего не хотел делать из-за такого отношения к себе.

Но еще одно открылось княгине в те дни, она увидела сон, и колдунья предсказала ей, что она тяжело больна. И хотя старуха ничего не говорила, но она чувствовала, что не дождет Даниила назад.

Сначала она растерялась и пала духом от непосильного горя, но видя, как он нервничает, как едва различает все, что происходит вокруг, твердо решила не показывать вида до конца. Она слишком его любила, чтобы еще расстраиваться. Нет, она не может, она не должна вот так себя вести, потому

князь, прощаясь вечером с женой ничего не заподозрил. Она глазом не моргнула, хотя очень трудно было оставаться такой вот безмятежной.

Она верила, что Даниил должен ее запомнить спокойной, красивой и любящей, даже потом, когда он женится на другой, даже если станет сокрушаться о том, что ничего не знал, когда уезжал.

№№№№№№№№№№

В тот вечер Даниил осознал, что это его последняя ночь во дворце, в городе, что вот так ничего уже не буде никогда.

А когда он снова вернется сюда, в том, что вернется, сомнений не было, то все будет иначе. Но ему не хотелось заглядывать далеко вперед, да еще теперь, когда впереди только жуткая неизвестность

Нет, пока он чувствовал только одно - беда все время идет у него по пятам.

Даниил смотрел на звезды, рассыпанные по черному небу. Он видел, что их великое множество.

Но среди них он заметил Ладьи, мчавшиеся куда-то вдаль. И так хотелось ему понять, кто же там оставался в тех диковинных ладьях, не Олег ли отплывает к Царьграду, к великой и славной своей победе, как он должен радоваться, каким могучим ре себя чувствовал.

Даниил отвернулся от звезд, понимая, что они хранят память и о триумфах и о поражениях. Если бы они умели говорить, как много они смогли бы рассказать.

Но может и хорошо, что ничего такого они не могут поведать миру, как тяжело было бы услышать его историю.

Но конец света дальних звезд, наверное совпадет с его позором вечным, и он готов двинуться прямо к нему навстречу.

Сквозь сон он услышал, как проснулись слуги верные, как заржали встревоженные кони, и поднялся резко, не дав себе понежиться в постели

ЧАСТЬ 3 ДОРОГА В НИКУДА

ГЛАВА 1 В ПЕРВОМ КРУГУ

А за несколько часов до того в первом кругу Рюрик буквально налету поймал беса, и потребовал, чтобы тот рассказал князьям о том, что на земле затевается.

Бес даже удивился, видя, что Рюрика это так волнует. Но никто даже предположить не мог, что же там творится, что будет и чем может сердце живых князей успокоиться.

Но некоторые из них, и Всеволод в первую очередь, вел себя равнодушно, словно это его вовсе не касалось.

А второй Рюрик наоборот волновался больше, чем надо, он свою вину чувствовал все сильнее.

Хотя его недолюбливали в первом кругу, но волнения его передались и другим.

Они все знали, что бес прислушается только к голосу легендарного Рюрика, вот его и послали на беседу с бесом.

- Разбаловал я вас на свою голову, - яростно противился бес, и яростно пинался, даже кусаться пробовал.

- Не тяни время, лучше скажи нам, что там намечается, уже смотреть на все это никаких сил не хватает. Что там будет. Схватка, или что-то другое?

- Какое там сражение, Даниил, этот спесивец несносный к Батью на поклон идти должен, вот все они и не могут успокоиться.

- Отчего это, если там уже не одна расправа случалась, - спросил он сердито.

- А что ему еще остается делать, - нет у него другого выхода.

Он оглянулся на притихших князей. Каждый к себе применить такое старался, но у них не получалось. И все они, ну кроме Мстислава красивого чувствовали ту дикую вину и обиду на то, что там творилось в это время.

- Ты вместе с ним отправляешься? - продолжал допрос Рюрик, - смотри, ты охранять его там должен.

- Ничего я не должен, - отвечал бес, - если ты ему что-то должен, сам и отправляйся..

Рюрик перегиба палку, но почему-то не мог остановиться.

Странное что-то непостижимое даже для беса было в нем. Они решили остановиться и не спорить о том, что он еще предпринять должен.

Они не могли допустить и не хотели допускать, чтобы русские князья к Батью на поклон отправлялись.

- Не надо было с ним так, а то он еще пакостей натворит, - говорил Ярослав Мудрый, он и здесь как в своем Киеве оставался важным и значимым властелином.

- Сделает все как надо, не было такого, чтобы бес татарам служить начал, Батья он презирает и останется с Даниилом, - уверенно произнес Рюрик. С годами он узнавал его все лучше, хотя на земле особого восторга тот у него не вызывал, но с годами все меняется в мире.

- Пусть так, - не сдавался Святослав, кажется, он продолжал мыслить вслух, - но как может лучший из князей кланяться поганому татарину? Не лучше ли погибель?

-Но что даст его гибель? Нет, он должен что-то благоразумное для этого мира сделать.

- Он не должен Батью кланяться.

Так они спорили еще долго, понимали, что правы и те и другие, никому из них не хотелось быть на месте Даниила. Хорошо, что у них были тогда иные времена, и такого пережить не пришлось.

Только когда они успокоились, Игорь который в том разговоре не участвовал, рассказал им о птице Фениксе, сторевшей и снова восстающей из пепла.

- Обновлялась она и еще сильнее, еще пригожее становилась.

Наверное, и в этом мире должно было случиться что-то подобное.

ГЛАВА 2 ШИРЬ И ДАЛЬ

Яростно летел вперед княжеский конь, так, что едва поспевали за ним воины.

Они не торопились в объятия хана, понимая, что чем дальше они будут добираться до орды, тем свободнее им будет дышаться.

Но и отставать от князя они не могли, понимая, чем это может закончиться, он не потерпит трусов, не стоит на то и надеяться.

Сам Даниил старался не думать о том, куда и зачем он мчится.

Впереди были не разорённые земли, дремучие леса, бескрайние степи, казалось, что землям нет конца и края.

И хотя впереди тяжкие испытания, но князь старался о них не думать, казалось, что он просто вышел в степь привольную погулять.

Только вот уже очень далеко они заехали, а ведь все еще было впереди.

И мчались они в неизвестность.

Странно, что почти ничего он все еще не ведал о князе Александра, не встречался с ним, хотя слышал все время.

Совпав во времени, они как-то не совпадали в пространстве.

Великий князь, наверное, облегченно вздохнул, возвращаясь на свои земли, и получил ярлык на княжение, конечно.

-Как великолепно, как прекрасна земля, разве можно допустить, чтобы ее жгли и уничтожали чужаки?

Наверное, и предки наши и мы сами во много виноваты.

Невольно князь обратил взор к небесам, там он искал, но не находил защиты. Но обращался он к Перуну, а не к Христу, хотя думая о боге, просто взывал к разуму и силе, кто бы за этим не стоял теперь.

- Почто ты нас оставил? - спрашивал Даниил, то ли вспомнил слова из Библии, то ли просто хотел вот так поговорить со своим богом.

Но бес им просто залюбовался.

Нет, именно Даниил был на него похож, как две капли воды, еще немного наивный, но уже взрослый и сильный, с таким не пропадешь, или наоборот пропадешь, так навсегда.

Даниил знал, что на пути у него будет монастырь, вот туда он теперь и направлялся, чтобы перевести дух, переночевать, а потом и двигаться дальше. Да и с монахами надо было побеседовать.

Ему хотелось понять, как после стольких бед они оправдают своего бога, что скажут в его защиту.

Ему же надо было укрепиться духом. Как никогда прежде ему нужна была эта сила и эта вера.

Все обрадовались вести, что они смогут побывать в монастыре, а не промчатся мимо, они радовались бы любому препятствию на пути.

Бес совсем забыл о таком презренном месте, как монастырь, которое должно было появиться на их дороге. Он опомнился слишком поздно, увидев эти стены, чертыхнулся, но было поздно. Он не понимал, почему его князь решил заручиться поддержкой этих типов, или ему просто под крышей переночевать хотелось? О том, что тут случилось, он мог только догадываться, ходу ему туда не было. Оставалось только дожидаться под забором, надеясь на то, что Даниил укрылся за стенами.

Но у князя бы не хватило смелости, это только передышка, хотя для него и неприятная.

№№№№№№№№

Княгиня умирала в ту ночь от волнения ли, только что перенесенного или от бессилия и безнадежности. Но и подумать не мог Даниил, какая суматоха поднялась в доме. Какой бедой все должно было обернуться.

Марианна смотрела на звездное небо, вся жизнь проходила перед глазами. Она сожалела о том, что ничего ему не сказала. И хотя слуги и дети ее были тут, она испытывала страшное одиночество. И чужая речь, и далекий мир показались ей такими несчастными и далекими. Она видела замок, в котором родилась, который так поспешно покинула, тоже почти стерся из памяти. Она почти ничего не помнила.

Звезды померкли, она устала, закрыла глаза, дрогнули ресницы, лицо казалось бледнее и безжизненнее луны на небесах. Она застыла и теперь казалась спокойно и прекрасной.

Только чувство вины, за то, что ушла так поспешно, не дождавшись князя, не оставляло ее и смертельном забытьи.

№№№№№№№№№№

Даниилу фатально не везло, и хорошо, что он еще не знал о черном крыле смерти над его любимой женой.

В монастыре, беседуя с монахами, он ни о чем еще не подозревал, любящее сердце не известило его о беде, нет, душа была наполнена совсем другими тревогами. Да и бес не собирался этого делать, хотя он и сочувствовал Марианне, может быть первой в этом мире. Но его жалость не была так сильна, чтобы ради этого он столкнул князя с пути истинного.

ГЛАВА 3 В МОНАСТЫРЕ

А в то время настоятель монастыря Феодосий вышел навстречу князю. Он догадался, куда и зачем тот отправляется с таким небольшим отрядом.

Бес расположился под забором, дожидаясь лучших времен и его возвращения, потому что оказаться в татарском стане ему совсем не хотелось.

Он поминал нехорошим словом тех, кто настроил на их путях монастырей. Они отправились в пустые, очень тесные кельи, в которых должны были переночевать.

- Вижу я, княже, должен твой дух укрепить.

Даниил помрачнел немного оттого, что священник узнал его мысли, но ничего не сказал в ответ. Он должен был понять, он должен был укрепиться в вере, таявшей на глазах. Не мог старик, так искренне веривший в бога, всю жизнь ему посвятивший, убедить его в чем-то.

Но старик вроде и не собирался убеждать, он и ушел из мира, потому что сам был воинственен и нетерпим, а там было так много разных соблазнов, с которыми он никак не мог сладить.

А вот в келье и пришел тот покой и та вера, которой не было прежде. Иногда что-то бунтовало в сознании, он чувствовал, что покой подобен смерти, но гнал от себя эти мысли. Искуситель отступал, понимая, что бороться бесполезно, а может быть бес любит красавца князя.

Старик немного переживал, в душе с появлением Даниила, снова возникла смута, от которой он не мог избавиться.

Князь пришел к нему. Но сам он вдруг захотел покинуть убежище, отправиться туда, где трудно было даже представить себе, что будет. Но он опомнился, остановился, не собиравшись больше ничего менять.

Бес, оставшись слишком близко, продолжал его искушать. Бесцеремонно тот врвался в его душу, твердил, что имя князя, дурные и добрые поступки останутся в летописи. Они все равно будут волновать их, его же имени никто не узнает, ну может быть, кто-то самый проницательный вспомнит, что во время, когда князь и летописец сотворили рукописи, когда даже не вспомнят, какими они были, тогда и выяснят, как и что случилось в этом мире.

Но должно быть то, что оправдает и утешит.

Жизнь на небесах, тот круг рая, который ему обещан. Но если Дьявол прав, а он должен быть прав, то нет ничего лучше земной жизни. Но что тогда получается?

Монах не стал думать о том, что получается, это было самым тяжким грехом по отношению к богу, да и собственной жизни тоже.

Нет, он старался сохранить спокойствие, волю, ничто на этом свете не могло остановить его, изменить мир, к которому он привык.

Бес чувствовал даже за забором, что монах не сможет до конца осуществить свою миссию, ведь в душе его смута. А это должно огорчить его бога.

Конечно, если он вообще способен огорчиться.

№№№№№№№№№№

Мессир подивился странной картине. Он узрел своего любимца за стенами монастырскими.

Князь беседовал с монахом – такое тоже встретишь не часто. Но почему Мефи допустил это? Или там кроется что-то для него тайное, ведь он никогда не станет тратить время на пустые дела?

А надо было признать, что он давно не следил за происходящим, вот и не понимал многого.

Может потом когда он все переменит, но пока это было невозможно. Он был убежден, что князья не стоят его внимания. Они так мельчали, даже

хваленный на разные лады Александр. И Даниил – лучший из худших, хотя о нем ничего такого не говорят. Но ведь видно же, что совсем они не такие, как должно быть.

Стоят ли они того, чтобы он тратил на них свое время и силы?

И потому он удивился тому, что увидел у стен монастыря. Но решил себя не утруждать особо.

Мысленно он вернулся к первым векам, к почти пустой земле, на которую он не обращал сначала внимания, но там надо было создать свой особенный мир. Ему так хотелось чего-то нового и интересного на этих землях сотворить, и что же из этого вышло?

Хорошо, хоть варяги появились вовремя, иначе совсем печально было бы на все это взирать.

Они подчинили себе чванливый Царьград, но потом все пошло не так, мир и люди стали мельчать на глазах.

Норманны скорее переродились в славян, чем наоборот. И все вместе они стали медленно погружаться в рабство.

Наверное, он мог остановить этот полураспад, но ничего тогда не сделал, а теперь уже поздно что-то творить.

Словно скульптур, уничтоживший свое творение, действовал Мессир, ему помог сначала Чингисхан, а потом и Батый. Так дикарь расправился с тем, во что превратилось его творение. И он не противился этому, а скорее наоборот.

Он не запрещал действовать бесу, если тот верит во что-то и ему все это нравится, пусть что-то делает.

Сам же он не станет помогать нищим духом.

Их новый бог никогда ничего не мог и не сможет больше. Они не достойны сожаления.

ГЛАВА 4 ВОЛХВ В МОНАСТЫРЕ

Наверное, это было совпадение, но на следующее утро в том самом монастыре появился волхв.

Сначала князь даже не понял, почему он вызвал такой переполох. Но быстро все прояснилось. Старик, лица которого невозможно было разглядеть, прибыл из татарского стана, где он исполнял свои языческие обряды. А татары все еще оставались язычниками.

Вот и приходилось князьям лишать истинной веры – хан верил, что так с ними проще будет управляться.

Александру, говорят, каким-то чудом удалось избежать такой вот расправы, но чаще всего про ханские испытания рассказывали страшное.

Даниил понимал, что не тронется с места, пока не выслушает старика, не узнает от живого свидетеля обо всем, что там творилось.

Летописец потом перескажет все это Васильку, если он сам не выдержит и сломается.

И напишет, почему они погибали такими молодыми и сильными. Так начиналось только позорное рабство, никто даже не мог представить себе, сколько все это будет длиться.

Монах был согласен с ним во всем, и только теперь и они, и все, кто с ними были, обратили свои взоры на непонятно как тут оказавшегося старика.

- Я укрою тебя от татар и спасу, сколько сил моих хватит. Но ты должен рассказать мне и князю все, что тебе ведомо, даже если такие рассказы тебя самого не украсят, и тогда не надо молчать, мы хотим знать, что там было с тобой, что им ведомо до сих пор.

Сразу видно, как тяжело ему было обо всем рассказывать, но он собрался с силами. И только здесь, на русской земле в этих стенах стало ему немного легче, свободнее, появилась надежда на то, что все может измениться.

№№№№№№№№№№

Волхву повезло менее других. Он был там очень долго, много, а почти во всем принимал участие. Иногда бесу казалось, что он не перенесет этого, но начинался новый день и все снова продолжалось..

Может, он должен был нести все грехи в этом мире? Но почему ему все это выпало? Чем отличался он от других монахов. Почему судьба так распорядилась?

Теперь ему надо было еще рассказать о тех кошмарах, которые он там видел и пережил. Ему оставалось подчиниться.

Монах ненавистен был вместе с его богом, который одинаково равнодушен к ним к обоим. Вот и столкнул он лбами правого и виноватого и смотрит со своей высоты за тем, что тут творится.

Волхв метнул взгляд в князя. Ему еще не было понятно, зачем тот здесь.

Он не выбирал, кем ему стать, подлецам или праведником. Но что ему понадобилось в этом монастыре, что он хочет от остальных?

Наверное, он собирался прятаться за этими стенами. Но князь не показался ему трусом, скорее наоборот, он был отважен.

Даниил тоже внимательно смотрел на старика. Он не понимал и не принимал того, помня, что он всегда будет на другом берегу реки.

Он был с ним, не находил места от мук и трагедий, тут развернувшихся.

Это была его вина, и вина всех его братьев-князей. В одних ситуациях люди поступают по-разному.

Старик вряд ли был только свидетелем того кошмара. То, что ему предстояло узнать, приводило его в тихий ужас. Лучше этого не знать вовсе, но куда теперь деваться?

Монах чувствовал замешательство, кажется, сделал для себя какой-то вывод. Но почему такой смельчак, как Роман, испытывает смущение, даже робость?

Но они смотрели на то, что с ними творилось, пытались что-то решить для себя.

Сначала старик хотел рассказать только часть этой истории, наивно полагая, что от этого и грехи его будут казаться меньше. Но постепенно какая-то сила двигала его все дальше и дальше, он хотел, но никак не мог остановиться. А начав говорить, он уже не мог остановиться.

И ему становилось легче, исповедь помогает одолеть самое страшное разочарование.

ГЛАВА 5 ГИБЕЛЬ ЯРОСЛАВА

И заговорил Волхв, вспоминая о том, как сначала в стане Батыя, а потом и в самой Монголии появился князь Ярослав.

Он и сам не знал, почему начал с середины рассказа. Может потому, что сам он Ярослава не убивал, хотя и был к тому причастен несомненно.

- Его град пал, ничего не оставалось сыну великого Всеволода, как отправиться на поклон к Батыю, чтобы получить ярлык на княжение и сохранить свой град от новых набегов. Ради милости татарской на многое тот князь был готов.

Никто не ведает, что на самом деле у него было на уме, ведь хитростью в отца своего он пошел. Он и от бога своего нового быстро отказался на радость Батыю. Потому не так я и грешен пред ним, как кажется. Идолам он кланялся без всякого отвращения, через огонь проходил глазом не моргнув. Все, что требовали татары, исполнял он безропотно, презрения им не высказывал.

И слушатели его так ясно видели князя, которого Даниил и монах хорошо помнили, он всегда казался спокойным и невозмутимым. Ярослав хорош лицом был, всегда красива его одежда, хотя порой казалось, что не создан он был для поля брани, но оружием управлять умел хорошо.

Но вот и с татарами он первым хлебнул лиха, напрасно зывал к помощи братьев.

Даниил видел разоренный Киев, наверное, потому раньше многих Ярослав догадался об избранном своем пути.

И вдруг увидел он мертвого князя, который пред его взором появился:

- А что еще нам делать оставалось? - вопрошал он у Даниила, - я должен был успеть отстроить свой Киев для сыновей своих, что бы обо мне потом не думали, я должен был это сделать. Он не нужен был татарам, а для нас он сердце наше и в нем душа таится.

Я ведь знал, что когда к предкам пойду, с меня за него спросится сполна. Какая же русская земля без Киева?. Татары страшны, но они не вечны, сколько хазар и печенегов разных до них было, и где они все теперь? Вот и эти орды исчезнут раньше или позднее, отстроятся города наши и останутся навсегда. Только надо, чтобы кто-то сохранил и отстоял их. Нам надо выстоять и сохранить свой мир.

- Все равно как выстоять? - переспросил Даниил.

И все, и рассказчик на него теперь молча смотрели. Они не понимали, с кем и о чем говорит князь.

Волхв почувствовал, что князь настроен против него. Но он продолжал свой рассказ, вдруг ему еще удастся убедить молодого и строптивого князя.

- Батюю такая покорность понравилась, и принял он ее почти дружелюбно, кумыс преподнёс князю, разрешил к Чингизиду отправиться, спрашивал о сыне его Александре, заявил, что рад будет его видеть тут.

- Снова Александр, - поморщился Даниил, - неужели он станет преследовать меня всю жизнь? Вот и брат его Андрей просит мою дочь себе в жены. А старший все время исчезает, словно мы с ним играем в прятки. И даже этот дикарь все время о нем напоминает, а может просто его имя у всех на устах, коли и до Батюя его слава дошла, и тот встретил его ласково.

Старик говорил о приглашении и ему был известен исход этой встречи. Тень полубога все время витала над ним. Наверное, на одной из дорог их пути пересекутся, тогда он, наконец, сможет взглянуть на того, кто невольно его преследовал и не давал покоя. Интересно, каков он будет вблизи?

Даниил понял, что он давно не слушает старика. Ему показалось, что все позади и надо отправляться дальше, в проклятие свое путешествие надо ему следовать.

Но внезапно он почувствовал облегчение. Нет, он не может расслабляться, он даже мыслей таких не допускает, пока ничего не закончилось, иначе дорого придется за все заплатить.

Ярослав уже расплатился за все, у него же все впереди, ему еще приходилось жить и что-то делать.

А смерть Ярослава, наверное, была не так страшна, как гибель Василька Ростовского, но это ничего не меняет.

В это время волхв еще что-то говорил, но он уже не слушал и не слышал ничего.

- Так что же случилось, если даже хитрость и изворотливость не помогли князю

А ведь на самом деле, о гибели они ничего не знали, им еще предстояло прикоснуться к тайне, о которой было столько размышлений, в них таились какие-то загадки.

Дружинники привезли из Монголии мертвое тело князя Ярослава, и словно связанные каким-то обетом, они ничего больше не рассказывали.

ГЛАВА 6 ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТАЙНЕ

- Как он погиб? - снова повторил настойчиво, даже яростно монах.

Старик медлил, он, словно что-то шептал, вспоминая, перебирая в памяти.

Даниилу показалось, что тот ничего не знает, не ведает, и просто хочет ввести его заблуждение.

- Как он погиб, - в третий раз спросил монах.

Старик понял, что его не оставят в покое, не уйти ему от ответа. А ведь он старался забыть о том навсегда.

В голосе монаха послышалась угроза. И он не стал больше уходить и прятаться.

- Пусть они узнают правду, - почему-то подумал бес.

И не это ли так испугало тогда старика?

- Его предал его друг Федор, - произнес он решительно, - с татарами все было прекрасно, может из-за сына они не хотели убивать Ярослава. А когда его родственнички это поняли, они и донесли на него. Не знаю, что он там наговорил такого, только усмехнулся и что-то сказал своим подопечным хан, как только Ярослав вскочил в седло, тут же конь его встал на дыбы, кто-то из татар на него обрушился. Они кричали, будто князь на них нападал сам, хотя такого не было, да и все его стражники стояли в стороне, ни один не сдвинулся с места.

- Этого не может быть, ведь тебя там не было,- говорил монах.

- Верно, не было, но эта история предательства поразила татар, они долго рассказывали ее потом друг другу, а зачем им было лгать? Да и прежде

они могли легко расправиться с князем, но ведь не сделали этого. Он бы просто не добрался до их стана, не так ли? Его предали свои, а не чужие, это так.

Даниилу показалось, что ему ведомо больше, чем он им говорил.

- Такое могло быть, - мучительно подумал Даниил, на чужой земле проще убирать своих врагов. А разве прежде, еще до всех татар было не так?

И снова перед ними появился Ярослав, усмехнулся, на него глядя:

-Так и было все там, я поздно понял, что не татарского хана опасаться должен, это мои воины и братья страшнее всех татар, они всегда готовы убить, улыбаются, кланяются, и тут же убить тебя готовы. Ничего нет страшнее предательства своих. Коли они бога своего не боятся предать, так что о нас говорить?

Он улыбнулся, так странно улыбнулся, заставив Даниила погрузиться в печальные размышления. И яростный протест возник в его душе.

- Его убил один из волхвов? - спросил монах.

Почему это его так взволновало?

- Чаще татары расправы руками других творят, хан хотел, чтобы его воины отличилась на поле брани, в набегам, а не в мирных поединках и казнях, а чужеземцы для расправы всегда находились. Да и сами князья муки и унижения терпят, чтобы с властью не расставаться.

Как часто мы по раскаленным углям ходить должны, а то и жизни лишиться, но власть они хотят не меньше, вот и смерть не боятся, потому на позор и унижения отправляются легко.

Даниил и монах понимали, что к князю слова эти относятся.

Но история о предательстве и внезапной опасности потрясла его страшно. Разве с ним не могло там такого случиться?

Не был он уверен в том, что не бывать этому. Надо внимательно следить за своими и чужими, чтобы потом не было поздно.

- Я был со всеми, - между тем говорил Волхв, -только ничего не мог остановить. Вот с тех пор и стали мне князья убиенные являться, признался он, давая понять, что ни в одной смерти Ярослава его можно винить. Но зачем он выдавал себя?

- Были еще князья, - напомнил монах, не желая отступаться, - когда же ты про первого и главного мученика про Михаила Черниговского нам расскажешь?

Странная тень проползла по лицу старика, и казался он уже мертвецом. Мало что в нем от живого человека оставалось.

Вот этого он совсем не хотел вспоминать.

ГЛАВА 7 ГИБЕЛЬ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО

Тут и вспомнилась старая былина, которую когда-то вспоминали на всех княжеских пирах. Рассказывали они про удалого князя Владимира, а за ним сразу и про Михаила говорили. Так лихо он с погаными расправился, когда один против всей тьмы пошел.

И так уж он сражался один против всех, что пала тьма татарская.

Но что же случилось в последнее время, почему так измельчали богатыри на Руси-матушке?

Вот и гадали князь и его свита, какую же историю им теперь услышать доведется.

Он решил рассказать все, как было, а не как в былинах поется, чтобы на том свете спокойно было ему в глаза предков взглянуть.

Ему просто хотелось избавиться от страшных призраков прошлого.

- Да эта история пострашнее первой будет, - отвечал волхв, когда все замерши в ожидании.

- Князь сей совсем иным был, вел он себя гордо и странно. Приехавший умолять хана не должен был себя так вести. Сразу всем стало понятно, что приключится с ним беда большая. Таким странным он всем показался в тот миг.

- Не темни, старик, рассказывай, когда все началось, ведь и нашему князю предстоит там побывать, пусть он все знает и ведает, - стал торопить рассказчика кто-то из слушателей.

Встрепенулся и заговорил Волхв в тот момент.

- Я не ведаю, что с ним приключилось, чего он хотел добиться, но он отказался исполнять то, что от него требовали жрецы, не стал идолам их кланяться, о том сразу хану и донесли. А чем дальше, тем больше, выбросил он пиалу с кумысом. Батый усмехнулся, он интересовался нашим миром, и наверное, ждал от бунтаря чего-то такого, и дождался.

- А не ты ли донес на него?

- И без меня нашлось кому доносить, да и какая разница, он все делал, чтобы это видно и слышно было с самого начала, он хотел, чтобы хан все знал и видел, какой-то дух бунта сидел в нем, и не отступал ни на шаг.

На мгновение все вокруг смолкло снова.

Пока говорил волхв, те события ясно встали у него перед глазами. Чувства, правда, притупились немного с той поры, но все так ясно помнилось, словно вот теперь и происходило.

Каким же гордым и надменным среди врагов был князь Михаил, но за такое безрассудство придется заплатить.

Но такое часто случалось среди тех, кто становился рабом и должен был подчиниться.

№№№№№№№№№№

Князь сразу заметил, что в орде много русичей, да и среди тех, кто Батыю служил тоже было много славян. Но особенно поразила его встреча с волхвом.

Он был утрюмым и злым, но казался свободным, никто над ним не стоял, хан все время обращал к нему взор, словно хотел увидеть одобрение с его стороны. Такие и среди чужих, а не только своих, могут утвердиться раз и навсегда.

Но у волхва были свои причины для того, чтобы тут оказаться, он просто хотел отвергнуть нового бога, и чтобы ему противостоять, с кем угодно мог в союз вступить.

Сколько лет прошло с Владимировых времен, а согнуть и подчинить волхвов им так и не удалось, - это была еще одна их беда, и может самая большая и неодолимая.

Хотя Михаил понимал, что он не должен медлить, лучше вовсе ни о чем не думать. Но он не мог отогнать от себя такие мысли. Он совсем забыл, зачем сюда шел, погруженный в свои размышления, да и знать о том ничего не хотел. Старик - волхв внушил ему, что он не покорится, чего бы это ни стоило.

Нет, только желания освободить свой мир от нечисти оставалось в его душе. А если его покорят, уничтожат в нем человека, то и бороться будет не за что. Но что будет с землей, у которой окажется такой несчастный и раздавленный духовно властелин?

Не только волхву странным показалось тогда его поведение. Он не собирался мириться с тем, что творилось вокруг. Страх, отчаяние, бессилие вот все, что оставалось.

Он сумел, он сумел взглянуть в глаза испытаниям, смерти самой, но в те минуты он не думал о чем-то таком.

№№№№№№№№№№

Старик, после того, когда он обо всем поведал Батыю, да и иные уже успели ему все рассказать, в одре ничего не скроешь, даже если и захочешь, он просто говорил о том, что творилось вокруг, а раз князь так поступал, значит ему этого и хотелось, на миру, говорят, и смерть красна.

Тогда хан и приказал убрать князя Михаила с глаз долой. И те, кто служили хану, бросились исполнять приказание, даже теперь волхву это показалось дикостью, но таков человек, что же с него взять.

- Ему неведом был страх, даже когда дюжина воинов на него набросилась, он смеялся, да он смеялся, отбрасывая их в разные стороны, это казалось со стороны какой-то забавой. Но он кричал о том, что не собирается кланяться хану, а хан вот вышел из себя, хотя и старался сдерживаться, но не вышло у него это, не получилось.

Волхв оглянулся на слушателей, они ждали продолжения рассказа.

- Спесь его погубила и безрассудство, - проговорил Волхв. – Ведь просили же его опомниться, чего только не говорили ему тогда, ничего не помогало. Он словно бы все позабыл.

И в последний миг, когда он рухнул замертво, он потешался над ними, вот ведь в чем дело.

ГЛАВА 8 ПРОДЕЛКИ БЕСА

Конечно, бес в тот самый миг в том месте и оказался, где ему еще было оставаться? Из своего укрытия он давно наблюдал за происходящим, все видел, все знал. Если бы старика подвела память или просто что-то не захотел вспомнить, то он тут же ему обо всем бы и напомнил.

И теперь все взглянули на совершенно белую стену, и дивились тому, что видели поляну, где-то за той стеной расположенную.

Она была освещена луной. На той поляне в каких-то замысловатых шатрах расположились татары. И хотя никто из них прежде ничего подобного не видел, ну кроме волхва, но они не сомневались, что все так и было.

Они заметили глаза Михаила над этим скопищем людей. Вот они и стали свидетелями той самой расправы, но после рассказа волхва они понимали прекрасно, что там такое происходит.

Наверное, сам Дьявол решил в этой истории расставить точки. Ничего больше скрыть от них он не мог.

Но волхв вместе со всеми смотрел на то, что там теперь творилось. Наверное, он разглядел там и себя самого. Кто-то узнал его и показал остальным.

Но они и не заметили чуда, их волновало только то, что там творилось.

А потом, когда все исчезло, они даже не очень и поверили такому повороту дел.

Только монах понимал, как четверть часа назад он вопрошал этого типа, о том, как это было тогда. Вот потому и появилось это наваждение, это сам рогатый играл с ними. Но судя по всему, ему можно было верить. Ему не избежать разоблачения.

Но он даже забыл перекреститься, и не верил больше в то, что с ним можно справиться.

Но теперь, когда вернулись слуги хана, там должны были разворачиваться главные события.

Что-то кричали татары, тут же появился гонец, и волхвы направились к татарам. Они хотели взглянуть на князя-бунтовщика.

Надо было все это узреть, чтобы потом было что рассказывать и в летописи записать об этих днях и часах.

Старик не выдержал и закрыл лицо руками. Смотреть на все это было очень тяжело, почти невыносимо.

Даниил молча скрипнул зубами, но глаз не отвел. Князь под их напором пошатнулся и рухнул, его больше не было видно. Но татар еще носились, кричали что-то, словно пытались то ли напасть, то ли защититься, кто их разберет.

В зале, где они собрались, повисло страшное молчание.

- Все было не так? - спросил кто-то у старика, кажется, это был монах.

Старик ничего не ответил.

Все было так, только сейчас на это было невыносимо смотреть.

Нет, больше и им не забыть виденного, и все они были теперь во власти этой странной картины.

- Я христианин, не пристало мне поклоняться идолам, - говорил Михаил на той стороне.

Странно, но Даниилу показалось, что увидел он там себя самого, а вовсе не Михаила.

Окажись он там, молодой князь повел бы себя так же, потому что все в душе его протестовало и клекотало, он не собирался сдаваться.

Не для этого ли все и показал ему бес, чтобы он заранее подумал и решил, как ему вести себя следует.

- А Александр? - спросил князь у волхва, - говорят, что он то же самое Батью сказал, как там с ним?

- Ну, это особый случай, - отвечал волхв, - радуясь, что говорить они стали о другом, - Батый им дорожит, он успел убедить хана в том, что не обойтись им друг без друга.

Волхв не сказал о том, что с Александром всегда бес был заодно, а потому не на него не стоит ровняться.

Но князь все-таки надеялся на то, что и с ним что-то подобное случиться может и тогда он сможет перевести дыхание...

- Выбирай одно из двух – жизнь или смерть, если не поклонись кусту, солнцу и идолам, то умрешь лютой смертью.

Ему или Михаилу это было сказано? Почему теперь он услышал слова, которых тогда не слышал?

И тут он разглядел тело князя около идола, словно древнее жертвоприношение произошло.

И с этим им придется мириться?

Но разве Михаил не ведал, на что он шел? Ему будет много легче, чем Михаилу.

Но князь убитый взирает на них с небес и потешается над ними. А ему еще надо выбор делать.

- Дикари, мы оказались в рабстве у дикарей, - размышлял князь

- Ты там сгинешь, ведь ты такой же гордый, как Михаил, - усмехнулся Волхв, оправившись немного от всех потрясений.

Он наконец перевел дыхание и мог чувствовать прилив сил

ГЛАВА 9 РЕШЕНИЕ КНЯЗЯ

Монах долго молчал, но потом все-таки решил высказаться обо всем, что он слышал.

Он смотрел на Даниила, на пока еще живого Даниила, но представлял его там, на месте Михаила Черниговского, и никак не мог отвлечься от этих мыслей.

Пока князь жив, пока он рядом, его необходимо остановить, он должен так поступить, иначе никогда себе этого не простит.

И не зная, как еще можно повлиять на князя, он в растерянности и бессилии просто прошептал:

-Остановись, княже, - прохрипел монах, словно у него была какая –то власть над князем, - остановись, -повторил он немного тише, - Александр хитер, он знает, как с Батыем говорить, а ты слишком горд и непреклонен, чтобы снова там оказаться и выжить. А кому нужна твоя героическая гибель?

- Нет, - услышал он в ответ от Даниила, - Александр и после смерти отца не побоялся туда отправиться, так чего же бояться мне?

Странная грусть, почти обреченность появилась в его глазах, казалось, что он обрекает себя на самоубийство, по одним только ему понятным причинам, но зачем это было нужно?

- И ты собрался идолам татарским поклониться? – не унимался монах, зная, что не избежать ему княжеского гнева.

Но ему казалось, что Даниил услышит его, опомнится, вернется к реальности.

Но что если в последний момент он остановится, как поведет себя самовлюбленный Батый.

Тогда зачем ему раньше времени смертельной опасности подвергать, если он хочет погибнуть, так в схватке с татарами, так чтобы погубить и противников, а не просто подарить им свою молодую жизнь.

Но, кажется, Даниил старался не думать о том, что делать придется что-то противное рассудку.

Но с другой стороны князь решил, что двигаться он должен только вперед, и нет у него назад пути.

Виделся Даниилу Александр - победитель, в тот момент, когда ханский гонец произнес странное и сначала совсем непонятное для монаха:

- Не стану я принуждать князя к исполнению обрядом, хан давно поджидает его, пусть смело к нам идет, не будет этого.

По лицу князя монах понял, о чем тот в эти минуты думал. Но отметил, что терпимость и доброта не присущи татарам, вряд ли они исполнят обещанное, хотя чем черт не шутит.

Теперь монах оказался совсем бессилен.

Все решилось в те минуты, князь же скорее готов был поверить обещаниям Батыя, чем разумным словам своего монаха, и тому только оставалось умыть руки и отойти в сторону.

А чем черт не шутит, вдруг им удастся договориться?

- Я пойду туда, - говорил Даниил

Бес облегченно перевел дыхание, можно считать, что он победил.

- Врешь, монах, ничего страшного, никакой расправы не будет, - одно дело Михаил, который просто безрассуден, совсем другое - Даниил, с которым вместе буду, я, и вряд ли Батый сможет причинить ему зло.

И монах, и волхв уже убедились в том, что князь выстоит, не понятно, правда, как это случится, но он вернется назад живым.

Даниил верил, что бес ему поможет, ну или не бросит в беде, и это ему хотелось проверить, а еще тень Александра все время была рядом, следила за ним, бросала вызов, и надо было ответить, ответить достойно.

Нет, он не отступит от задуманного, он пройдет это испытание с честью.

И это заставляло его забыть даже о своем Галиче. Только жену почему-то вспомнил князь, еще не ведая, что она следила за ним с небес. Но у него уже появился ангел=хранитель, от которого не избавиться.

Да и сыновья, они должны были гордиться им так же, как он гордился своим отцом.

ГЛАВА 10 РАССКАЗ ОБ АНДРЕЕ

Старик вышел полюбоваться на закат. Монах в это время обратился к Даниилу:

-Что с тобой? По-моему теперь ты думаешь вовсе не о земле своей и свободе, а что-то совсем другое тебя волнует и тревожит. Но почему ты все время думаешь об Александре?

Князь вздрогнул, он не ожидал такого вопроса, не думал, что его собеседник так проницателен.

- Так судьбе угодно, он всегда был моим двойником, я уж без него не представляю этого мира. Я чуял какую-то тайную связь с ним.

- Соперничество, зависть, корысть, достойны ли они внимания? Я тоже немало слышал о том князе, у него есть странный дар, он удачлив и мужественен, но не стоит так часто на него оглядываться.

- Но есть и еще одно, - размышлял Даниил, - ведь я его почти и не знаю, а дочь свою уже его брату Андрею в жены отдал. Вот и пришлось познакомиться с ним поближе. А вот брат его от меня все время ускользает, - заговорил он задумчиво, не замечая тревожного взгляда монаха.

- Да, но ведь Андрею великое княжение пожаловано, это тебя совсем не волнует?

- Это игра судьбы и только, Андрей не удержит власти, и ты знаешь это не хуже моего. Разве не бывало такого прежде, когда на троне восседал Рюрик, а всем в этом мире заправлял Всеволод?

- Бывало и не раз, - согласился тот, только нынче времена переменялись, а замашки княжеские прежними остались, все они хотят власти, и чем больше, тем лучше. Александр рожден победителем, вот я и тревожусь за судьбу Андрея и твоей дочери.

Понять, тревожило ли это князя было затруднительно.

- Он успокоился сразу, как только ярлык на княжение получил. Словно и не ведает, что братья хуже врагов лютых могут быть. Бориса и Глеба брат родной убил, глазом не моргнув. А ведь не такие тогда времена были, что же теперь о том говорить?

Монах хотел понять, о чем в эти минуты думает князь.

Но ничего так рассмотреть и не смог, задача эта оказалась для него непосильной.

Но что мог знать сам Даниил, так далеко от столицы живший? Наблюдавший за Киевом и Владимиром со стороны. Потому все тревоги останутся неразрешимыми.

И вдруг страшная догадка заставила князя вздрогнуть. А что если опасения священника правильные? Он едет туда специально, чтобы сравняться с Александром или умереть мученической смертью? Неужели ничего другого ему не осталось.

- Нет, это не так, - вслух произнес он.

Монах взглянул на него изумленно, он не научился читать мыслей.

- А Святослав? Он тоже в орду ездил, кажется, тот еще больше на Андрея должен быть обижен.

- Монах чувствовал, что ему хочется оправдать и защитить Александра.

- Да, Святослав, конечно, он сразу отправился туда. Но он все время остается в тени, так, что я даже о существовании его умудрился позабыть.

- Вот и остается гадать, кто из них первый донесет на Андрея Батью, но думаю, что он обречен. Но гонцы Батые уже у князя, они требуют, чтобы Андрей явился в орду, и кто-то из них донесет первым.

Монах сразу понял, что Даниилу это было неведомо.

Может это заставит его переменить решение или наоборот ринуться туда прямо теперь?

Даниил же медлил, он, словно окаменел на тяжелом кресле своем.

Нет, ему надо было хорошо подумать о том, что случилось.

ГЛАВА 11 ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

Монах видел, как далеко был князь в мыслях своих, хотя вроде рядом с ним оставался.

Он не хотел больше отвлекать его от происходящего.

Даниил почувствовал себя подростком, и перед ним стояли три князя, наверное, вместе они не собирались никогда, и все-таки он их видел.

Первым был насмешливый, сильный и властный Всеволод. Он казался таинственным и пугающе спокойным. Его боялись все, кто сталкивался с ним.

Рядом появился Рюрик, который Даниилу почему-то нравился, хотя он и не выглядел героем. Только был он слишком хитрым, что и стубило его в итоге, и в стороне стоял властный, сильный и почему-то печальный князь Роман - его отец. Он был с ними, но часто шел наперекор, редко с ними соглашался и считался.

Даниил вслушивался, всматривался и пытался понять, какие отношения существовали изначально между ними.

Они все время боролись за власть, то объединялись, то снова уходили друг от друга.

А ему по странной наивности казалось, что если ты рожден князем, то никто не посмеет тебя пальцем тронуть.

Еще как посмеют, и много желающих для этого найдется в мире.

Но они и представить себе не могли, что может случиться уже с их детьми, разве не придётся им избавиться от рабства татарского, а если не случится этого, то, как им жить дальше?

Он вспомнил о том, что за Андреем Ярославичем уже посланы гонцы из орды, и трудно даже представить, что же там такое случится.

- Что так тревожит тебя? – неожиданно услышал князь голос монаха.

- Скажи, прекратится ли когда власть орды над нами, или так всегда и будет?

Он смотрел на монаха с такой скорбью, что тот невольно отстранился от него.

Монах не знал, что ему сказать, он больше не ощущал себя мудрецом, у которого на все был ответ. Слабость и усталость теперь страшно терзали его душу.

Но он не сомневался, что не только ему, но и Даниилу не дожить до тех времен.

Для них таких времен никогда не наступит, ну а для внуков и правнуков – но будущее казалось каким-то далеким и туманным.

Но с другой стороны, если лишиться веры в грядущее, тогда вообще горько и страшно станет жить, можно ли допустить такое?

- Страданиям всегда приходит конец, надеюсь, они одумаются, и свергнут иго, а потом смогут подняться и расправить плечи.

Даниил почувствовал, что и сам монах в это до конца не верит.

Нет, не случайно они о вере заговорили. Они связаны с нею навсегда, иначе все закончится крахом.

И вдруг невеселая мысль осенила его сознание.

- А может их страдания помогут другим подняться и бороться, хотя обидно, что это не случится в их бытность, но разве нельзя порадоваться за детей и внуков своих?

- Ты думаешь о тех временах, когда Всеволод, Рюрик и отец твой этого мира поделить не могли? – неожиданно спросил монах, - я тоже часто о том думаю, - признался он.

- Андрей и Александр, внуки Всеволодовы, какими бы героями они не казались, в них течет его кровь. Татарам только этого и надо. О вражде вашей они хорошо осведомлены, вот и играют на этих струнах. Потому не избежать новых бед и предательства не избежать, смертей мученических и напрасных тоже.

Теперь он и на самом деле был похож на пророка.

- Вы своими руками друг друга уничтожаете, иногда я рад, что не князем рожден, не должен в этом участвовать.

- А я никогда не жалел, что князем рожден, - упрямо повторил Даниил.

Хотя он не знал точно, верит в это или не верит.

- Что с Андреем там будет? - спросил он, обращая взор в грядущее.

- Да ничего с ним не случится, - теперь монах был спокоен, - он из них рода, с тобой хуже будет.

Внезапно монах остановился, он понял, что проговорился.

- Это почему? - встрепнулся Даниил.

- Не из их ты породы, вот и весь сказ, и наступит момент, когда в другую сторону ты уйдешь без всяких сожалений.

Даниил ничего на это не ответил, но и забыть этих слов он уже не смог.

ГЛАВА 12 ЗА СТЕНАМИ МОНАСТЫРЯ

Бес за стенами монастырскими уже притомился его дожидаться.

Он чертыхался. Старик противился князю и настраивал его на уныние, ну как с таким настроением можно было что-то решать?

Конечно, он и сам против них всегда был, только нельзя так вот взять все и перечеркнуть ни с того, ни с сего.

Надо было срочно исправлять плачевное положение. Если бы он хоть что-то знал о том. Но все это было очень трудно сделать

Хотя ему показалось, что что-то стало меняться, пока он проклинал князя последними словами.

Да, - решил в тот же миг князь, - он не должен о старой вражде забывать, но не мешает, и схватиться с ним.

Это не так уж страшно и интересно. Да и неизвестность больше не пугала, а в чем-то и радовала. Если Монах так уверен, что с Андреем ничего не случится, то за себя он постоит. Он рожден быть князем, всегда чувствовал себя князем. И побороться ему можно за власть. Если Александр выстоял, то ему сам бог велел.

Он молчал, монах не понимал, почему так переменилось его настроение. Что-то ускользнуло от него.

Но что-то было, если у него столько сил и веры, желания сражаться. Рано унынию придаваться

Он еще схватится с неведомыми силами.

Ему хотелось знать, кто предал Андрея, Святослав или Александр. Ему хотелось, чтобы это был дядька, а не брат, потому что тот уйдет раньше, а с этим еще оставаться, и все окажется затруднительно.

Даниил и понять не мог, почему он бросился защищать вечного своего соперника, почему ему не хотелось, чтобы Александр оказался предателем.

Наверное, и ему не хотелось иметь такого родича и врага.

Наверное, он и для себя чувствовал какую-то угрозу в том. Он знал, что Александр – внук Всеволода, и ему хотелось, чтобы внук получше деда оказался, а сын – отца. Может только тогда в этом есть какой-то смысл для остальных

Обиженный дядька, не простивший того, что племянник его опередил, и пылкий младший брат Михаил, и славный, почти святой Александр – все они стояли перед ним и о чем-то его вопрошали.

Наверное, давно надо было князю задуматься и о своих неприятелях. Ярослава предали свои, а не чужие. Михаил Черниговский не покорился чужим. И тут, как только появился волхв, они вспомнили о третьем происшествии, о гибели Василька Ростовского.

Мало что им было ведомо о том. А ведь он был зятем Михаила – какая страшная весть для его дочери, потерявшей в один миг и мужа и отца.

Недаром говорили в народе, что беда никогда не ходит одна.

И обрушилась она в эту страшную годину на самых лучших.

Но не только из-за несчастья Михаила хотели они узнать о том, что случилось с Ростовским князем.

Даниил чувствовал, что там кроется еще какая-то тайна.

Волхв, упорно избегавший этого разговора, поведал им что-то совсем уж невероятное...

Но они должны были услышать и этот рассказ.

ГЛАВА 13 ГИБЕЛЬ ВАСИЛЬКА

Волхв понял, что ему придется все рассказать, хотя делать это хотелось меньше всего.

Но ведь рано или поздно все равно придется это сделать.

- Ты забыл о главном, - услышал он голос монаха, - так расскажи же нам, что там было, сдаётся мне, что и к этому ты как-то причастен.

Он бросил на монаха яростный взгляд, наверное, более слабый мог бы упасть и умереть от такого, но монах только усмехнулся.

Князь смотрел на обоих внимательно, хотел понять, что таят эти двое.

- Так что же стало с Васильком Ростовским, - ведь он в орду не ходил, не собирался идти тогда, но что произошло?

Молчал чародей долго, у слушателей уже кончалось терпение.

А недавно им казалось, что все рассказано, но нет, всегда что-то еще остается.

И волхв наконец заговорил:

- Да, не собирался он идти в орду, ведь тогда о ханской милости никто ничего не ведал, да и не такими покорными все они были.

Он посмел в лицо князю сказать о том, что измелъчали они и слабаками за это время сделались.

Но князь даже не подумал о том, чтобы остановить его, пусть говорит, если начал.

Даниил вдруг вспомнил Марию – бледную высокую девицу, о которой рассказывали разное, будто знала она книжные премудрости, разбиралась и в чародействе, словно Василиса в сказках.

Но почему он вспомнил о ней?

Даниил очнулся, прислушался к тому, о чем говорилось.

- Этот град еще с Игoreвых времен был проклят, - рассказывал неторопливо волхв, все его князья плохо кончили, Василек был только одним из них. Сам Батый, тогда еще молодой и горячий в походы наши земли ходил. Вот в град Василька он и пожаловал внезапно, как снег на голову.

Волхв остановился, он почувствовал, что устал, ему стало трудно говорить, но он должен был поведасть им главное. Марта 4 дня в 28 лето это случилось, - заговорил он через какой-то срок.

- Но откуда ты так хорошо тот день помнишь? - поинтересовался монах.

- Киев стоял еще тогда, только Рязань пала. Тогда они и поехали в Шеренский лес и столкнулись там с князем Ростовским.

И снова старик остановился, чтобы немного отдышаться, даже лицо руками прикрыл. Он сидел молча и слушатели его тоже молчали.

Сколько времени был он в свои размышления погружен, кто его знает, только все почувствовали, что узнают что-то страшное и горькое.

Наверное, он тесно был со всеми теми событиями связан, если столько лет прошло, а он все еще ничего сказать не может толком. Молодость и дерзость Батыева обернулась для Ростовского князя большой бедой. Первым он с татарами столкнулся, как тут уйти от них живым?

№№№№№№

В тот момент и было Даниилу видение. Увидел он себя, оторвавшегося от земли, приподнявшегося над нею, и такую легкость ощутил, какой никогда прежде не было.

Показалось ему, что несется он между туч и облаков куда-то вдаль. А окружали его легкие и странные фигуры. Он пытался, но не мог разглядеть их лица. Но надо было напрячься, чтобы важное узреть. А когда показалось ему, что все усилия напрасны, тогда он словно бы вздрогнул, и в фигуре, ближе всех к нему расположенной, заметил Марианну, она повернулась у нему. Он ждал, когда она что-то скажет, но она молчала. И как-то странно переменялось ее лицо, словно это была и она и не она тоже.

Что-то неуловимо-далекое появилось в ее чертах. Она казалась холодной и чужой.

- Марианна, - позвал он, и сам не услышал своего голоса.

Но она взглянула на него, улыбнулась растерянно, но так ничего и не ответила.

- Что это такое? Что это было? Откуда все это могло появиться? – размышлял князь, совсем уйдя от реальности.

Оставалось только очнуться и вернуться в ту комнату, где они все еще были. Уж лучше забыть обо всем, не стоит перед дальней дорогой пытаться выяснить, что же творится в его мире. Не надо копаться в прошлом, оно может отравить, а то и уничтожить настоящее.

Но волхв ему всегда говорил, что в прошлом прячется грядущее. И если мы еще не ведаем этого, то ведь оно не перестало существовать.

Монах тоже внимательно следил за князем, интересно, что могло его так тревожить?

ГЛАВА 14 РАСКРЫТАЯ ТАЙНА

В какой-то момент он хотел скрыть главное, но, как и в прошлый раз все произошло само собой.

Волхв позднее определил, что его попутал бес, все произошло неожиданно, а от него уже ничего не зависело.

- Ты должен сказать им, что ты там был, - услышал он голос, словно заколдованный произнес: «Я там был».

- И что же? - спросил его монах, который уже несколько часов его безжалостно допрашивал, значит, самые дурные предчувствия его не обманули.

- За несколько лет до татарского разбоя я поселился в том самом лесу, решив укрыться от мира, который мне вовсе не нравился. А лес был прекрасен. Казалось, что какая-то чародейская сила меня сюда привела, поломав безжалостно мою судьбу.

А потом, когда пришли татары, мне показалось, что я от них надежно спрятался. Но только казалось видно, потому, как Батый ко мне сам пришел в тот самый лес.

Конечно, шел он не ко мне, просто там столкнулся с Васильком, гордым, молодым и прекрасным князем. Я увидел его немного раньше, чем татарин. На челе у него было написано, что он погибнет, до заката не доживет.

А он только усмехнулся, когда увидел меня. Я знал, что не смогу его забыть.

- Ты от князей русских укрылся, а от татар не скроешься, - насмешливо говорил он.

Только это и успел сказать, когда черной тучей татарва налетела.

Князь бросился к своей дружине. Только плащ его мелькнул между кустами смородины.

Волхв помолчал немного, а потом продолжал свой рассказ.

- Все кончилось быстро. Они не смогли бы победить татар, их было слишком мало, да и слабы они оказались, не готовы к схватке.

Та встреча с князем стала для меня роковой. Мне казалось, что меня татары и не заметили, все они в его сторону смотрели. Но один из татар меня сразу заметил, схватил и приволок к хану. Я не был воином, а потому заинтересовал их особенно, может кто-то из русичей успел донести, мало ли желавших отличиться.

Тогда все и случилось. Меня взяли в плен вместе с другими. Были у них на меня свои виды. Я был для них иноверцем, такие им нужны были особо, это я понял почти сразу. Теперь и свободу, и жизнь я еще заслужить должен.

Никогда прежде я не был героем, да и просто воином не был, прошли те времена, когда волхвов, как воинов воспитывали. Но мне все еще хотелось жить, и как-то рано было уходить к предкам.

Мы все в плену у Батыя оказались в одинаковом положении, только силы и вои у них было побольше. Я держался из последних сил, но не много их оказалось. Татары видели, что сломать меня будет не так трудно.

№№№№№№№№№№

В тот момент известили об ужине, старик оборвал свой рассказ на полуслове, посмотрел на монаха и князя. Он пытался понять, пойдут ли они ужинать, или заставят рассказать все, что случилось.

Нет, они отправились вкушать яства, значит, у него остается еще какое-то время для того, чтобы побыть наедине с собой, поразмышлять.

- Зачем я здесь? - спросил волхв, когда они уже оказались за столом, разве не должен он был бежать от татар, пока несут его ноги.

Но он не мог переменить свою судьбу. Волхв понял, что он должен оставаться там, с пленными русичами, как-то облегчить их судьбу, и так спастись самому.

И словно Велес приказал ему там оставаться.

Ему не хотелось быть с князем, который подчинится и с поклоном отправится в орду. Даже Александр, что говорить о других, будет стремиться получить ярлык ценой страшных унижений.

И вдруг волхв замер и взглянул на Даниила. Князь окаменел от этого взгляда.

Странно, почему он так зависим от этого чужого человека? Случайна ли была их встреча? Почему он должен и хочет оставаться с ним?.

Но вот и трапеза закончилась

ГЛАВА 15 ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Теперь они снова заняли свои места. Надо было послушать все, о чем пытался рассказать им волхв.

- И что было потом, когда оба вы в руках у татар оказались? - спрашивал Даниила, он оказался самым нетерпеливым.

Но в тот вечер было еще одно странное явление.

Перед ними появился молодой человек в княжеских одеждах, которого ни Даниила, ни монаха никогда прежде не видели. Но по тому, как побледнел волхв, едва глянув на него, они поняли, что он им хорошо знаком.

И снова стали они смотреть на него терпеливо и внимательно.

- Ради спасения своей шкуры он предал бога своего, как когда-то Иуда, спокойно другой вере отдался, я пришел, чтобы не дать ему соврать, чтобы он рассказал, как это было на самом деле.

Он остановился около окна, заглянул в пустоту и темноту ночи.

- Жизнь страшная и коварная штука, тебе хорошо судить, княже, потому что для тебя не было выбора с самого начала. Но твои братья не всегда так безоговорочно на гибель шли. Они никогда не ползали перед ханом на коленях.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не отрываясь. Видно было, что князь хочет ему возразить, но почему-то промолчал. Он тут же отошел в сторону, словно убедился, что старик говорит правду.

Какая обида оставалась в его душе. Но эти слова, скорее всего, были правдой. Он не лгал и не лицемерил.

Но как с ними такое могло случиться? - вопрошал князь-призрак у тех, кому хотелось услышать рассказ волхва.

- Говори, при князе говори, - потребовал монах, - пусть ничего от него не укроется, коли он тут.

- Жизнь влечет и манит, молодым от нее труднее всего отказаться, - говорил волхв, - он пришел в себя после столкновения с призраком, и мог размышлять спокойно.

- первым они меня к Батью выволокли, сказали что-то о том, что я богу своему усердно служу.

- А не все ли равно, какому богу ты служишь?- спросил тот насмешливо, - пусть теперь и нашему, как своему послужит, а не захочет, тогда и не стоит с ним долго возиться. Много найдется тех, кто служить захотят.

А потом появился измученный и избитый князь. Он взглянул на призрака, словно хотел убедиться, что следов на теле его не сохранилось.

- Вот так все и решилось тогда. Помнится, подумал я, что как ни убежал, как ни прятался от князя, судьба все равно нас снова вместе друг против друга свела и поставила рядом, да еще столкнула лбами, так что один из нас от руки другого должен был погибнуть. Я уже знал, что случится. Не станет Василек о меня руки марать, о спеси и гордости его ходили легенды. Батый хотя и в первый раз его видел, но сразу понял все, что было у него за душой. Ему надо было, чтобы я с ним расправился. Так он и решил и князя убрать, и над богом моим поиздеваться.

И своих вояк заодно позабавить после удачной схватки. Все у него отлично тогда получилось.

- Что же ты о том думал? - спросил Даниил

- Может, вы и не поверите, но в тот день мне так жаль князя стало, уже не хотелось ничего делать, но я не волен был отступить. Но я уже ни в чем не волен был, но мне так жалко князя стало. Вот это и взбесило Батыя, видно. И в один миг он диким зверем сделался.

Да и князь одно только презрение высказал, в тот день окаянный все против меня было, что мне еще оставалось делать?

Он ждал от меня ответа, связанный, он издевался надо мной, я же потрясен был силой его духа.

- Убей его, - повторил Батый, - ты убей его, только тогда ты останешься жив.

Он стоял и смеялся.

Кажется, старик стал задыхаться, но невозможно так притворяться.

- Я не знаю, что меня больше разозлило, Батыево коварство или этот смех, понял я, что только о себе думать долен, что не нужен мне ни тот ни этот, если он так безжалостен, значит, есть тот единственный человек, это я сам, и все крутится вокруг меня, остальные пусть катятся ко всем чертям.

Они слушали молча.

- Я убил его сам один, тогда мне никто не помогал, - наконец произнес он эти слова, - я понял, что о себе думать должен.

Его голова опустилась ниже, словно он боялся взглянуть в глаза слушавших.

Никто больше не произнес ни звука.

- Не знал я, что тех минут и глаз его насмешливых не позабыть, что навсегда он со мной останется. Вот и будет гнать по миру и не позволит остановиться. Я не понимаю, как мог жить Святополк Окаянный после всего, что он сотворил тогда.

И снова показалось слушателям, что тени рядом с ним оказались.

- Помню, перед тем, как я бросился на него, князь своих стражников отбросил, плечи свои богатырские расправил. Что-то в Батые в тот миг переменилось, совсем другим он стал. Даже велел псам своим верным передать, что он помилует князя, своим сотником сделает, если он служить ему согласится.

Он не испугался того порыва, еще что-то ему такое обещал, говорил, что многие еще мол к нему придут, а иные уже верой и правдой служат и горя не знают. Ему Василек нужен был. А могло быть все иначе, может тогда и меня не одолел бы кошмар и мук таких я бы не испытывал.

Все оглянулись на князя, но он о чем-то своем думал, и больше его не было видно и слышно.

И был он уже ко всему безучастен, какой-то страшный холодок скользнул между ними.

ГЛАВА 16 СТРАШНЫЙ ФИНАЛ

Я слишком долго слышал смех, то ли его, то ли дьявола самого. Да и теперь еще иногда среди ночи слышу его, - прибавил волхв.

Все молчали. Испытывая сочувствие к старику. Но он и теперь никак не мог успокоиться, расплылся все больше и больше.

- Не собираюсь я подчиняться ему и слушать его не хочу, - заговорил вдруг долго молчавший князь, и землю свою отдавать на поруганье не собираюсь, пока жив.

И снова замолчал и погрузился в раздумья, словно бы его тут и не было.

- Не позволяй никакой татарве сломить себя, - обратился он к Даниилу, ты не монах трусливый да беглый, а русский князь, жаль, если и наши князья будут на монахов тех похожи, тогда пропали мы, совсем пропали.

- Но и бог был не сильнее меня, - говорил монах, стараясь найти хоть какое-то оправдание.

- Это твой бог, а мой Перун и мой Один никогда не были слабаками, - отвечал волхв, и они сошлись на этот раз, чтобы доказать свое право на существование.

- Мы служим разным богам, и нет ничего общего между тобой и мной.

Кажется, волхв было чем гордиться. Но все теперь смотрели на князя, пытаясь понять, что он думает, о чем пытается поведать.

Монах угрюмо молчал, он ощущал свое бессилье перед древней вечной силой и властью

Но он убеждал себя в том, что это все равно бы случилось, если бы не он, то с князем расправился бы кто-то другой. Но это его не утешало. Он

чувствовал, что ничего в мире не меняется, а убил он, не кто-то другой, и палача могло не отыскаться, если бы это сделал не он.

Наверное, все беды творились благодаря ему и таким как он.

№№№№№№№№

Что-то творилось за стенами монастыря. Сначала никто ничего не понял, но потом они почувствовали, что ударил гром, молния осветила полумрак, и блики ее металась по комнате.

Призрака рядом с ними больше не было, он куда-то исчез, скорее всего, он пропал навсегда, так они хотели думать.

- Он упал, я видел, как он упал, но убили его не сразу. Батый потребовал, чтобы он подольше мучился. Так оно и случилось. Он смеялся, а тогда так же лил дождь, и сверкала молния.

Остальным страшно было даже представить, что творилось в тот день, когда был убит князь.

А может быть старик просто хочет перепугать их всех до смерти?

Монах преградил ему дорогу:

-Остановись, княже, не стоит, он ведь мог и не рассказывать этого, значит, он уже наказан без нас.

Даниил услышал этот глас, хотя еще недавно готов был на него броситься. Но теперь он замер на месте. Ему больше не хотелось связываться с этими людьми.

Монах и сам не мог понять, почему он стал защищать от князя волхва. Ведь он был так же на него зол. Но ему не хотелось тут чинить расправу, чтобы призраки поселились и в этом месте тоже.

- Так он и помер тогда, про Одина своего бесконечно твердя, - закончил свой рассказ монах.

Он замолкал и снова начинал говорить, словно бы хотел сказать все, что думает.

- Не мог я больше там оставаться, ни одного дня не мог, - говорил он, хотя чувствовал, что все давно сказал, больше ему говорить нечего, - я сохранил свою жизнь, но это оказалось не главным. Разве мог я знать, что это будет за жизнь, какой она может оказаться.

- Я вспомнил о блудном сыне, который возвратился к богу. Вот и я не мог больше там оставаться, - твердил он решительно.

Монах упрекал себя за то, что оказался менее терпим, забыл то самое место в Библии, где была эта притча и Блудный сын возвращается к отцу.

Даниил наоборот слишком хорошо помнил это место. Яростный протест появился в душе, если бог может простить любую подлость, то какой

в том высший смысл. Он ничего этого не понимал и никогда не сможет понять старика, забившего до смерти молодого князя по приказу татарина проклятого. Что от них тогда требовалось? Он готов был обратить свой взор к Одину, уж если оставаться, то с ним, не нужен этот добрый и терпеливый Христос, который допускает такое.

Волхв взглянул ему в след. Но что сказать ему было на все те сомнения. Никогда князья не верили в нового бога, они останутся со старыми богами, но почему ему не становилось от этого легче?

ГЛАВА 17 ПРИЗРАК И БЕС

Василек, странный призрак появился и исчез мгновенно, со вспышкой молнии. Он пересек стену монастыря и опустился на камень рядом с бесом, где тот давно томился в ожидании

Князь опустился на камень и погрузился в размышления. Ему казалось, что он уже обо всем забыл, но теперь понимал, что это не так.

Он оглянулся вокруг, все было по-прежнему, хотя прошло столько лет. Но ничего не изменилось, наверное, Батый и проклятые его разбойники, наверное, еще не добрались сюда, оттого эти места казались прекрасными. Здесь все было ярким и прежним. Если бы он не взглянул в рожу тому типу, то порадовался бы своему возвращению.

Сейчас же он испытывал только раздражение и не мог успокоиться.

Его сердило то, что монах раскаялся, и признал то, что было совершено. Он думает только о своей душе и решил искупить свои грехи. Как он может о таком думать, когда причинил всем столько зла. Ведь если бы с ним расправился татарин, он не чувствовал бы себя так скверно, ему было бы легче, потому что татары были врагами, но Батый хитер как бес. Он знает, как с ним расправиться, что можно сделать, чтобы все было иначе.

Теперь от него невозможно отделаться.

В тот момент он и заметил того, о ком вспоминал:

-Ты решил задержать моего князя? – поинтересовался бес.

- Да, - спокойно ответил он, - твой князь задумал скверное, насилие над собой, я хочу его остановить хотя бы на время, - произнес он решительно.

- Но ты отстал от жизни, ты ничего не понимаешь, все изменилось за эти годы, твоя героическая гибель никого не спасет.

- Если ты так считаешь.

- Я сегодня за русичей, и то, что я считаю, не худшее, а лучшее, из всего, что может случиться.

Он и сам удивился, когда признался в этом.

- Лучшее? - переспросил Василек, - то, что один из лучших князей перед татаринном склоняется, хочет молить о пощаде, это лучшее?

-Да, - спокойно ответил тот, - это лучшее, потому что не только о себе думать надо, просто для того, чтобы что-то от славян сохранилось, - ему и самому как-то не по себе стало от этих слов, но гордость и готовность к самопожертвованию Василька вывела его из себя.

Князь молчал, ему не хотелось продолжать этот разговор, ему не хотелось думать о том, что мученическая его смерть была зря и напрасно. Но зачем он здесь появился? Не думал ли он о том же самом.

И снова вспомнил он то время и ту поляну, как покачнулся Батый в седле, рассмеялся победно, махнул Иуде рукой.

А что случилось потом с настоящим Иудой? Кажется он повешался, как говорил монах. Князь поблагодарил небеса за то, что ему не пришлось вот так покинуть мир.

Бес тем временем куда-то исчез. Он всегда появлялся и исчезал, когда ему этого хотелось. Ну что же и ему пора отправляться, на земле все спокойно и прекрасно. Он решил поскорее уйти в свой мир, понимая, что этот стал чужим. Уходя, призрак решил больше не возвращаться назад. Может бес и прав, по-другому надо было ему действовать. Но сам он иного пути не видел.

№№№№№№№№№№

Князь хотел уйти, но снова оказался в келье. Он оглянулся кругом и увидел Ярослава и Михаила, которые тоже были тут, среди живых.

- Они и вынесут тебе приговор, старик, - услышали все голос беса. Все они сразу догадались, кому он принадлежал. Им стало немного не по себе.

Теперь здесь было три князя, старик все ниже и ниже склонялся к земле. Слишком непосилен оказался груз.

- Они и вынесут тебе приговор, - снова повторил тот голос, он решил, что теперь можно сказать обо всем случившемся.

Снова воцарилась тишина, каждый из них должен был что-то для себя решить. Но они молчали, молчали долго, все еще не понимая, что им делать теперь.

- Оставь его, - твердил Василек, - пусть он останется, пусть его жизнь будет страшнее смерти.

Остальные не возражали против такого поворота.

Даниил не был согласен с этим решением, но изменить ничего не мог.

- Измените решение, - помимо воли произнес он, хотя еще недавно собирался молчать.

Князь, ты же добровольно собирался идти к Батыю, кланяться ему. А этого принудили так поступить.

Даниил отпрянул от них, но понял, что они по его душу, а не к князю пришли. Они собираются с него все шкуры пустить.

Они правы, все изменилось в этом мире.

Что бы они ни говорили, как бы не убеждали его, не угрожали ему, он не согласится с ними.

Такое решение он тогда и принял.

Князья тоже заметили это. Они не понимали упрямство Даниила и словно в чужих мирах существовали. Нет, этот князь слишком мудр или он просто заблуждается. Но и то и другое было чуждо ему.

О старике уже забыли, а он заставил их снова думать о себе, хотя от такого невнимания ему легче не стало.

Уже во второй раз сильные мира сего даровали ему жизнь. Но была ли она ему нужна?

- Я спасу свою землю, но не безрассудной гибелью своей, - произнес Даниил, он заставил их еще пристальнее на себя взглянуть.

- Но почему он, он не сможет, - думал каждый из них

Но было ясно, что на рассвете они отправятся туда вместе с Даниилом, они будут там, отомстят Батыю и помогут своему князю. Но никто в том не успел признаться.

Старик, пока все смотрели на князя, куда-то исчез, его нигде не было видно.

Даниил не сомкнул глаз в ту ночь, он не мог просто так заснуть и видеть сны. Ему хотелось подумать о том, что произошло.

- Зачем они сюда пришли? Что они от него хотели, кто знает это? Но каждый выбрал свой путь. Никто их тогда не останавливал. Да и послушались бы они кого-то?

Даниил оглянулся и посмотрел на распятия, ему казалось, что в этот мир что-то совершилось. Но нет, ничего не изменилось.

Потом он узнал, что тогда упал и умер старик, которому недавно подарили жизнь.

Кажется, никто не был причастен к этой смерти..

ГЛАВА 18 ИЗ МОНАСТЫРЯ НА ВОЛЮ

Монастырские стены остались за спиной Даниила и его свиты. Можно было передохнуть в чистом поле, забыть о том, что там происходило, забыть

о призраках, которых было слишком много, о палачах и жертвах, обо всем, что тяготило и мешало жить в последние несколько дней.

А в чистом поле он ощутил ту свободу, о которой только мучительно думал и гадал.

А с какой радостью размял свои кости Мефи, об этом говорить не стоило, сам себе он казался счастливым.

Батый еще не подозревал о том, что его ждет, если его ищейки донесли ему обо всем, а наверняка так и было, что к нему направляется князь Галицкий, то, что будет после его появления, и придумать страшно. Этого не мог сказать и самый проницательный пророк.

Но после стольких дней ожиданий, после той злобы, которую он успел воспитать в себе, можно сказать, что дни ему предстояли шумные, неожиданностей будет много.

Он вовсе не собирался защищать этого бога, у него и мыслей таких не было. Но возвращаться в пещеру к кустам и идолам он тоже не собирался.

Батый должен был за все ответить. У него будет такая возможность, А пока неслись кони, казалось, что они обгоняли ветер. Иногда ему даже нравилось казаться не таким могущественным, каким он оставался. И это ему удавалось, ему вообще многое удавалось, чего бы ни захотел, все получалось.

Наверное, князь был рожден для простора и быстрого коня, переносящего его из одного мира в другой. Порой казалось, что он мчится навстречу смерти, но при этом он только обретал уверенность и силу.

Но то ли устал Даниил от прошлого, то ли полетом наслаждался, но ни о чем другом не думал в те минуты, веселый и счастливый.

Странные перемены заметили его спутники, непонятна им была окрыленность и радость князя. Но бес радовался от души и любовался им, понимал рогатый, что он победил. А ведь это он сам организовал поединок с монахом и волхвом, и призраками прошлого, испытывая его на прочность. И в этом поединке он победил, да и вел себя все время достойно, не о чем ему было переживать.

Но даже монах понимал, что не случайно они оба там в один миг оказались. Да и что такое случайность, если не закономерность. Но главное, что Даниил теперь подготовился к грядущему, он не станет так безрассудно, как Василек уступать, не бросится в панику при первой опасности, а если бы он повел себя не так достойно, как Александр, то Мефи принял бы это как личное оскорбление, а этого не должно случиться.

Теперь он был совершенно в нем уверен. Никто ему палки в колеса в последнее время не ставит, можно немного перевести дух.

Но он заметил, что с появлением монголов, все переменялось среди нечистых. Исчезла их бесшабашная веселость, многие из них свои дома подрастеряли, те, сгорели в пожарах, вот и злились, и ярились больше остальных.

Наверное, если бы люди были чуть посмелее, защищали бы свой мир, то все бы у них получилось, и не были бы черти бездомными и одинокими.

№№№№№№№№

Они ехали уже целый день. Но на закате все резко изменилось, там, где оставалась чужая, прекрасная природа, появились выжженные леса и следы страшных пожаров. Такие уже видел Даниил в окрестностях Киева.

И переменялся в лице Даниил. Радостное состояние, заставившее поверить, что за спиной у него крылья, исчезло мигом. Теперь он казался несчастным и поверженным.

- Мы допустили это, - снова повторял он, - и что еще сможем допустить?

С кем разговаривал князь, сказать было трудно. Но это был вопль о спасении, об изменении его плачевного положения. Гарь от бывшего недавно пожара душила его, кажется больше, чем спутников, он должен был все это ощутить и пережить еще раз.

Но ведь это только начало, а что будет там, где они поднимутся и объединяться против этой дикой силы, не в силах больше молчать?

Он вспомнил и кожей почувствовал муки того человека. Который прежде не вызвал в душе добрых чувств, не мог быть прощен. А теперь, вдыхая гарь, он понимал его муки, чувствовал, что должно пережить, завидовал, ощущая, что для него все было позади.

Для Даниила же все только начиналось.

Он вспомнил насмешливый взгляд старика. Как легко возмущаться и судить, сидя за монастырскими стенами. Легко говорить то, что уже совершил, но если все только начинается и ничего не ясно.

- Я не князь, - твердил старик, но и князь не выдержит, если сначала начнет строить из себя героя. Об этом лучше не думать и не гадать, а все принимать таким, как есть на самом деле. Там будет видно, кто и как станет себя вести. И в тот момент он обратился к бесу, который наверняка рядом будет. Если человек такого не в силах выдержать, то пусть он поможет. Неважно, как он это сделает, но пусть он заставит выстоять и не сдаваться до конца, чего бы это ни стоило.

Показалось князю, что тот ему это пообещал, все-таки пообещал. А может он просто успокоил себя, но на душе стало легче.

ГЛАВА 19 ГИМН И ПРОКЛЯТИЕ

В тот момент всадники издалека заметили фигуру в белом. Она была еще очень далеко, невозможно разглядеть, кто это мог быть мужчина или женщина.

Но двигалась она как-то очень медленно, так, что больше была похожа на призрак, чем на живого человека.

Странная тревога поселилась в душах. Ее ощутил и Даниил.

Прошло какое-то время, они оказались рядом. Это был дряхлый старик. Одевание колыхалось от ветра на его изможденном теле. Возможно, он был слеп, а может, просто очень плохо видел.

Но он остановился, поджидая путников, долго и пристально вглядывался в их лица, пока они не стали высказывать беспокойство.

Даниил едва сдерживал коня своего. Тот вовсе не хотел останавливаться. А может, испугался странного человека, поднялся на дыбы. Того и гляди, задавит старика или сбросит самого князя.

Но тот умело и быстро с ним управился.

Пришлось все-таки остановиться.

Наверное, когда-то так Олег Вещий встретил своего волхва, та встреча была роковой. Это событие оставалось даже в летописи потом надолго. И предсказал тогда старик великому князю погибель.

Но Даниил гнал от себя мысли, был уверен, что не может дважды случится одно и то же. Не бывает так.. Опасаться ему нечего. Но он с трепетом ждал, пока старик заговорит.

- Они были здесь, - говорил тем временем старик, всех убили, живых угнали в плен, только меня и оставили, чтобы я тебя встретил, все тебе поведал.

Он перевел дыхание, хотел еще что-то сказать, но неожиданно повалился из седла.

Старик был мертвы, когда воеводы князя над ним склонились. Пробудился он видно, чтобы только поведать о случившемся. Он лежал на дороге, и странно было оставлять его одного.

. Но и похоронить его они никак не могли, отнесли подальше от дороги под ракитов куст.

Но потом князь остановился, и велел сложить костер, решив, что уж если он оказался у них на пути, то надо бы все сделать по-людски.

И древнее язычества, кажется, снова вернулось в эту реальность. Исполнить старые обряды оказалось значительно легче, чем новые, вот они и не стали выбирать.

Костер полыхал на пепелище, там уже лежало тело старика, огонь метнулся к небесам. Он успел заметить, что на теле старика не было креста, значит, они поступили правильно с ним.

Оставалось только вспомнить прошлое, когда не было татарской угрозы, плена и рабства. И невольно с ним рядом появились и первые князья Рюрик и Олег. Боян поведал о славных их делах и походах.

Наступили сумерки, костер еще ярко пылал где-то там, вдалеке. Мефи вместе со всеми любовался этим пламенем.

№№№№№№№№

- Что там происходит, что это за костер? - спросил удивленно Олег Вещий.

Сейчас они были без беса и ничего не могли понять.

- Не знаю, вроде у христиан не приняла сжигать людей, наверное, кто-то по дороге помер, вот и хоронят, а о наших обычаях Даниил не может знать ничего.

А может быть, просто старые обычаи проснулись в душах этих людей, от безысходности и уважения к тому, что со всеми с ними было тогда.

Этот костер для него значил больше, чем в обычные времена.

Князьям хотелось оказаться рядом с Даниилом в тот час и быть вместе.

А костер между тем догорал.

Воины расположились на ночлег, около догоравшего костра.

И только князь сидел и никак не мог сомкнуть глаз. Мысленно он возвращался к язычеству. Это придавало ему силы и уверенности в себе.

Ему казалось, что это Перун вывел на дорогу старика, чтобы он смог понять кто он такой, почему тут оказался.

Не мог же он оставить тело старика на растерзание зверей и птиц. И снова он почувствовал себя одним из них. И не собирался он отдавать себя на муки и распятие, как это сделал Василек.

Это Перун с Велесом заставят его яростно бороться и побеждать, и нет у него другого выхода, нет, и не будет.

- Если все равно смерть, то это будет совсем другая смерть, - решил князь Даниил

В тот костер в полночь бросил князь свой золотой крест, но ни одна живая душа не могла видеть этого.

Мефи торжествовал, он понял, что теперь князь в его власти.

Наверное, Перун за ними внимательно следил и все сделал правильно.

Утром, когда все пробудились, они еще раз посмотрели на догоревший костер. А потом стали собираться в путь.

ГЛАВА 20 ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Даже к гари от пожарищ со временем можно привыкнуть. Татары тут особенно постарались.

Все меньше запала оставалось у воинов и воевод, но они с удивлением взирали на своего князя.

Они спрашивали друг у друга тихонько, откуда берет он силы. Что помогает ему одолеть опасности? И спокойно направляться прямо в Пекло..

Но и сами воины постепенно преобразались.

- Как часто пожары над русской землей бушевали, сколько жадных и воинственных взглядов сюда было брошено, но это все было такой мелочью в сравнении с тем, что творилось теперь тут.

Вот и теперь живым и мертвым пришлось против них воевать. Но надо было сохранить этот мир, эти земли целыми и невредимыми.

Они словно бы отомстить за предков своих хотели.

Они должны были выстоять и сохранить свой мир, надо было избавить Русь от Татар, а себя от рабства.

Но он не видел ту степь, которая раскинулась вокруг, там могли разместиться и табуны коней и полчища врагов лютых. Если бы она не была так велика, может и беды такой бы не случилось, ведь татарам тут так просторно и легко дышится.

Да и что сетовать на то, чего исправить невозможно. Но как хорошо было бы, если бы высокие до звезд горы пересекали эти степи, тогда может быть и смогли бы они так вольно чувствовать себя.

Уже в конце пути, в той самой степи было Даниилу видение. Трава прорастала сквозь гарь. И становились там русские полки под руководством какого-то нового князя. Мчались русичи навстречу татарам.

Так неожиданно все открылось. Снова, как и перед стариком, остановился конь, и видел он, как сошлись русичи с татарами, яростно они боролись, много там было убитых, никто ни в чем уступать не собирался.

Потом татары дрогнули и понеслись в разные стороны, а наши всадники неслись за ними и добивали на лету.

Не Батый, это был, а какой-то совсем другой хан, он рычал как зверь и метался между их рядами.

Даниил почувствовал, как хотелось ему оказаться в гуще того сражения. Но какая-то незримая стена отделяла его от того мира.

- Так и будет, это сон, а не колдовство, рано или поздно, мы победим.

Багровый закат осветил его лицо, он был полон веры и гордости за себя и свой мир, который победит рано или поздно и эту напасть.

Но внезапно опустилась тьма крошечная на этот мир. Это была последняя ночь перед прибытием в татарский стан.

Тогда снова появился бес.

- Видал, что будет, это я тебе нарочно показал.

- Когда же такое случится? - удивленно спросил князь. Но он только немного помялся, а потом и сказал:

- 1380 – эта главная битва, и будут звать князя Дмитрий, а хана Мамай.

- Сто тридцать зим? - простонал Даниил, - да как же столько пережить.

- Для одного человека много, а для мира ничего страшного. Сбудутся ваши надежды, но надо силы накопить да сделать все ладом, чтобы татар разбить.

Князь молчал, кто его знает, о чем он думал, бес же размышлял о том, сколько же раз уже приходилось ему в разное время разным князьям показывать такие вот картины грядущего.

Но дело стоило того, они должны верить и надеяться на лучшее, а оно рано или поздно, но все равно наступит.

ЧАСТЬ 4 СВЕТА ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

ГЛАВА 1 ПРОШЛОЕ И ГРЯДУЩЕЕ

И снова была бессонная ночь. Разве можно уснуть после всего, что он увидел нынче. Даниил припомнил черты красавца-князя, и никак не мог избавиться от этого видения.

Случайно ли именно он останется в истории, о нем, лучшем из лучших будет помнить земля русская. Но должен же кто-то за муки и страдания отомстить.

Даниил вдруг кожей почувствовал, что татары совсем рядом. Ему послышался даже храп коней, речи их рядом раздаваться стали.

Но это были кони его воинов за спиной, как он понял скоро.

Не было никакой нужды татарам по ночам их разыскивать, ведь они сами туда направлялись.

Правда, теперь, когда был пройден путь и за спиной оставались родные земли, он мог успокоиться немного.

Что бы ни случилось через сто лет, ему предстояло оставаться в этом времени, никакого другого у него не будет, вот и надо было думать о завтрашнем дне, а не о далеком времени, где только мифы о нем останутся, если останутся вообще.

Но он чувствовал, что дни будут если не последними, то очень тяжелыми.

Бес же дивился переменам, с ним творившимся. И чувствовал рогатый, что с этим придется смириться.

№№№№№№№№

В ту ночь князь почувствовал усталость. Ему не хватало жены рядом, хотя он думал о ней не часто, но дикая тоска овладела душой. Тихий голос, улыбка, слова одобрения, все это теперь было необходимо, но как же далеко она была.

Князь не представлял себе, как она была далеко в те дни и часы, он этого просто не мог знать.

Вот и сидел он на лесной поляне перед Батыевым станом, пытался понять и угадать, что может случиться, нарисовал картину происходящего там, был готов ко всему.

Конечно, многие считали его отважным, мужественным, великодушным. Он гордился такой характеристикой, и не захотелось бы ему казаться другим. Но пройдя через Батыев шатер, разве можно оставаться таким, не слишком ли много он оставит, потеряет там?

Ему придется просить, чтобы хан позволил ему оставаться властелинам на своих землях, и все в его желтых руках, он может и не позволить сделать этого, передать ярлык другому, и тогда.

Но тут же появились какие-то всадники. Их было человек 10. Они передвигались ночью, приближались к потушенным кострам. Даниил не испугался, а только подсадовал на то, что они нарушают покой. Да в тот момент, когда ему меньше всего этого хотелось. Но он не мог отмахнуться от них.. Это были русичи, а не татары, хотя говорили они как-то странно, словно на чужом языке.

- Не спится, княже? - спросил один, выдвинувшийся вперед, вставший перед ним, - ну что же, мы желаем тебе удачи. Она еще пригодится тебе. Батый не в духе, а ты долго ждать заставляешь.

На губах появилась усмешка, в полумраке ее трудно было разглядеть. Но сразу бросилось в глаза, что он среднего роста, мускулист, и силен, странно самоуверен, словно юный степной бог и все степи подчинялись ему.

Но кто он? Откуда в нем это?

Даниилу что-то показалось знакомым, хотя никогда прежде он не видел этого человека. И в тот момент, когда он хотел спросить о том, тот рассмеялся, обратился к своим спутникам.

- Мы слишком задерживаемся, вперед, если вернешься живым назад, передавай привет брату моему, он восхищается, когда говорит о тебе.

Пока его еще не осенила догадка, кто-то крикнул:

- Александр, путь свободен.

Прежде, чем князь решил вскочить на коня, они исчезли во тьме, будто их не было вовсе.

- Так это он и есть? - выдохнул Даниил, - отчего же я с самого начала не догадался, а ведь мне уже говорили, что он в орде, мы должны были, наконец, встретиться. Но как он мог безошибочно меня узнать? Почему так стремительно уехал, даже не оглянувшись?

И снова выплыли из тумана насмешливые лица, словно не от Батыя, а от самого Перуна они возвращались.

Как хотелось Даниилу вот так же себя чувствовать. Но он понимал, что это невозможно, он совсем другой, таким и останется.

. То, что Окаянный татарин позволяет Александру, ему вряд ли он позволит. Тот его обо всем уже предупреждал.

Начинало светать. Он все еще думал с нескрываемым интересом о том, как странно они встретились с человеком, о котором он столько слышал с самого детства. А столкнулись на пороге Батыева княжества. Надо будет еще выяснить, добрый ли это знак, что из всего этого может получиться.

Бес погнал своего второго любимца подальше от первого. Ему не хотелось, чтобы они встречались и говорили. Он не должен сбивать Даниил с пути истинного, показывать, как все легко и просто ему дается.

Они разные и пути у них будут разные. Испытания Даниилу уготовлены более страшные.

Легкость и обаяние князя Александра позволит его громкому имени оставаться в веках. И те, кто не сможет с ним столкнуться, запомнят его таким. Чтобы рассказать о прекрасном и смелом Александре, победителе и любимце русичей, нужно было отодвинуть в тень не менее значимых и сильных князей.

Даниил это кожей чувствовал, становилось больно и обидно, но он был не властен над всем этим.

Колдун говорил ему, что жизнь ровно такая, какой мы ее себе воображаем. Вот Даниил и пытался ее сделать такой.

Александр тоже чувствовал, что с князем Даниилом у них есть какая-то тесная связь, но ему некогда было долго раздумывать по этому поводу.

Теперь он оставил Даниила далеко позади, но почувствовал, что они еще будут вместе, и останется между ними та самая прочная световая нить.

ГЛАВА 2 ВО ВРАЖЕСКОМ СТАНЕ

В то время, когда Даниил приближался к ханским владениям, Батый поджидал его и немного волновался. Он знал, что один из самых могущественных князей направляется к нему, и радовался тому, что так происходит.

Но Александр пред ним и предстал тогда. Ему не хотелось обратиться с героем так, как со всеми остальными, настраивать его против себя тоже не хотелось. Да и должен быть кто-то обласкан. Но теперь, узнав, что Даниил, переломив себя, направляется к нему, он обрадовался, раздумывал, как ему лучше встретить этого русича, так, чтобы ему не захотелось с ним попрощаться, чтобы он не переметнулся к его врагам. Но с другой стороны, и равным с ханом, этот явно спесивый князь не должен был себя чувствовать. Этого Батый бы не потерпел.

В тот день, накануне Данилова появления, он восседал на троне в шатре в окружении жен и вассалов, размышлял о том, что он добился всего, чего ему бы хотелось, не стоило желать большего. Но получивший все с самого начала без труда, он не стремился заполучить что-то еще, понимая, что все забрать нельзя, да и куда девать это все? А когда слишком много хочется, то лишиться можно еще большего. Он выполнял заветы деда, но и сам был хитер и коварен, вот теперь и мог почивать в роскоши, к которой был почти равнодушен, хотя, кто его знает, что было бы, лишись он ее в одночасье.

У него было много, даже больше, чем ему хотелось, по одному его жесту, исполнялось все, что он хотел и мечтал, а потому можно было сказать, что жизнь удалась. Любой из людей был к его услугам, и сам он мог вершить судьбами мира.

Да, они называли его варваром и необузданным дикарем, но этот дикарь решал их судьбы, казнил и миловал, дарил власть и лишал их власти при желании.

Вот с Александром он мог быть щедрым и великодушным, но о жестокости его ходили легенды.

Он не унижал избранных, ведь они могли ему пригодиться, и тогда придется на них опираться.

Часто он думал именно о Данииле Галицком, хотя в отличие от Александра тот все время был в тени, но слава его от этого не становилась меньше. У него были лучшие земли, он был богаче Киевского и Владимирского князей, да и воин, говорят отважный.

Говорили, что Даниил не собирался ему подчиняться, тогда почему он оказался тут?

Батый ждал, он умел ждать и терзать тех, кто от него зависел. Если он так разумен, как о нем говорят, то он придет с поклоном, и вот тогда.

Надежды хана, судя по всему оправдывались. Но возможно тот свернет с дороги и помчится в другую сторону? Хотя если он серьезен, то так не поступит.

Нет, единственное, чего хотелось Батыю, взглянуть на князя, вот и приказал не чинить ему препятствий.

Волхвы молчали после того, как сбежал старший из волхвов, они гадали о том, как хан с ними дальше поступит.

Но Батый, как он не был суров, с оставшимися жрецами расправляться не собирался. Лучшее, что он мог – забыть о чародее, никогда его не вспоминать, Вот если он решит вернуться назад, тогда и надо будет подумать о том, что делать дальше.

Батый пребывал в благостном настроении, никто и ничто не заставило бы сменить гнев на милость.

Но вот тень набежала на его лицо, произошла какая-то перемена с ним.

Одна из его жен, любимая, взглянула на хана с тревогой, стараясь угадать, что так его волнует и тревожит. Но никто не говорило о том, что он должен измениться.

А он просто подумал о том, что если Даниила не будет у него завтра, то он накажет его, просто сам отправится в поход на Галич. Вот это привело его в волнение и заставило немного перемениться в лице.

Ему не хотелось отправляться в поход, но был ли у него какой-то выход, если князь решил играть с ним в прятки, не будет же он ждать и звать его снова.

Да, уже были сожжены и Рязань, и Тверь и Киев, следов не осталось от их святынь, так почему Галич должен оставаться?

И действовать надо было немедленно, пока они не уселись ему на шею и не стали им командовать, а Русичам только дай свободу.

Он решительно поднялся, и с грацией барса, вышел из шатра, вскочил на коня и помчался в степь.

ГЛАВА 3 ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

И летел Батый, все яростнее озираясь по сторонам, словно желал подняться до самых небес.

Но вдруг заметил хан, что он остался совсем один, в этой яростной погоне за призраком никто не смог за ним угнаться.

А что если русичи попадутся ему на пути. Ведь им есть за что с ним посчитаться.. Пусть не узнают они в нем хана, но встретив ненавистного татарина, вряд ли останутся, чтобы не расправиться, не выместить всю ярость и злобу на него. А если кто-то из них умудрится узнать хана – главного своего врага.

Но на радость Батыю, хотя притомленный конь уже не так быстро неся, но он все-таки так никого и не встретил, пока не добрался до своих. Только пот струился по лицу, и странно блестели глаза. Он был хорош, силен, вынослив. Сегодня ночью он пойдет к трем женам, и зачнет с ними сыновей, их должно быть много, чтобы никогда не перевелся род Батыев.

Сил у него от этой поездки не убавилось, а наоборот только прибавилось.

Он усмехнулся, подумав о женщинах, иногда он был с ними ласков и нежен, в их объятьях забывал обо всем на свете.

Батый усмехнулся, думая о женах, иногда он бывал ласков и нежен с ними, в их объятьях забывал обо всем на свете. Но дурман быстро проходил, как только наступал рассвет, он становился властелином не только в постели с наложницей. Тогда он возвращался к реальности и чувствовал себя еще лучше, чем в часы утех и власти над женщиной.

Конечно, потехе может быть только час, кто же с этим спорит.

Ему непременно нужно думать о важном, а женщины не так слабы, как кажется. Они хитры и коварны, их всегда нужно остерегаться. Но Батый решил, что пока ему нечего остерегаться.

Нет, он родился под счастливой звездой, и удача никогда не изменяла ему, и не изменит никогда.

В тот самый миг он увидел славянку.

Она вздрогнула, услышав храп коня, и вышла на опушку леса.

Нет, она не была похожа на простолюдинку, кажется, она вовсе не испугалась князя. Но кто она и как тут оказалась? Во взгляде ее появилась насмешка, словно она хотела что-то показать и рассказать ему.

В душе вспыхнули новые, прежде непонятные страсти.

Так она стояла перед ним несколько мгновений, а потом решила вскочить на коня, тот тоже оказался поблизости. Батый невольно поддался

порыву и очарованию, еще с детства он был равнодушен к этим светловолосым девам, даже когда жег дома и города, где они обитали.

Хан смотрел, как она удалялась, уходила от него прочь, потом вдруг бросился следом. Ему показалось, что ей хочется, чтобы он догнал ее.

Но если даже ей этого не хотелось, какая разница, он хан, и она принадлежит ему по праву властелина.

Во всем этом было что-то невероятное, светлые волосы развивались на ветру, конь не мог от него ускользнуть.

Но в глазах ее не было страха, и когда он потянулся к ней, то она полетела вниз со своего коня, словно бы какая-то сила на нее действовала.

Девушка лежала на земле, хотя сам хан не прилагал к этому никаких усилий.

Конь пронзительно заржал. Они оставались в этом мире совсем одни. Она была прекрасна. Он испугался, что она умерла или покалечилась, но вроде ничего такого не случилось.

Ее ресницы дрогнули, когда он оказался рядом. Она оттолкнула его вдруг, оживившись. Он рванулся к ней почти с яростью, тогда и она, словно проваливаясь в пропасть, прильнула к нему.

Сумрак укрыл этот мир, и этих двоих, непонятно как оказавшихся вместе.

Обычно ничего такого в этом мире не случалось, славянки были дики и агрессивны. Где-то хана разыскивали его воины, и у них не оставалось времени, но все это перестало существовать, был только он и она, и где-то далеко, за высоким лесом весь остальной мир.

Когда Батый уже сидел в седле, он все еще не понимал, что же происходит, и пытался понять, что это было? Колдовское наваждение. Он знал от матери своей, что женщин, с которыми ты на ложе остаешься, надо опасаться, что они особенно коварны, а порой и невыносимы, а особенно покорные, тихие на первый взгляд татарки.

Но славянки могли быть еще страшнее и опаснее для него, только он о том даже и не думал. На этот раз он забыл об опасности и потерял голову.

И знал, что эту случайную встречу не забудет никогда.

Девушка отпрянула первой, она словно очнулась от забытья. Она рванулась к своему коню, вскочила на него и полетела прочь. Кажется, она догадалась о том, кто он такой, поняла, что произошло.

Он не мог отправиться за ней, хотя больше всего хотел увести ее с собой, но кожей почуял опасность.

- Что произошло, почему он так легко отпустил девушку? Но она настоящая ведьма, в том не было сомнений.

Оставалось ему только думать о превратностях судьбы, о странной встрече, о том, что больше ее не будет, и он никогда не сможет пережить подобных чувств.

Но почему она должна оставаться в объятиях какого-то слабого и подчиненного ему князя, разве это справедлив?

Если бы она снова вернулась к нему, сама разыскала и пришла, разве он не достоин такого дара?

Но этого, скорее всего никогда не случится.

Воины, наконец, отыскали его. Хан усмехнулся и только пожал плечами.

№№№№№№№№№№

Рина стояла на противоположной стороне леса и слушала, как удаляется хан.

Сколько времени пришлось ей потратить, чтобы случайно его тут встретить. Она была ведьмой и видела, когда и как они должны были встретиться, и все-таки ей пришлось слишком долго и упорно ждать его.

Она знала о своих колдовских чарах и хотела поразить его в самое сердце, чтобы потом ни одна другая не была ему мила.

Ей хотелось одного, - отомстить за сожжённый град и обрести над ним власть, равной которой не будет нигде больше.

Он не уйдет от нее, он забудет о своих набегах и поджогах, ей надо было действовать наверняка.

ГЛАВА 4 ЯВЛЕНИЕ КНЯЗЯ

О чем же думала в те минуты Ирина?

Она радовалась, что все так вышло. Хотя и не ожидала, что хан, которого она хотела использовать для своих целей, оказался так привлекателен и страстен.

Он запад ей в душу, что было совсем не желательно, только что теперь с этим делать?

Он был нужен, но только для того, чтобы спасти возлюбленного.

Как давно началась эта странная история. Она и сама не могла вспомнить, в какое из лет это случилось. Было ей весен десять тогда, когда она с ним столкнулась вдруг.

А он был юн и прекрасен, но даже не замечал ее в той толпе. Она чувствовала, что им никогда не быть вместе, он возьмет взрослую, как бы красива и юна она не была, но не очаровать ей его никогда.

Стать наложницей? Она, не задумываясь, шагнула бы на его ложе, но он любил свою жену.

Но и она ни о ком другом думать тоже не собиралась тогда.

Это и потешало и злило ее друзей, тех, кто хотел стать ее мужем и жить с ней до старости.

Она узнала от старого волхва, что когда-то были жрицы, служившие своим богам, отданные только ему, и она жалела о том, что поздно появилась в этом мире.

Но она сама приговорила себя в жертву или жрицу неведомому богу. Сначала казалось, что эта блажь пройдет, но потом почувствовала, что не пройдет никогда.

Ирина знала о решении, которое должен был принять ее князь, издали следила за ним внимательно, как только поняла, что он отправляется к хану. Она знала, как станет действовать.

Она решила подчинить себе самого Батюя, чтобы как-то помочь князю. Странная блажь, но так она решила тогда.

А если она узнает, что князю грозит какая-то опасность, тогда она и ворвется к нему и сделает все, чтобы он оставался цел и невредим.

Пока все шло так, как ей хотелось. Ни на кого из воинов надеяться она не могла. Она чувствовала, что Даниил приближается, и при этом сердце ее замирало от радости и боли.

Она еще не видела их, но знала, что они где-то рядом. И у нее все получится, хотя бороться с этим ханом будет труднее, чем с тем, каким она его себе представляла.

Она чувствовала, что он может быть и безжалостен и яростен, но ее чары, ее обаяние тоже немало значило, она казалась слишком самоуверенной. Она чувствовала, что ничего не сможет сделать там, на том свете, но здесь мир был ее власти, или ей это только казалось?

Размышляя о том, что может быть и чего не может, она ехала дальше. Конь сам вел ее туда, куда ему хотелось.

И тут она услышала храп коней и голоса людей. Сердце заколотилось в груди от радостного предчувствия.

Она вдруг поняла, что ее ненаглядный князь рядом, она смотрела на Даниила из-за своего укрытия, благодарила небеса за то, что ей была подарена эта встреча. Она молила о том, чтобы не заржал ее конь, не хотелось объяснять князю, кто она такая и почему тут оказалась.

Но если бы Даниилу сказали о том, что девица следил за ним, смотрит на него как на дивного бога Ярилу и чувствует себя счастливой, он бы

никогда не поверил этому, да и некогда ему было разбираться с тем, что творилось в этом мире.

Александр куда-то поспешно умчался (она видела их свидание), он снова остался один. Сколько раз ей хотелось пойти к нему, но она понимала, что не должна появляться, иначе может все испортить. Да и что она ему могла сказать теперь?

Она покинула свое укрытие на рассвете, и по-прежнему готова была за него и в огонь и в воду.

ГЛАВА 5 ДОЛГОЖДАННЫЕ ПЛЕННИКИ

Рассвет был отмечен для князя началом нового времени. Он понял, что где-то за чертой осталась та жизнь, к ней больше не вернуться, да и не надо возвращаться. Теперь он отправился в другие времена, решил там обосноваться,

К Батыю он отправился, убежденный в своем поражении. И будь он немного слабее, давно бы стал сожалеть о том, что случилось, но повернуть коня назад не было никакой возможности, оставалось только двигаться вперед.

Воины пробудились неохотно, и поехали туда, где по их расчетам должны были оказаться татары.

Князь был готов к любым испытаниям. Он мог бы отречься от того бога, в которого он не слишком и верил, а о другом они не знают и спрашивать не станут, вот и прекрасно.

А вот столкнуться с врагами лицом к лицу, это пострашнее ложного отречения, а значит вольно или невольно защищать веру, которой он не особенно доверял.

Но уже на горизонте появились шатры, им нужно было туда отправляться, наверное, и татары уже могли их разглядеть.

Даниил окинул пристанище Батыя взором. Здесь давно готовились к встрече. Но пока он не мог понять, как ему самому действовать.

Становище было громадным градом в голой степи. Но это совсем иной мир, о таком он не имел и представления.

Как же хотелось ему, чтобы это был обратный путь, чтобы все было позади. Но реальность казалась беспощадной.

- Я должен все это пройти, - размышлял Даниил.

№№№№№№№№№№

Волхвы оказались молоды и утрюмы. Они помнили те времена, когда сбежал от них старик, как они боялись Батыевой расправы. Теперь они встречали соотечественников осторожнее, чувствуя, что они могут принести с собой беду.

Даниил, взглянув на этих парней, твердо был уверен, что если даже с ним расправятся, он не отречется от бога, в которого не верил.

Волхвы растерялись, они не знали, как себя вести с этим князем, настолько темен, и закрыт он казался.

И растерялись волхвы, многое они видели, но чтобы с таким видом к ним врывался князь, до сих пор еще не встречали.

Они просто заговорили о том, что Батый ждет Даниила, давно ждет. Как почетного гостя, не раз спрашивал про него. Потому один из них тут же помчался к хану. Он должен был слышать все, о чем они станут говорить. Ничего не перепутать. Слишком уж странная складывалась ситуация.

Князь понимал, что произошло какое-то замешательство. Хотя еще не ведал, что такое случилось, терпеливо ждал, пока его проведут к Батыю .

Даниил наблюдал за всем, что происходит и чувствовал, что нечистый не даст им пропасть, не даст его волхвам на откуп, а что еще с ним случиться может?

А потом, в следующий миг он так ясно увидел Святославову чашу, был уверен, что это как-то связано с ним с самим. Если хану не захочется отставать от своих предшественников, и даже не в сражении он с ним схватится, то что тогда будет.

Русичи ждали долго, первым засуетился и заерзал Федор. Ему такая честь не слишком понравилась, но остальные даже радовались такому повороту. Так легче было со всеми расставаться, и с надеждой тоже .

№№№№№№№№№№

Батый, услышав это известие, не мог скрыть радости. Не обратил внимания на отказ и дерзкое поведение князя. Кажется, ему было все равно.

Он не знал, как ему поступить дальше, что делать?

- Иди к князю, не принуждай его ни к чему, - потребовал он, с таким видом, что волхв стал опасаться за свою жизнь.

Но как славяне к своим относятся, почему ему надо предупреждать о том, да что они за люди такие?

Нет, они могли вызвать только подозрение в его душе, ничего больше. Он не может доверять тем, кто готов уничтожить своих.

Даниил видно знал, что его ждет. Не будет для него никаких испытаний. Он обо всем догадывался.

Князь взглянул на хана надменно. Наверное, бес ему заранее все поведал, спокойно переживает происходящее.

Волхв почти не взглянул на него, распрямился, чтобы его пропустили.

Но огонь полыхал рядом. Черные мысли его должны были исчезнуть.

ГЛАВА 6 НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Не только волхв удивлялся тому, насколько добр был Батый, но и все окружающие, после вчерашнего позднего возвращения никак не могли они узнать его. Что-то случилось, но что именно, этого никто не мог понять.

Он сам все время мысленно возвращался во вчерашний вечер. И пребывал он в странном оцеплении. Никогда прежде женщина не брала его в плен с такой силой, не радовала так.

И теперь он был счастлив и грустен одновременно.

Еще недавно такой обходительный и ласковый с женами своими он переменялся в один миг.

Он даже не оглянулся, не окликнул, они остались где-то во мгле, в пустоте, были раздосадованы и удивлены такими переменами, хотя ни одна из них даже вида не подала, и не посмела роптать, потому что они слишком хорошо знали хана.

А он все эти часы, стоило только едва закрыть глаза, видел пред собой Ирину, все, что происходило тогда между ними. Он так хотел ее увидеть, так боялся, что она исчезла навсегда, что теперь ни о чем другом думать и не собирался.

Тогда хан отправил своих воинов на поиски девицы, надеясь, что она обитает поблизости от того места, где они и встретились. Он понял, что не может сидеть просто так и ждать их возвращения.

Когда один из самых старательных его посланников спросил, нужно ли ее тащить сюда, если они ее обнаружат там, то он сначала вообще не понял, о чем спрашивают, а потом он разозлился, и буркнул:

-Нет, просто узнай, где она, где ее искать надобно.

Тогда они и бросились на поиски, каждому хотелось отличиться. Он оставался в раздумье, не понимая, почему эта женщина так много для него значит.

Его беспокоило то, что она была славянкой, тревожило, что она так таинственно появилась и исчезла, даже не желая знать, кто он такой, а он не признался бы никогда.

Он понимал, что она поймала его душу арканом, не отпустит, ни за что на свете не отпустит никогда.

Его настроение резко менялось в, то он был весел и доволен, то несчастен и угрюм, то никак не мог успокоиться, и тогда все валилось из рук. Ему казалось, что все напрасно, ее не найдут, она не появится и не исчезнет навсегда.

№№№№№№№№

В ту печальную ночь, когда Даниил томился от страшных предчувствий, Ирина пришла к хану во сне, и он теперь видел ее все яснее. Она была в прозрачных одеждах, где-то среди тумана, он тогда узрел и разглядел ее. Откуда же она пришла, куда делась?

В тот самый миг она пробивалась к нему, протягивала руки, а через мгновение, словно испугавшись чего-то, тут же их убрала. Он смотрел на нее заворуженно, не в силах пошевелиться. Она смеялась, манила его куда-то. Но он ничего не мог понять. Теперь уходила она, а он обо всем забыв, бросился к ней навстречу, просил, требовал, чтобы она вернулась, но девица ускользала от него без оглядки. И вдруг он услышал ее голос, потребовал, чтобы она вернулась.

- Ты хорош, хан, - говорила она ему в тот миг, - я очень тебя люблю, но мы не сможем быть вместе.

- Я не отпущу тебя никуда, - твердил он, - все в этом мире принадлежит мне, и ты мне принадлежишь, твои князья не смогут тебя защитить, они и себя защитить не смогут.

- Но нет такого аркана, которым ты меня удержать сможешь, - заявила вдруг девица и звонко рассмеялась, - тогда отпустил и теперь отпустишь, никуда не денешься, птицей от тебя улечу, зверем убегу, не удержать тебе меня, можешь и не стараться.

И он молча любовался ею, а она между тем продолжала:

- Не печалься, князь, мне было хорошо с тобой, но всему приходит конец рано или поздно, - говорила она.

Она уже растворилась в воздухе, только голос ее еще звучал рядом.

Только сейчас заметил Батый, что там был кто-то еще, стоял в тени, а он даже и разглядеть не смог, того, другого. Это был славянский князь. Но какое отношение он имел ко всему, что творилось вокруг, Батый никак не мог этого

понять, и такие вот таинственные загадки были повсюду, когда он сталкивался с русичами.

- Она придет к тебе, сама явится, - услышал он чей-то странный голос. Но он успокоился и поверил в то, что так все это и будет

ГЛАВА 7 В ШАТРЕ БАТЫЯ

Удивился немного князь Даниил, когда узнал, что его не станут принуждать, не только не задержали, но и провели к ханскому шатру.

Перед тем, как удалиться туда, он вспомнил, что должен трижды поклониться и не коснуться порога, об этом ему еще волхв когда-то рассказывал.

Он так и сделал и решил больше не испытывать судьбу. Стало понятно, что повезло ему больше, чем несчастному Михаилу. И не стоило татар против себя настраивать.

И хотя пока никаких особых унижений не испытывал, но что-то гадкое и противное в душе оставалось, никак не мог он сладить с этим чувством, а когда улыбнулся, то получилась какая-то жалкая усмешка.

Ему показалось, что не только через порог, но и через что-то еще в душе пришлось ему переступить. И не хотелось возвращаться назад. Казалось, что снежная лавина за его спиной обрушилась, потеряв равновесие, никак не может он остановиться и стоять спокойно.

Но пока он смотрел вперед, не хотелось оглядываться назад.

Ханский трон стоял в центре огромного шатра, на нем восседал хан Батый. Он смотрел по сторонам, кажется, ни о чем не думал, ничего не хотел больше. Не понимал Даниил, что ему ждать нужно было. Не знал он, как дальше ему поступить надо было, что сказать, что сделать.

В тот момент татарин, хорошо по-русски изъяснявшийся, сказал о том, что он может приблизиться к трону и поклониться хану, коли решил он к нему пожаловать.

Не сводя с него глаз, неподвижно сидел идол, смотрел на него грозный Батый, то ли испытывая, то ли просто стараясь разглядеть. Так же спокойно взирала на князя его главная жена, которая сама ли или по его приказу была рядом.

Даниил среди низкорослых татар настоящим богатырем казался, она смотрела на него и любовалась его статью, совсем другим показался ей князь Александр, а этот хорош, что тут сказать.

Но чувствовала ханша, что не добрым гостем был тут русский князь, не приветлив, хотя и кланяется низко, но не решилась бы она с ним одна остаться.

Что-то далекое и холодное от него исходило.

- Вот и самый могучий из князей русичей кланяется мне, - думал Батый, оторвавшись от своих размышлений.

Он смотрел вверх головы Даниила.

- Я владыка мира, нет никого сильнее меня, нет, и не будет больше.

И он благодарил мысленно деда, за то, что тот не боялся русских князей, за что что пошел он против славян сам и ему идти велел. Таким сильным, таким непобедимым он теперь казался...

Он родился в счастливые времена, много сделали за него те, кто были прежде. Вот и Даниил избавил его от самого долгого и сокрушительного похода. Теперь можно сказать, что все в его руках, бояться ему нечего.

Хотя он прекрасно понимал, что не стоит доверять князю. Что у него на уме никому не ведомо. Но у него везде есть свои лазутчики. Если они захотят что-то предпринять против него, он быстро их остановит, тогда никакой пощады больше не будет.

Так рассуждал Батый, пока не желая вступать в разговор с князем русичей. Он может подождать, не такая уж важная птица раз пришел на поклон.

Но Батый чувствовал, что в первую очередь это нужно ему самому.

Он был хитер, потому и старался заполучить самых сильных князей, а справлялся с непокорными скорее для устрашения. Вот и оставался Даниил почетным пленником его.

Наконец Батый заговорил. Он указал воину на столик с золотыми пиалами, в которые уже был разлит кумыс. Знал Батый, что русичи конское молоко не пьют, оттого и потребовал, чтобы князь отведал его. А сам внимательно за ним следил.

Даниил принимал пиалу, стараясь сохранить спокойствие, хотя это ему плохо давалось. Он чувствовал, что вовсе не от всех обрядов освобождает его хан, а поступает так, как ему вздумается. Но ему не хотелось испортить того зыбкого мира, который пока существовал между ними. Но сознавать, что этим степными варваром над ним совершается насилие было невыносимо.

Когда с кумысом было покончено, он перевел дыхание, если бы еще перед шатром не возникло какого-то замешательства.

Хан вроде ничего не слышал. Но что же там происходило в этот час?

ГЛАВА 8 ПОИСКИ И НАХОДКИ

Женщина, из-за которой так разволновался хан, похоже, исчезла бесследно, и посыльные его, нигде ее не обнаружив, зная, как он может быть жесток, боялись появляться ему на глаза.

Но возвращаться все равно надо было, и они поджидали тех, кто отважится пойти первыми.

Они обрадовались, когда узнали, что прибыл князь Даниил и Батый был занят, значит, гнев его не будет так силен. Говорили, что с князем он был приветлив и добродушен, что тоже вселило надежду на благополучный исход.

- Может это так его обрадует и отвлечет, что он позабудет о происшествии и девицы, которую королева языком слизала.

На это им только и оставалось надеяться, а возможно она сама появится тут к моменту, когда Даниил отправится домой, и все произойдет незаметно.

Зная, что от казни до помилования у Батыя один шаг, надеяться им можно было только на князя русичей, хотя он был еще большим пленником, чем они сами, и верил ему хан еще меньше.

Но пока им оставалось только издали смотреть и ждать.

- Что теперь о ней горевать, - говорил сотник, - ее сразу хватать надо было, и ждать, пока хан за ней пошлет.

- Но хан запретил к ней приближаться, да и ведьма она, - говорил воин, слышавший его слова.

- Да он сам не ведает, что ему нужно, а нам, чтобы голову сохранить на плечах, надо угадывать его желания, ну подержали бы и отпустили ее, а теперь ищи, свищи по всему миру, и лесам их непроходимым.

Но приглядевшись, они заметили, что хотя и появился Даниил, но мысли хана были далеки от него и от них ото всех, ведьма решила поиздеваться над Батыем, он попал под ее чары.

Даниил же, погруженный в свои размышления, вряд ли что-то такое мог заметить, каждый из них думал исключительно о себе любимом. Но любимая жена хана, хитрая, проницательная, иначе она и не была бы так к нему близка и желала до конца такой оставаться, она волновалась и кожей чувствовала, что происходит неладное. Угроза исходит как раз от кого-то, ей неведомого, а не от именитого князя, о котором столько говорили все вокруг.

Федор, шкуру которого снова носил Мефи, тоже за всем пристально смотрел, ему не была введома вчерашняя история, так взволновавшая хана. Его волновала встреча Александра с Даниилом, а не хана с девицей, потому теперь он терялся в догадках, но разве за всеми уследить?

Но теперь бес был разочарован, потому что надеялся на грозный поединок, лютое противостояние, а тут все текло как-то вяло.

Батый, которого он видел прежде, сейчас не был на себя похож. Надо было посмотреть и подождать, пока все разъяснится само, и тогда не просто швырнуть пиалу на пол, но и утворить что-то более шумное и обидное для хана, но всему свое время.

№№№№№№№№№№

Все в шатре изменилось в тот момент, хотя никакой дерзостью еще Даниил не отличился. Пока он вообще ничего не предпринимал.

Как - то время остановилось, ничего ему больше не хотелось, только как-то дождаться своего часа. Иногда ему казалось, что суждено здесь остаться навсегда, только думы о Галиче никак не давали покоя.

В руках его снова и снова появлялась чашка кумыса, хан хотел испытать его на прочность. Он прикасался к ней губами и незаметно отставлял в сторону, так и не испил татарского напитка.

И вдруг что-то в шатре зашевелилось. Хан встрепенулся, ему самому надоело уже это напряженное молчание.

Около шатра они увидели незнакомку, это была славянка. Даниил удивленно взглянул на нее, потому что к ней был прикован взор Хана.

Не ожидал князь, что кто-то может того так волновать, да ведь это была еще и женщина. Но судя по всему, тот был просто очарован. Никто из воинов и слуг не смог бы его остановить, боясь ханского гнева.

Даниил стал следить за происходящим.

Кто она такая, почему тут появилась?;, отчего так вольно ведет себя? - спрашивал он воеводу, тот только пожимал плечами. Федор досадовал, но ничего не мог сказать. И если бы это был сам воевода, то и не беда, но бес никак не мог простить себе такого косяка, а делать все равно нечего.

Зато хан отошел от них окончательно, словно Даниил больше его не интересовал. Ставя на стол пиалу, князь неожиданно ее опрокинул, и все переглянулись – это было дурным знаком.

Хорошо, что эта славянка отвлекала самого хана, иначе все могло бы скверно закончиться.

№№№№№№№№№№

Ирина появилась так неожиданно только для посторонних глаз и князя Даниила, но хан надеялся на то, что так все и будет, раз ее не нашли его молодцы, то она должна прийти сама.

Он втайне радовался, что все так и вышло, как ему хотелось, но не задумывался о том, кто здесь охотник, кто добыча. Значит, его страсть не только ее не перепугала, но и пришлось к месту, ну что же, это великая удача, может быть самое большое завоевание для нее.

Мимолетом он вспомнил о Данииле, не смотрел на жену, которая насторожилась и никак не могла понять, что творилось там. Но опасность она чувствовала ясно, а потому страшно побледнела, и откуда что могло взяться?

Ирина знала, что ее разыскивали, вот и решила, что пора бы ей показаться, особенно если ее исчезновение отразится на князе. Хан будет жесток, кто бы в том усомнился к тем, кто ему противился, она не собиралась допускать этого.

Отчаяние терзало ее душу, но какая-то странная сила появилась и заставила двинуться навстречу вечному врагу, игра захватила душу.

Она радовалась, видя, какой переполох возник вокруг, все всколыхнулось, все сорвались с мест. Наверное, она отводила беду от князя. Она заметила глаза той татарки, сидевшей рядом с ним. Пусть она делает что хочет, хан не даст ее в обиду, а она не даст в обиду князя.

И только тот, из-за которого все творилось, кажется, меньше всего вникал в происходящее вокруг него.

ГЛАВА 9 НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Женщина, за которой не следил Батый, тенью метнулась к двери и решила на отчаянный поступок. Она хотела исправить хоть что-то, если что-то можно исправить.

- Схватите девицу, - жестом приказала она слугам, понимавшим ее без слов.

Она не должна была появиться тут, - размышляла ханша, не понимая, зачем девица полезла на рожон, ей рассказали о свидании в глуши леса, и она даже постаралась забыть об этом, но как та смеет быть тут?

Татарка надеялась, что ее муж не заметит этого, или не станет ее останавливать, если увидит. Он не покажет своих чувств при русском князе, ведь не обезумел же он из-за этой ведьмы?

Но слуги замешкались, чего прежде с ними никогда не случалось, да и она не знала, как теперь поступить. Все складывалось не так как ей того хотелось.

Девицу никто не схватил, она гордо сидела на своем коне, кажется усмехалась, глядя на них, и суету, которая не давала покоя татарам, там, внизу, что это за чертовщина такая?

Ханша остановилась в нерешительности, потому что если Батый заметит хоть что-то, то она исчезнет бесследно, в гнев он был страшен даже для нее, и она жива потому что умеет угадывать его желания.

Она вздрогнула, и словно тень, рванулась к своему шатру, лучше не видеть и не слышать того, что будет твориться дальше. Спрятаться, заставить его все забыть, а ее убраться, или отправиться к отцу самой, о чем даже думать пока не хотелось, но всякое может быть.

Даниил со стороны следил за происходящим, и ничего не понимал, да особенно и не вдавался. Он думал о том, что эта дева, кто бы она ни была, подчинит себе грозного хана, и это для него настоящий, хотя и случайный подарок.

Хан приказал увести ее в дальний и самый лучший шатер и охранять. По одному жесту его было понятно, что станет с тем, кто упустит девицу и позволит ей сбежать.

Впрочем, и без всяких жестов, тем, кто был с ним, все оказалось понятным с самого начала.

Когда хан повернулся к Даниилу, перед ним был совсем другой властелин. Может быть, в него бес вселился (бес тоже об этом подумал, но он взирал на мир из тела воеводы Федора), если это и был бес, то какой-то чужой, точно.

Он казался теперь спокойным, и даже веселым, что за перемены такие?

Эта дева явно как-то повлияла на него, но кто она такая и откуда взялась? Князь почувствовал, что он почти ничего не знает из того, что творится в его собственном мире, это вызвало легкую грусть в душе.

Хорошо, если бы в таком благостном расположении духа хан и принял решение.

А он как раз и заговорил:

-Я много о тебе слышал. Славяне тебя уважают и боятся. Это хорошо, сделай так, чтобы и мы уважали и доверяли, непокорных и строптивых тут не надо, вот и останешься князем на своей земле, - Батый теперь явно торопился покончить со всем этим, хотя до появления девицы ничего такого и в помине не было, как быстро все меняется в татарском стане.

Кто-то из воинов передал ему тот самый ярлык, о котором столько было сказано прежде.

Интересно, что было, когда тут был Александр? - почему-то подумал Даниил.

Он вспомнил насмешливый лик в ночном тумане.

Прием этот быстро заканчивался,

- Вот, - указал Батый на ярлык в руках у князя, - не забывай про честь, которую тебе хан Батый (он говорил о себе в третьем лице) оказывал, - и тут же прибавил: - Но могу и казнить, если память у тебя коротка.

Отправляйся в Орду, и расскажи сам о том, что был у меня, мой сотник с тобой отправится, чтобы с пути не сбился, и прибыл туда, куда надо.

Хан тут же поднялся, уже не скрывая нетерпения. Князь поспешно стал собираться в дорогу, ему предстоял долгий путь, и пока еще вовсе не домой, надо было поторопиться.

Сотник при отъезде провел их по тем дорогам, где томились пленные славяне, те выходили, скованные, и утрюмо взирали на князя, в глазах их сверкала ярость и осуждение.

Даниил старался на них не смотреть, только куда же от них деться, если они были повсюду.

Накануне он видел старого волхва, который сбежал из татарского стана, но, сколько же их тут оставалось, он говорил что-то о пленниках, но князь должен был все увидеть сам.

Вероятно, это были люди из сожженных городов. Ему оставалось только гадать и думать о том, что же там могли с ними творить татары, и как вообще жить, когда такое узрел. Ведь в душе любого властелина возникает желание спасти мир, иначе он не станет властелином, а как ему быть, если он не волен освободить даже несколько пленников.

Ему надо было возвращаться домой, раз Батый его пальцем не тронул, он должен жить и править, пока не призовут во второй раз, а вот то, что второго раза не случится, в том князь не сомневался.

Но сотник показывал ему. Какова могла быть его судьба, если бы все сложилось не так ладно для него.

Только отъехав от стана, Даниил стал думать о том, где мог быть Батый, что с ним теперь случилось, что было с всадницей, так внезапно вмешавшейся в происходящее.

Ладонь все еще жег ханский ярлык. И трудно было понять, что с ним такое творится.

Что вообще происходит с этим миром?

ГЛАВА 10 ПРЕКРАСНАЯ НАЛОЖНИЦА

Ирина спрыгнула с коня и ушла в шатер. Она огляделась вокруг, словно пыталась понять, куда попала.

Батый щедр и великодушен, такого прекрасного жилища в степи трудно и представить. Он ждал ее и рад ее появлению, ну что же, хоть тут чары на что-то стодились, уже хорошо.

Она не могла судить об этом наверняка, все произошло очень быстро, она помогала своему князю, и так старалась действовать дальше, отсюда он ушел живым и невредимым, а что будет дальше, кто его знает.

Она чувствовала, что должна остаться здесь, хотя сердце замирало от страха.

Самое лучшее, не искушать судьбу, сердце замирало от страха. Но не стоило особо играть с Батыем, он жесток до невероятности. Она вырвалась тогда из Батыевых объятий, но во второй раз такого может и не случиться. Если повезло однажды, то этого еще очень мало.

Но как разумны не были доводы, она понимала, что не сможет сдвинуться с места. Пока Даниилу грозила опасность.

Она оставалась в шатре и с усмешкой припомнила ту женщину тень, которая в отчаянье к ней вернулась, как она начала метаться, когда слуги верные даже не пошевелились. Она чувствовала опасность, значит, о встрече в лесу ей было известно. Это не особенно волновало Ирину, она ничего не боялась и готова была к любому повороту.

Но ведь о ее свидании с ханом мог узнать и Даниил, вот это немного угнетало, но она сможет объяснить ему то, что творилось, если он сам этого не поймет прежде. Нет, оба они находились в страшной опасности, только за себя она боялась меньше, чем за него.

Ирина все время оглядывалась на князя, которого уже не было в стане, но он отъехал недостаточно далеко, да и в монгольском стане до него не так трудно добраться Батюю, если он это захочет сделать.

Только потом, когда опасность минула, когда им снова улыбнется удача, только тогда она что-то сможет сделать и расстаться с ханом, исчезнуть бесследно, и пусть он весь мир перевернет, но не найдет ее ни за что.

А что если правда в другом, и не Даниила ей хочется защитить, а встретиться снова с самим Батыем, она не допускала этой мысли, и все-таки, чем черт не шутит. В его объятиях с ней творилось что-то невероятное, она получала наслаждение, что первоначально отвергалось, а потом все-таки случилось. И от этой мысли она никак не могла отделаться. Но внешне она все-таки твердила себе о том, что спасала князя Даниила, а Батый только орудие спасения в ее руках. Как там было на самом деле одному только Велесу известно.

А может самое лучшее, остаться здесь, соединиться с татарским миром, тем более, бабушка говорила, что на ее жизнь татарского ига хватит и не

уйдут они никуда, пришли всерьез и надолго, а значит, даже если Даниил и спасется, то ей от этого легче точно не станет.

Но если она сможет убить Батые тут (какая дикая и странная мысль), то жрец скажет о том, что жизнь ее прошла не зря, и она сделала для этого мира больше, чем все ханы вместе взятые.

Их бесправие и бессилие могло вызывать только сожаление, она же еще прославится на весь мир, и вот тогда, а что еще остается, если в такое время пришлось родиться?

Жалость к мужчине и князю, который не так силен, как хотелось, мешала ей любить его в полную силу. Одно то, что князя надо защищать, из-за него рисковать жизнью, показалось таким печальным.

Хотя она не могла и приблизительно сказать о том, что же будет с самим Батыем.

Наконец Ирина уселась на мягкое ложе, почувяв невероятную усталость, прикрыла глаза руками. Она никак не могла прийти в себя, потому что снова увидела загоны для скота, где томились ее соотечественники. Она помнила, горечь, ненависть, боль, отразившуюся в их глазах, когда они со стороны смотрели на нее. Они понимали, что не просто так она тут появилась, что хан недаром позволяет ей так много, чего не позволял даже своим женам любимым. Если бы была их воля, некоторые из пленников просто стерли бы ее с лица земли, но почему тогда она была так спокойна, потому ли, что знала, что им никогда не вырваться из плена.

Но пока они просто хватались за эту жизнь и никак не могли отказаться вырваться и оказаться на свободе.

№№№№№№№№

Даниил расположился в шатре простых воинов, он все еще вспоминал о ханском гостеприимстве и не мог смириться с тем, что там творилось. Он думал о странной деве и Батые, должен был забыть о них, как о страшном сне, но забыть никак не мог.

Князь обрадовался, когда рядом оказался Федор. Сразу же о многом захотелось его спросить, словно бы простой воевода мог знать больше, чем сам князь.

- А что там случилось? - стал спрашивать князь, - все вроде шло спокойно, и вдруг в Батые, словно бес вселился.

Федор хмыкнул, он хотел сказать о том, что не Батые вселился бес, но не стал ничего говорить.

Но никаких подробностей рассказывать он не стал. Злился, что нет у него ответа на такие простые вопросы, убедительного ответа.

- Дева появилась не случайно, она хотела тебе помочь, княже, - заговорил бес, - это в ней настоящий черт сидит, а не в Батые, хан только игрушка в ее руках, он слаб к славянкам, ну есть такое у него и не может перед ними устоять.

Поразмыслив немного, он прибавил:

- Больше ничего не мог тебе сказать. Все запутанно и странно в этом мире и в этой истории.

Но Даниил не разделял его мнения:

- Чего бы там ни было, не нравится мне все это, если девица славянка достанется Батыю, то грош всем нам цена, позор это для всех для нас.

И вдруг злым и раздраженным стал Федор:

А если князя своих жен и дев защитить не могут, то, что еще делать остается?

Он был во всем прав, но Даниил понимал, что то же самое мог сказать кто угодно. Он же просто искал, на кого свою вину свалить, кто мог страдания его облегчит.

Он должен был знать, что очень сильно это помогло. Александр на особом положении оказался, это так, но что бы с ним стало, если бы девица не вмешалась, это еще как сказать.

И снова его мысли вернулись в Галич, к милой жене, к своим близким. Нет, его жена никогда не стала бы появиться здесь, не пошла бы в объятия к Батыю, и Ярославна вопреки всему ждала Игоря. Значит, были верные и надежные жены тут, не только на милость победителя сдававшиеся. Только внезапная вспышка ярости Федора заставляла Даниила гнать от себя эти мысли.

Князь не имел права судить, не ведая о том, что там творилось на самом деле. Даниил чувствовал, что ему откроется какая-то тайна, вот тогда может быть стыдно за то, что он так легкомысленно и бездарно судил и клеймил Ирину.

ГЛАВА 11 НОЧЬ В ШАТРЕ

Кажется, Ирина задремала или просто отключилась от происходящего, но в тот момент она ничего не видела и не слышала.

Хан вошел в шатер и остановился перед ней.

Опомнившись, очнувшись, она сразу заметила, что он повелитель, и он будет диктовать свои условия, ей оставалось только подчиниться.

Но что-то удерживало ее на месте, она пока была заморожена, лишена воли и сил. Он ничего не видел и не слышал, кроме дикого желания обладать ею.

Ирина встрепенулась и усмехнулась, она была рада его видеть.

- Ты вернулась? - спросил, - теперь Ирина поняла, что он разговаривает на ее языке, как она не замечала этого прежде, кто мог научить Батюя языку русичей, почему он ни слова не сказал в прошлый раз?

-Ты ждал меня? - спросила она, прекрасно зная, что он ответит.

Она не могла притворяться и лгать, она радовалась тому, что оказалась в этом шатре, и вряд ли князь Даниил играл такую уж большую роль во всем этом.

Он силен, и ее могла очаровать только власть его над нею, и ее власть над ним, ничего больше.

И уже потом она просто смотрела на Батюя, и понимала, что ввязалась она в какое-то странное дело, запуталась в силках своей страсти, и не понимала, как и что теперь нужно делать, но что-то явно хотела понять. Она отрезала путь к своим, князь Даниил, если им еще доведется встретиться, никогда не простит ей всего, что творилось.

Но она не могла отказаться от такой вот ночи в шатре властелина, и она не хотела возвращаться к своей реальности, где он был чужаком, врагов, покорителем и насильником, что греха таить.

Федор оказался рядом с ними (хотя Ирина о том не подозревала), и мог все видеть и слышать. Он понял, что в главном не ошибся. Ирина - ханская наложница. Но все не так просто, как было бы с любой девицей, кроме нее, она не станет просто так подчиняться, она еще устроит ему веселую жизнь, да и томиться в плену она не будет, вот так и станет убегать и прибегать, играя в очень опасную дикую игру.

Почему она здесь? Ведь сначала она не ведала, как хорошо может быть в объятиях хана, хотела пожертвовать собой. Может быть, кто-то из ее родичей томиться в плену. Но она должна понимать, какую беду может на всех навлечь, об этом даже страшно подумать.

Но бес успел заметить, что жена эта сильнее, чем, кажется. Не только туповатый Батый, но и он сам был ею обманут.

Но бес проникся уважением к деве той, неужели есть еще, кому постоять за этот мир.

Мефи возвращался к Даниилу, но пока не мог сообщить ему ничего нового – таинственная девица что-то тут делала, чего-то хотела добиться, а вот чего именно понять ему было не дано.

Батый спал рядом с ней и не опасался, что она с ним расправится, потому что она не собиралась так рисковать. Он нужен был ей живой и невредимый. Ведь она понимала, что тот, кто придет после него, может оказаться и значительно хуже, чем он. И сможет ли она подобраться к нему так близко, кто знает.

Они пробудились одновременно, Он рванулся к выходу, но перед выходом остановился на миг.

В ее глазах была страсть, нежность, тревога, она хотела иметь власть над ним, понимая, как это важно, когда мужи их отступили и спокойно склоняются в поклонах перед грозным ханом.

- Она хитра, она хитрее всех, ей не нужны подарки, она ни о чем не просит, потому что хочет получить все и сразу, - усмехнулся хан, после ночи страсти рассудок медленно возвращался к нему.

И все-таки он распорядился отправить ей шкатулку с драгоценностями, решив, что последнее слово должно быть за ним, тут он все решает, а не она.

Но никто из жен и наложниц о том не знал, потому что они и оставались спокойны какое-то время.

Ирина разыскала своего коня, и никому не говоря ни слова, ее язык знал только хан и ненавидевшие ее пленники, и умчалась куда-то, беспокоясь о том, что ее могут задержать.

Она оглянулась на шатер, как на что-то нереальное, и в тот момент не знала, вернется ли сюда или не возвратится никогда

ГЛАВА 12 ТАЙНАЯ МУКА БАТЫЯ

Хану доложили о том, что девица покинула шатер, а так как он не отдавал никаких приказаний, то и сетовать ему было не на кого. Но слуги опасались, не ведали, как он к этому отнесется.

Хан промолчал, глупо было бы злиться, сам не зная на что. Им показалось, что они поступили правильно.

Так и было, ему не хотелось, чтобы Ирину удерживали силой, она должна была остаться сама, такая вот причуда появлюсь в душе властелина, покорившего целый мир. Нет, она не могла чувствовать себя здесь пленницей, их и без того достаточно.

Но теперь он терзался, не ведая, появится ли она снова, не испугается ли, не станет ли капризничать, ведь тогда. Ощущение тревоги и страха вообще, да еще из-за женщины, странно сковало его сознание. Нет, она была довольна тем, что между ними происходило, это заставит ее вернуться.

От этой уверенности в собственной неотразимости властелину стало немного легче. Но в ее появлении и исчезновении было что-то невыразим-таинственное, то, что не давало ему по-прежнему покоя. Из-за нее не стоило волноваться, но если она больше не появится, что тогда?

№№№№№№№№№№

Даниил притворился спящим. Федор это видел, но предпочел, чтобы он спал по-настоящему. Немного сконфуженный, он услышал так ясно его вопрос:

- Что это за дева, как она там оказалась, у Батыя.

Бес решил не выворачиваться, внести ясность:

- Не знаю, мне до конца непонятно, но кажется, она тебя защитит собирается, а не просто к Батыю страсть питает, потому что именно в эти дни и явилась.

- Но я никогда ее прежде не встречал, иначе бы запомнил, - говорил задумчиво Даниил.

Он досадовал на то, что его догадки подтверждались, хотя ему хотелось совсем другого, но что тут сделаешь?

Но Федор уже завелся:

- Странные вы создания, уже несколько столетий на вас смотрю, да все никак понять вас не могу. В самых лучших устремлениях мерещатся вам самые худшие, попы вам совсем головы задурили, но не бывает так, чтобы зло только злом было, а добро добром, все перемешано так, что и не разобрать сначала, а вам все хочется то черного, то белого, и никак смириться не можете с серым, бурым, малиновым, попам вашим удобно, чтобы так было, но это не жизнь, это сказка, какую они для вас придумали.

Кажется, в пылу он даже копытом топнул, хотя в этом обличье никаких копыт у него не было и в помине.

Бес и сам забыл уже, с чего начинал, как закончить следовало, а потом и оборвал ее на полуслове.

Но даже сам себе он странным казался на этот раз. Он и сам себе каким-то странным показался, но никак не мог примириться с тем, что все так вот происходило, даже в душе князя страшная путаница, а что об остальных говорить?

Но если она из-за него страдала, тогда он должен восхищаться ею и благодарить ее, но наоборот в душе князя вспыхнула какая-то ярость и боль.

Он вспомнил тот загон, в котором томились славяне, зрелище, которое он не сможет забыть никогда.

Но самыми таинственными созданиями оставались девы, неужели даже ради того, кто никогда о ней не ведал, она готова на все. но грош цела самому князю, если девицы за него будут сражаться и умирать.

Примерно о том же думал и Федор, в этом их мысли странно совпали. Оба они чувствовали, что не ошибались, но это только часть правды.

- Ей не так уж противно ложе ханское, - чтобы оправдать себя и очернить девицу, думал князь.

Федор это знал не понаслышке, хотя из него этих признаний невозможно было бы вырвать.

Из шатра виднелся только кусочек звездного неба, но каким чужим и далеким казался э тот мир, где им суждено было еще оставаться. А то, что измывался над ними чужой властелин, как было перенести спокойно это? Но разве бы допустили Рюрик, Олег, чтобы их жены и девы принадлежали врагам, так что же переменялось в этом мире?

Девушка из-за него была между жизнью и смертью, Федор это подтвердил, и ему ничего не оставалось, только признать происходящее. Если он что-то предпримет, хан расправится с ней. Снова вспомнилось предание о чаше, и он внутренне содрогнулся. Святослав сам шел на это, он был воином, больше чем князем воином, в чем же повинна девица?

- Я ничего не смогу изменить, надо двигаться вперед, не оглядываясь назад, это все, что еще остается. Она разочаруется и поймет, что жертва ее была напрасной.

Погруженный в свои беды и унижения, князь много не понимал и не принимал в этом мире. Жизнь казалась странной и почти бесполезной.

ГЛАВА 13 ЧЕСТЬ И ЖИЗНЬ

И было утро, когда только и оставалось подняться, и отправится в путь в неизвестность.

По дороге он вспомнила тот последний мир, который устроил хан в его честь. В шатер он тогда шел именно мимо загона для славян. Соратники хана, убедившись, что Батый не собирается с Даниилом расправляться, немного успокоились, они умели с почтением относиться к гостям, пусть даже и гостившим в стане не по своей воле.

Свита княжеская тоже к тому часу немного успокоилась, если кто-то и волновался в тот вечер, только сам Даниил. Ему казалось, что объявляя о пире, хан издевается, что это не может быть от чистого сердца. А такие мысли угнетали Даниила, хотелось бы узнать, как все это переносил Александр, наверное, с холодной усмешкой.

Подумалось о князьях-предшественниках, - ему придется отвечать и пред ними тоже, но это не нынче, он еще успеет подумать о том, что им всем можно сказать в свое оправдание.

Но мысли его переключились на другое, несколько лет он не вспоминал Василису, а теперь, она словно ожила перед ним, и как ни гнал князь от себя это видение, оно не пропадало из вида.

Наверное, он и на самом деле притягивал к себе отчаянных и странных женщин, хотя вроде ничего для этого не предпринимал.

Но зачем она тогда совершила насилие над собой? Надеялась, что он все время станет о ней вспоминать? Что никогда не сможет забыть? Он успешно забыл, правда, потом вспоминал снова и снова. А ведь если бы не Ирина, он еще долго не вспомнил бы о ней, значит и там все напрасно, Даниил никогда не мог защитить ни чужих, ни своих дев и жен, и это надо было признать грозному князю. А признав, с этим надо было примириться.

Но даже вспомнив ее, князь не испытывал чувство вины. А если ей доведется с ним увидеться, то он обязательно спросит, зачем она так поступила. Но Василиса, наверное, так поступила из-за той странной сказки об озере и грустном князе.

Но что толкало к хану эту девицу?

Жены и девы вообще странные создания, им хочется чего-то невероятного, и ради старой глупой истории, где вообще непонятно, как все и было, они готовы на такие вот подвиги странные. А погибнуть стоило ему, чтобы избежать Батыевых унижений, а ей оставаться в живых.

Но он пройдет все испытания, потому что уход- бегство – это слабость. А он не собирается чувствовать себя слабым и немощным.

№№№№№№№№

Еще у Батя Федор заменил, что татары к нему относились с какой-то настороженностью. Они не хотели ему доверять, и произносили какое-то странное слово Азраил. Но что это был за черт, кто его знает.

А может быть они распознали сущность самого Федора, хотя это казалось ему странным, славяне не узнавали, а эти вдруг поняли,. Но наверное, они скорее на зверином уровне чуяли какой-то холод, и понимали, что он шагнул к ним из другого измерения.

Да и князь обращался с ним не так, как с другими, теми, кто был с ним рядом.

Ему же вовсе не хотелось быть разоблаченным, потому он молчал сердито, не понимая, что от него требуется.

Даже в дороге в орду, привыкший к свободе, Даниил чувствовал себя отвратительно и не пытался скрывать этого от окружающих.

Честь и жизнь, как они связаны, что проще и легче потерять, - об этом он думал всю дорогу и ничего придумать так и не мог, как ни старался. А наваждением были воспоминания о том, как он подошел к ограждению, за которым томились пленники, они и теперь сквозь расстояние молча всматривались в его лицо, старались взгляды их проникнуть прямо в душу. Даниил не верил, что кто-то из них заговорит с ним сам, но откуда-то издали раздавался голос:

-Так ты и есть Даниил, могучий и непобедимый, что же ты тут среди нас убогих ищешь?

Даниил молчал, он не знал, что сказать, нужно ли отвечать на это. Но тот продолжал.

- Говорят, ты ничего не пожалел, любимую ему подарил, чтобы целым и невредимым остаться. Хан тебе за нее благодарен, он на деда своего не похож, он любит славянок. Но на небесах рассудят нас всех, а не тут. Как же ты там оправдаешься, княже?

Человек отвернулся, ушел куда-то далеко. Князь отшатнулся от загона, опустил голову и побрел дальше.

ГЛАВА 14 ПРОДЕЛКИ БЕСА

Но вскоре бес перестал быть в центре внимания, потом они и вовсе страх потеряли, вот теперь, как и когда-то прежде он решил поразвлечься, стал посылать им знаки и импульсы, для того, чтобы они, очнувшись от размышлений, снова на него внимание обратили.

Это у него прекрасно получилось.

Новые страхи поползли по татарскому стану. Они знали о колдунах русичей, теперь понимали татары, почему ни один волос не упал с головы Даниила – он был колдуном, или с ним был колдун – одно из двух.

С ним колдуны-волхвы (сколько о них рассказывали Батыю всякого), и они оберегают его от всех напастей.

Бес тихонько хохотал, он почувствовал себя тем самым древним волхвом, который лишил их разума.

Но бес должен был признать, что ради такой славы он копытом о копыто так и не ударил.

Разговоры дошли не только до беса, но и до Батыя, он только усмехнулся в ответ. Если бы это было правдой, то Даниил вел бы себя спокойнее и увереннее, - размышлял хан, которому здравомыслие никогда не отказывало.

Батый видел, чувствовал адские муки, и ему даже в какой-то мере было жаль князя. Его же сотники сами бесстрашные на поле сражения, боялись того, что было за гранью их понимания и не решалось при помощи отваги и оружия.

Они только пытались понять, кто в этой схватке победит. Им - то все равно придется оставаться с Батыем до конца, а вот что будут творить славяне, это как знать. Кто-то вспомнил о волхве, сбежавшем от них накануне появления Даниила. Они пытались узнать, что с ним стало. Почему после всего совершенного против своих он все-таки убежал туда?

Все эти разговоры и гадания были развлечением в размеренной, и обычной жизни, которую они вынуждены были вести.

Они дивились тому, что в последнее время Батый все реже думал о походах против русичей, хорошо это или плохо, пока трудно было понять.

Да и вообще пообщавшись с русичами, их хан и сам стал похож на них. Они знали, но ничего не могли с этим сделать.

Батый оказался самым свободным из всех, если что-то и брало его в плен, только повадки и страсти Ирины, она смогла зачаровать и в какой-то мере подчинить его себе.

Что же касается военных походов, он понимал, что никогда не победить русичам татар, потому что не будет у них такой покорности и подчинения, которую добивался дед его и теперь он сам. Против татарской тьмы им не устоять.

Но ведь и русичи влияли на татар, и они становились не такими уж властными и сильными, вот если даже он сам таким оказался, что говорить о других?

Федор тоже думал о том, что русичам не победить татар в обозримом будущем. А потому надо оправляться прочь и заниматься какими-то обычными делами. Но он, в отличие от Даниила не собирался мириться и терпеть...

Ему тоже вспомнился последний пир в ханском стане, где они должны были быть. Тогда они с князем поняли, что скоро избавятся от всего этого кошмара, раз хан назначил пир. Оба понимали, что первый визит Даниила сюда станет последним. К гадалке ходить не надо, он сделает все, чтобы больше не появился тут. Он уже мысленно порвал с ними, хотя глядя на него этого не скажешь.

Даниил думал о предательстве Святославом Михаила, а потом и зятя его Андрея, чувствовал, что все муки его будут напрасными. А кто сказал, что и с ним такого не случится?

Конечно, не стоит о том думать заранее, но надо что-то предпринять для того, чтобы так не было.

Но ему надо было еще пережить ханский пир. Хан хитер, он ко всему подготовится, почести, которые будут ему оказаны в татарском стане. Ему не хотелось, чтобы в разгар пира появилась девица, разве мало ему было унижений и без нее?

Нет, не нужны ему новые испытания

ГЛАВА 15 ПАМЯТЬ О ПИРЕ

А потом был пир...

Они и не думали, что вспоминать его будут так часто.

Русичи появились за несколько минут до назначенного часа, боясь опоздать. Ханские слуги проводили их туда, где и должны они были быть.

Они сидели тихие и угрюмые, понимая, что они даже не в гостях, а в настоящей неволе.

Хан задерживался, хотя, что другое можно было от него ждать. Он волен был поступать так, как ему захочется.

Но русичи стали думать о том, что возможно пир и отменят? Но радость оказалась напрасной, в тот момент он и появился, властно окинул взором собравшихся, и приказал принести угощения, которые еще готовились в другом шатре.

Не так ли когда-то сидел князь Мстислав в шатре у половцев. Наверное, отношение к нему было самым любезным, хотя тот хан передал ему бесценный дар и считал его другом, как же все переменялось с той поры.

Но тогда они должны были защищать свои земли от набегов, а теперь надо было изображать смирение и дружелюбие. Нет, только освобождение. Надо было подняться и удалиться прочь. Кажется, он даже пошевелился, еще не понимая, что творит на самом деле. Но тут же возвратился к свое место, словно бы опомнившись. Он чувствовал, что никуда не уйдет, как не ушел до сих пор, по - прежнему он останется здесь, делать то, что делал раньше, и нет у него другого выхода. Но что можно сказать хану, который насмешливо следит за всем, что творится в этом мире.

Он обманул хана и только сделал вид, что пьет. Во второй раз, когда больше не хотелось повторяться, он взял пиалу и заметил, что там совсем другое что-то, оглянулся, ища беса, но так его и не обнаружил, и все-таки выпил все с большим удовольствием.

Хан посмотрел с удивлением и недоверием, но ничего так и не сказал.

Мясо он ел уже без всякого отвращения, и только радости так и не проявил, но это проще и легче.

Тогда и заговорил Батый, считая, что пришла его пора.

- Это наше время, княже, - говорил он сердито. И переводчик странно поспешно переводил его слова, - теперь мы останемся в этом мире, вы слабы и злы, и сами вы просто не управитесь. Я, мои сыновья и внуки будут владеть вашими землями, и с этим вам ничего не сделать. Нашими станут ваши богатства, жены ваши и дети. У вас нет богов, от своих вы отказались, а чужим не нужны. А ваши боги вам отомстили жестоко, а как еще быть с предателями?

Хан внезапно замолчал и отвернулся, ему больше ничего не хотелось говорить.

Даниил чувствовал, что в словах хана есть своя правда, он и сам о многом догадывался прежде.

Но что-то случилось вдруг, рука князя дрогнула, чаша упала на ковер.

Все, кто там был, замерли от изумления. Заподозрить кого-то и в чем-то было трудно.

Слуги уже убрали осколки злополучной чаши. И только Федор усмехнулся над его ухом.

- Пусть поломают голову, нет дыма без огня...

Пир оборвался внезапно, хан и сам не понимал, что творится, а потому решил не продолжать это действие странное.

Даниил же думал о своем странном помощнике, который все время рядился в разные одежды, просто потому что не мог появиться в настоящем своем виде. Почему он был к нему благосклонен до сих пор?. Существовало что-то ему вовсе непонятное и странное. Хотелось понять только, как все будет дальше. Он давно отрешился от реальности, все никак не мог вернуться к действительности. Ничего ему больше не хотелось.

Хан поставил на ковер новую пиалу и теперь о чем-то спрашивал, но князю казалось, что он ничего не слышит и слушать не желает. Все было далеко.

Но он меньше всего себе принадлежал.

ГЛАВА 16 ХАНСКАЯ ЧЕСТЬ

Хан видел, что князь не прислушивался к словам его, был погружен в свои думы. Но решил сильно не наседавать на него.

Но потом передумал и решил затянуть пир как можно дольше. Даниил должен чувствовать, кто тут главный, от кого все в этом мире зависит. Он знал

о непомерной их гордости, помнил, как они переносили пытки, умирали, смеясь над ним, он никак не мог понять этой славянской бесшабашности.

Он знал об их гордости, и теперь старался понять, откуда это при той слабости и безразличии. Как могут они примириться со своим положением.

Они стали думать ни о том как, с ним бороться, а как при нем выживать. Это говорило о благоразумии, но ничего кроме презрения не вызывало

Сначала его порадовал их общий любимец Александр, князя Даниила он ждал дольше, может потом и не хотел так долго отпускать. Потому что чувствовал, что он не вернется назад. Хотя он и говорил о своих детях и внуках, но должен был позаботиться, чтобы князя, верно, им служили, не возникло бы больших разногласий между ними.

Они должны знать, что есть власть земная – это монгольский хан. От него судьба каждого из них зависеть будет. Но его мир не должен рухнуть вслед за их миром, не бывать этому.

Вот тогда потомки и скажут ему спасибо за все. Помня об этом, он яростно брался за дело – надо было уничтожить непокорных, смирить непримиримых, оставить тех, кто не подвергнет опасности.

- Ты у нас совсем теперь татарин, - усмехнулся Батый, обращаясь к Даниилу, - вот кумыса пробовал, и сидишь по-татарски на пиру, и в святом огне очистился, все по-людски.

Батый говорил о своем мире, о своих сыновьях и внуках. А князю вспомнилось детство, те люди которые чаще всего было у них : Роман, Рюрик, грозный Всеволод, которого боялись, кажется даже те, кто ничего не боялся больше.

Тогда он вовсе не понимал, что они делили, почему изводили друг друга. Но Батый прав, если бы не бесконечные их распри, все могло быть по-другому. Не пришлось бы ему сейчас сидеть в шатре, речи ханские слушать, татаринком себя считать.

Даниил не сомневался, что вместе с грехами своими он в ад попадет, задумался об этом в первый раз. Тогда они встретятся, он расскажет обо всем, что пришлось пережить.

И хотя все сегования его будут напрасными, в том нет сомнения, никому и ничего исправить не удастся. Но они должны знать, чем была их жизнь на земле, чем она стала для тех, кто пришел позднее.

Можно было и разбить татар, если они дружны были. Но все выглядело по-другому, они были его воинами и героями, а не пленниками, почетными и преданными, но убогими и несчастными.

Хан снова о чем-то говорил, князь вел себя дерзко, это могло плохо кончиться. Но Батый насторожился.

Теперь он мог выбраться из его объятий и наконец, оказаться на воле, как же князю этого хотелось.

№№№№№№№№

Бес в тот самый момент все еще злившийся на Батыев, никак не мог придумать, что такое ему устроить так, чтобы никто не пострадал, но чтобы как-то всколыхнуть хана, заставить его действовать, надолго запомнить этот пир.

Где-то рядом ржал его конь, Батый им издалека любовался, страстно желая, наконец, покинуть шатер и прокатиться на воле.

В первый момент всем показалось, что в шатре стало темно, многие невольно вздрогнули, а потом какой-то странный вихрь заставил их прийти в себя.

Навстречу неслось черное чудовище. Оно казалось тем самым Батыевым конем. Хан опомнился и вскочил к нему, хотя должен был прятаться. Животное и человек столкнулись друг с другом. Он не понимал, как конь мог оказаться в шатре, никогда прежде такого не бывало. Человек, за него отвечавший, исчез бесследно, а он все ждал, когда хан за ним отправит и ему отрубят голову, но потом не выдержал и пропал без следа.

А Батый просто велел увести коня, и странно-тревожно забилося его сердце. Он чувствовал, что это дурной знак.

Даниил внимательно смотрел на Федора. Тот невозмутимо что-то пил из пиалы, это питье меньше всего было похоже на кумыс. Он оставался в раздумье, только что случившееся вовсе его не волновало.

Но он позаботился, чтобы из первого круга был, видел Даниилов исход. Там каждый переживал его по-своему. Никто в той жизни своей такого позора не испытывал. Но разве они все не были в том виноваты. Пусть они помнят о случившемся.

ГЛАВА 17 В ПЕРВОМ КРУГУ

Благодаря стараниям Мефи, князья видели все, что происходило в татарском стане, конечно, те, кто еще мог на это смотреть.

Сначала они глазам своим не верили, потом пришлось поверить. Убитый горем Роман, кажется, он никогда прежде так не огорчился и не был сломлен, даже под сапогом Всеволода чувствовал себя вольнее и спокойнее, и все еще не терявший силы духа Рюрик смотрел на то, как Даниил пошел по

всем своим мукам. Как его сын мог так смиренно стоять перед Батыем, ждать его благословения, и даже фразу про то, что он совсем татарин стал, Мефи дал ему послушать.

И чем дальше это было, тем больше они хмурились. Но больше всех переживал князь Игорь, повторяя все время одно и то же:

- Нет, о таком я и думать тогда не мог, этого не может быть, до чего же всех нас довести надо, чтобы мальчишка все это пережил, а бес нам показал.

Они видели, что бес ему помогает в мелочах, но ругали его за то, что он мелочился и ничего существенного не предпринимал, хотя он и представить не мог, что должен сделать, уничтожить ли в одиночку татарский стан или просто увести отсюда Даниила.

- Что он там делает? - возмутился Олег, - коня привел, чашку из рук выбил, - это просто глупые шуточки, совсем не об этом думать надо.

Но никто из них точно не мог сказать, что на самом деле надо делать.

Они чувствовали полное бессилие, перед тем, что там было, и даже то, что Всевышний их от этого избавит, если избавит, не особенно радовала. Они были в поганом том шатре, и как-то очень прочно с ним связаны, ведь даже трудно представить, как бы все закончилось, окажись любой из них теперь там.

- Не должен он был к Батыю отправляться, - наконец заговорил Олег Вещий, - не должен.

Столько отчаяния было в голосе его. Многие в тот момент на него оглянулись.

Так и вовсе князей не останется, если по этому пути идти.

Снова споры раздавались, в душе каждого так много накипело. От них ничего не зависело, а там что-то намечалось в это время.

- Что это за девица у Батыя появилась? - спросил Мстислав, наверно, только он один заметил Ирину.

Все переглянулись. Почему она отдалась хану, что они там вместе с князем задумали?

Но о девице вообще никто ничего разумного сказать не мог, но словно по команде каждый из них будто о своей возлюбленной вспомнил. И появлялись они то русыми русалками, то прекрасными, но немного усталыми феями.

И таким странным все показалось, словно они на какое-то время вернулись в прошлое, забыли о горьком настоящем. Их собралось слишком много вместе, чтобы каждому в прошлое удаляться.

Потом нашлась одна из русалок. Трудно сказать, кто из князей и героев вызвал ее сюда своими воспоминаниями. Она и решила на их вопрос ответить:

- Она очень любила князя. Решила сделать для него больше, чем возможно, чтобы от хана его спасти, чтобы не проходил он всех унижений, какие были ему уготовлены.

- Но как же так, ведь князь ее не узнал даже - спросил растерянный Ярослав.

- Все правильно, он и не знал ее, не встречал никогда раньше, но разве для любви это важно, разве мог мужчина по-настоящему оценить жертву, которую приносит женщина, - спросила она и загадочно усмехнулась.

Они долго молчали.

Значит измельчали и мужчины, а женщины остались прежними, - подумал Рюрик, и стало ему грустно от этой мысли, грустно и тревожно.

Он упрекнул себя, что даже лица той девицы не разглядел. Но каково было Роману. Смотрел он на все происходящее, понимал, что это его наказание за ту жизнь, ничего не проходит бесследно. И бес его наказал за все, что он сотворил и чего не смог сотворить, а должен был.

Чужая дева сделала для его сына больше, чем родной отец, который так гордился своими былыми заслугами. Теперь он издали взирал на муки своего сына, видел, как тот маялся, сопротивлялся, но ничего у него не получалось.

Не мог он от хана избавиться, как ни старался. Гордиться же он мог только собой любимым, не о чем спрашивать не хотел.

Они тайно посматривали на Романа, на лучшего из них, сожалели о муках его. Ведь ни один он грешил, совершал ошибки, немил был вместе с сыновьями. Но все кошмары пережить ему пришлось.

Но пир заканчивался, вместе с ним должен был и кошмар закончиться. Почти все князья забыли об Александре. Он только за Даниилом следил, не отпуская глаз.

Он оставался с ним вместе. Смотрел за тем, как и что там происходить будет. Так неожиданно вышел он из своей тени.

- Он должен проститься с ханом и забыть туда дорогу, - первым подал голос Олег. Не может сильный князь рабом стать в одночасье.

- Но если его просто уничтожат, как Михаила, - спросил Ярослав, и сам подивился такому тону.

- Он погибнет князем, - не сдавался Олег, как античный герой оставался силен и уверен в себе.

- Нет, - возражал Роман, - он не должен себя уничтожить, это несправедливо, так не должно быть.

Снова продолжался спор первых с последними, в котором никогда не появлялась истина. Да и примириться друг с другом они тоже не смогли бы. Сила, гордость и независимость первых сменилась странной покорностью, хитростью и изворотливостью вторых. Мстислав, когда-то в шутку называвший брата Мудрым, теперь стоял между ними. Он понимал и тех и других. Но сами они ничего не хотели, не пытались даже понять.

- Может ли Даниил подняться? – кажется, этот вопрос задавали себе все, кто там были.

И они не могли понять, возможно ли такое.

ГЛАВА 18 ФИНАЛ ПИРА

Даниил был почти уверен в том, что пир никогда не закончится. Вероятно, хан просто над ними издевался. Но может ему просто нравилось любоваться пленником. А он, кажется все на свете вспомнив, думал теперь об Игоре, оказавшемся в плену у половцев.

Говорят, что плен этот был странным, по меньшей мере, но каким бы дорогим гостем он там не оставался, его все-таки удерживали там. И только он теперь знал, что может пережить там человек.

Батый о чем-то говорил, а он все время уходил от разговора, рисковал навлечь немилость на свою голову. Но дьявол его верно охранял или хан был на редкость терпелив. Но своего недовольства он не высказывал, что бы ни делал князь русичей.

А Батый не о князе в те часы думал, Даниил все время погружен был в свои размышления и рисковал навлечь немилость, но дьявол его, верно, охранял от остального мира или хан был на редкость терпелив, но все прекрасно видел и понимал.

Батый хотел провести ночь в объятиях славянки, и то, что самый могущественный из князей не может ему в том помешать, приводило его в невероятную радость.

Ничто не могло нарушить его хорошего настроения. Если бы не Ирина, он продолжил бы этот пир победителя не на один день. Но ради иного, более сильного насаждения, он готов был отказаться от этого. Она спасала его от ярости и кошмара, в которые он порой погружался.

Впрочем, если об этом кто-то смутно догадывался, то это был бес, которого все это очень интересовало и волновало. Он все не верил, что девица могла так очаровать татарина. Что он оказался в ее власти.

- Это в первый и последний раз, что бы ни случилось, но сыну своему я не позволю пережить подобного. Союз с Римом, с венграми, с кем угодно.

Они роднее и ближе, тот плен не так страшен, как этот. Они помогут избавиться от татарского кошмара, а там будет видно.

Так он принял окончательное решение, в те минуты, когда Батый, мечтая о славянке, старался поскорее закончить пир, Даниил незаметно ускользал от него, хотя пока был очень близко. Но уходил он навсегда, Батый не поверил бы, что им не суждено больше встретиться..

Нельзя сильно туго затягивать ошейник на шее строптивного пса, его можно просто удушить. Он схватился не за ту соломинку, которую по широте душевной протянул ему хан, но и сам хан, привыкший к власти, не понимал, что любовь коварна и непредсказуема. Свое первое завоевание Батый уже потерял.

Хан поднялся неожиданно и стремительно. Это означало окончание пира. Можно было вздохнуть спокойнее и перевести дыхание. На рассвете князь отправится дальше по своим мукам.

Князь, вырвавшись из шатра, мог передохнуть спокойно, хотя и не было уверенности, что его не задержат тут.

Но он верил, что эти чувства не обманут его, он освобожден от аркана, а на расстоянии Батый не так и страшен.

Он не посмел оглянуться туда, где томились пленники, они и без того все время у него перед глазами стояли, не было необходимости снова на них смотреть.

Он покидал это место, если и погибнет. То не в ханском шатре, а им навсегда тут оставаться, князь знал, что он не вернется за ними и прославленный Александр тоже не вернется.

Испытание казалось невыносимым. Что угодно, только не это. Конечно, он не бог, но он князь, хотя и может так мало. Они проклинаят его, но еще больше он проклинаят сам себя. Может из-за этого ему больше не подняться с колен никогда, не стать прежним. И не забыть момент жуткого унижения. Хорошо, что они его больше не узрят, можно считать, что его никогда и не было вовсе.

Но покинув порог шатра, князь вернулся назад другим человеком. Бес, следивший за ханом, стремившийся разгадать его тайну, все еще ничего такого не замечал, и даже не догадывался пока о том. Оказывается, здесь поджидало его главное открытие.

Хотя и был он не человеком вовсе, но многие из человеческих качеств успел перенять, он чаще других с людьми возился, и с ними сроднился за это время невероятно.

Пока над станом Батые установилась тишина и покой, она поглощала звуки и голоса, скрывала страхи и тайны от любопытных глаз. Но надо

обладать уникальными возможностями, чтобы узреть то, что пока он видеть не мог и не должен был.

ГЛАВА 19 СТРАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Все рано или поздно заканчивается. Наверное, не случайно, не хотел Батый отпускать Даниила, хотя тот давно ему не был нужен. Но он скорее чувствовал, что не должен князя далеко отпускать. В тот самый день, когда князь на заре от него уехал, он, успокоившись, перестал бояться свою возлюбленную, она тоже исчезла бесследно.

Дурное предчувствие терзало хана до утра, хотя он ни о чем думать не мог. Он заглянул в шатер в назначенный час. И почему этот странный князь так влияет на все, что творится в мире?

Но тревога стала ясна позднее, когда он понял, что случилось.

- Где она? - спросил он у воина, который только молчал и взирал на него испуганно, он и не подозревал, что Ирины не было в шатре.

Когда она исчезла, никто не ведал, но понятно, что гнев на него обрушится.

Еще больше удивило его то, что хан ничего не стал предпринимать, резко развернулся, рванулся прочь.

Батюю показалось, что кто-то страшный и далекий вонзил в него нож. Но при этом он не был мертв, но и жив тоже уже не был.

Он не сердился на нее, за то, что она исчезла, ведь он не просил ее остаться, просто надеялся, что она останется, а надо было попросить, разве не так?

Он чувствовал, что девица больше не вернется, и как-то связанно это было с князем Даниилом.

Какая-то странная тишина образовалась кругом. Неподвижны, почти мертвы были все вокруг. Но почему, неужто они все так его боятся? Они не должны чувствовать за собой вины, он не отдавал им конкретного приказа.

И одно не мог он забыть - что-то неладное творилось в его стане

Где-то он перегнул палку. Но после этого ничего не последовало. Это позволило его подопечным перевести немного дух. Хотя чувствовали они себя скверно, меч нависал над ними .

И только его любимая жена, узнав, что наложница исчезла, обрадовалась, ей больше ничего не угрожало, можно немного подождать, а потом направляться в его объятия.

Но тут перед Батыем явился Мефи. Он не мог уйти просто так. Кое на что ему хотелось открыть хану глаза. А так как во многом и для него это стало

новостью, то ему хотелось обо всем рассказать. Так много горя и страданий принес он другим, сто надо было и его как-то наказать, пусть и жестоко.

- Что ты решил мне сообщить? - спросил удивленно хан.

- Думаю, тебя волнует только славянка, но ты зря надеешься, ее не волки съели, да и ничего такого с ней не случилось.

Он наблюдал за тем, как сверкнули глаза хана.

- Так, где же она?

- Умчалась вместе с Даниилом, только для того, чтобы ты отвлекся и не был жесток она все и творила.

- Ну и черт с ней.

- Конечно, обидно только, что ради тебя никто так убиваться не станет, - вздохнул тяжело бес, хотя сразу ясно, что ничего ему не было обидно. Но на князя не гневайся, он ничего не ведал, так же как и ты, славянки они такие, все делают, что им хочется.

Батый не сомневался, что бес говорил правду, никак не могло его обмануть то, что он говорил.

НО почему он так смог играть его чувствами, что такое с ним творилось?

- Не рыпайся, ничего ты с ней не сделаешь, даже если ее силой вернут к тебе, слишком дорога тебе эта девица, но она привыкла себя вести так, как ей вдумается.

Но должен быть хоть кто-то, кто выстоять сможет против тебя.

Он усмехнулся, видя, что всемогущий хан оказался бессильным. Слушая беса, он не проронил ни звука. Но он не собирался выдать всех чувств перед этим типом.

- Она не могла так лгать и притворяться, - подумал хан, там было что-то другое, бес просто издевается. Но в душе оставалась надежда, и он не собирался говорить об этом с бесом.

Как только он пропал, Батый опустил на свой стол, почувствовал, как он устал, как бессилён. Он и не подозревал, что девица обнажила все раны, которые у него были.

Но как можно доверять хоть кому-то в этом мире? а особенно женщинам. Он просто безумец. Никогда больше подобного не случится. В каком-то странном унынии он готов был даже простить ее, если бы она решила вернуться назад.

Батый ушел от шатра, увидел небо, усеянное звездами, и серп луны над ним. Жизнь продолжалась, и даже ее исчезновение не могло ничего изменить. От понимания этого стало немного легче.

ГЛАВА 20 ВСТРЕЧА С КНЯЗЕМ

Ирина обнимала хана в ту ночь, и знала, что она окажется последней. Но она старалась не подавать вида. Она чувствовала вину перед Батыем. Ведь только сейчас она поняла, что не собиралась огорчать его, вернее, она просто не думала о том, что так может быть.

Батый был с ней счастлив, конечно, но у него столько жен и любовниц, что он скоро об этом позабудет.

Но потом, постепенно, она стала понимать, что это месть за те унижения, которые она переживала в те дни и часы.

Поспешно покидая шатер, она поняла, что сделала все и ничего больше ей не остается. Но до тех пор, пока он не появится тут вечером, о ней никто не хватится, она успеет уехать далеко, и они не догонят ее, даже если захотят этого.

Ирина знала о том, куда направляется князь Даниил. Она понимала, что даже тайно не сможет его сопровождать. Надо было отправиться в Галич и ждать его там, чтобы не случилось беды.

Но потом не удержалась, и все-таки какой-то отрезок пути проделала, следуя за ним, хотя и могла бы заблудиться по дороге.

В это время он стал ей невероятно дорог. Что просто так расстаться она с ним никак не могла.

Конечно, надо быть очень осторожной, не давать повода для того, чтобы он волновался и гневался.

Княжеский отряд передвигался быстро. Они словно бы хотели убежать от унижения и кошмара, недавно пережитого. Но и Ирина не давала отдыха своему коню. Она замирала от страха, не желая быть разоблаченной.

Нет, ей вовсе не хотелось, чтобы Даниил ее обнаружил, только она одна должна была видеть, но не князь.

Она слышала, как у костра князь спросил одного из своих слуг, который был не таким как все, отмечен каким-то особенным знаком, и все время находился рядом с Даниилом:

- А что стало с той девушкой, которая у хана появилась?

Этот странный тип посмотрел в пустоту и ничего ему не ответил. Он молчал долго, сделав вид, что ему все известно.

Странный этот парень посмотрел в пустоту и ничего ему не ответил. Он молчал долго, сделав вид, что ему что-то ведомо, но потом все-таки решил успокоить князя.

- С ней не случится ничего страшного. Батый бывает иногда добр, но она уже далеко. Татары не найдут и не достанут ее, не бойся.

Слыша такие речи, Ирина была удивлена. Она пыталась угадать, известно ли ему что-то или он только желает успокоить князя. Но понять это было не в ее власти.

- Значит, как бы он не был силен и подавлен, как бы не обожал свою жену (он еще не ведал, что она умерла), он не забыл обо мне, он помнит, хотя видел только один раз.

Это напомнило ее такой радостью. Что она повернула коня и помчалась прочь, предвкушая, что и в ее жизни наступят светлые и ясные дни.

Но немного позднее Ирина испугалась. Ведь и в этом путешествии в татарский стан с князем может что-то случиться. Хотя потом, вспомнив про того типа, который был к нему приставлен, успокоилась - он охранял князя, не хуже, чем она, о нем заботился, значит все наладится.

Она радовалась, что отправляется домой, так устав от чужого мира, обычаев и порядков его. Хотелось просто немного отдохнуть и расслабиться.

Она уже не слышала того, что произнес князь:

- Я хотел бы видеть ее, ты можешь это устроить?

- Надо было раньше о том думать, пока это невозможно, - резко ответил ему бес, чувствуя себя хозяином ситуации. - Конечно, если ты не хочешь повернуть в свой Галич любимый.

- Я не могу туда повернуть, - напомнил ему Даниил.

Хотя было видно, что этого ему больше всего и хочется.

- По-твоему выходит, что я еще встречу с ней? – стал допытываться он.

Странные дела творятся в этом мире, - думал Даниил, - но другого ничего не остается, как только верить и надеяться.

Он князь и с детства ему внушали, что он может делать все, что вздумается, но почему теперь, когда ему хочется взглянуть на отважную деву, обнять ее, он бессилен. И встречаться, правда без объятий, ему придется с ханом. Он никогда не будет свободен от всего этого, и муки его закончатся только в смертный час, или это сладенькая ложь, чтобы как-то изменить то, что происходит в мире.

Когда он заснул, показалось, что девица шагнула в его сон. Она стояла рядом, склонившись над ним и улыбалась.

- Не уходи, - просил он, -я не хочу тебя терять.

- Не сейчас, -улыбнулась девица, пока мне пора уходить, я буду с тобой, но позднее, у нас еще будет время для свидания.

-Что-то изменилось с этими ее словами, в сознании поселилось какое-то волнение. Он никак не мог понять, о чем она говорила, что эти слова могли значить.

-Она знает о чем-то уже случившемся или о том, что скоро случится, - подумал он, и даже от предчувствий стало страшно.

Но он решил пока о том не думать. Могла открыться какая-то страшная тайна, лишившая его всех сил, и не позволившая добраться до места, а в такой тяжкий момент он не может оставаться безоружным.

Ему обещана встреча с этой воинственной девой, бес мог шутить, но никогда его не обманывал. Вот на время и надо все позабыть и двигаться дальше.

А от тревог невозможно где-то укрыться, да еще в такое время. Да и кто он такой, чтобы избегать тревог, для этого надо спрятаться в дремучем лесу и стать волхвом, а не князем.

Но странная тревога отказалась сильнее, она не покидала весь путь в Монголию. Он понимал, что происходит что-то, но никак не мог догадаться, что же именно.

А спутник его таинственный если и знал что-то, то все равно молчал. Ну может и хорошо, что они разлучены на какой-то срок, иначе бы тяжело было путешествовать, а ему и без того тяжко.

Все на этот раз закончилось быстро и без особых приключений, да и как могло быть по-другому, когда рядом оставался бес. Но путь этот показался князю Даниилу невероятно тяжелым. Слишком много сил было потрачено на такое путешествие в Пекло. Но что еще ждало его дома.

ГЛАВА 21 ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

На миг замер князь перед закрытыми воротами, он подвигся тому, что из не заметили стражники и не поторопились открыть перед князем. И только после того, как Федор яростно заколотил чуть ли не копытами, там что-то зашевелилось на той стороне.

Странное было возвращение домой. Наверное, они уже не верили в то, что князь мог вернуться назад.

Но было еще что-то непонятное и таинственное во всем этом. Стражник пытался спрятать глаза, когда он пристально посмотрел на него. Неужели он презирал князя, который смог выжить в этом странном походе?

Даниил думал о том, что было страшнее всего для него самого. Он и не догадывался о том, что для уныния и страха могут быть другие причины.

А тому было понятно, что князь не знает о самой большой беде, и не хотелось, чтобы он о том узнал от него.

Он перевел дыхание, когда Даниил проследовал мимо.

Федор по дороге намекнул на то, что новости ждут его во дворце, и стал говорить о том, что души с небес спускаются за теми, кто уходит.

- О чем ты, хочешь сказать, что я переступлю порог и дух испущу, что они меня там уже ждут?

- Просто говорю, что надо помнить о смерти, а в этом мире ничего не вечно, - буркнул бес.

- Ты все-таки говоришь о смерти.

- Ты будешь жить, не бойся, - отвечал бес, и в перепалке этой ничего не прояснялось, о том, что умереть мог кто-то ему близкий, но ставшийся дома, Даниил даже и не думал.

Князь в последнее время долго думал и никак не мог понять, как быть и что делать дальше, но оказавшись в объятиях, по-другому и не могло быть. Но так или иначе, совсем скоро все прояснится само собой.

Захотелось заглянуть лет на сто вперед и убедиться в том, что там этот татарский кошмар для его князей завершится.

Вот и разглядел он Дмитрия в том далека, тот шел на битву с татарами, а вот понять победил он или проиграл даже бес никак не мог.

Но наступят времена, когда все это завершится, и даже род Рюриковичей исчезнет без следа. И кто-то напишет повествование о том, как это было, и там он будет играть главную, самую важную роль. И все они так и останутся в его власти, потому что никакому богу не нужны...

№№№№№№№№

Даниил настороженно смотрел на свои палаты – туманный разговор с Федором радости ему никак не прибавил. Странные размышления и предчувствия и вовсе встревожили. Что же там такое происходило?

Почему Марианна даже на пороге не встречает его, может быть ее нет в граде? Да и дворец кажется каким-то неживым.

Где она, о чем говорил Федор? Но о самом страшном он даже и думать не хотел, решив, что если не думать, то и не сбудется.

Только молчание не меняла реальности, и наконец, очень тихо спросил Даниил у кого-то из слуг:

-Что случилось с княгиней?

Федор молчал, молчал и тот, к кому обращался князь.

- Она больна? - не унимался Даниил.

И по тому, как странно молчал бес, он понял, что она не больна, ее больше нет, вот почему он говорил о смерти, о душах, которые приходят с небес, за умершими, а он, идиот, думал только о себе.

- Почему так? - не унимался князь.

На такой вопрос, наверное, никто бы не смог ответить.

- Игорь из плена вернулся, и был радостно встречен, а мне даже такого не дано.

Слуги, наконец, выбежали к нему навстречу. Он прошел, не глядя по сторонам, в палаты.

Но ни о чем не хотел думать и говорить князь.

Он еще твердил о том, что это злая шутка беса, что не может разом на него столько бед свалиться. Ему казалось, что стоит ему забежать в покои, там он узрит княгиню целую и невредимую.

Но разве бес когда-то шутил, если речь шла о жизни и смерти? Да не было такого сроду.

Дверь распахнулась сама собой, сначала показалось князю, что Марианны там вообще никогда не было. Как изменился мир, в который он вернулся. Словно почувствовав это, он резко повернулся, зная, что на пороге кто-то стоит.

Там стояли его сыновья. Старший Лев - стройный и высокий, очень изменился за это время, его с трудом можно было узнать.

- Она умерла, отец, - произнес он, и голос дрогнул.

- Она все время звала тебя и в последний миг тоже.

Он замолчал, пытаясь понять, где же теперь его отец, почему его так долго не было в городе, да еще в такой момент.

- Я был в аду, - услышал он голос князя.

Лев отошел в сторону, он многого не понимал в мире, только чувствовал, что матушку больше не вернуть.

Одна сплошная тьма, никакого просвета.

ГЛАВА 22 У МОГИЛЫ КНЯГИНИ

Только зубами скрипнул князь Даниил, а он-то думал, что все беды и несчастья остались позади.

Не бывать этому, пока он жив, они будут стеречь его на каждом шагу, и нож в спину всегда может возноситься в самый последний миг. Конечно, любимая его ни в чем не виновата. Это не в ее власти, но ему казалось, что она предала его.

Никому ничего не говоря, князь отправился на кладбище, там где теперь она обитала.

То ли люди, то ли тени шли за ним следом.

Лев был здесь рядом с ним, но заметил он это только теперь.

Он должен был жить дальше, потому что вернулся из ада, но это оказалось труднее всего.

Снова вспомнилось, что его все время сравнивали с Александром, но тому хорошо, он всегда победитель, а Даниил на этот раз несчастен и раздавлен, и от этого не уйти, и долго еще придется лечить свои раны. Но и Батый далеко, он не появится тут, не протянет свои лапы к Галичу, на какое-то время он оградил свой град от такого вторжения.

- И ты останешься князем в своем уделе, - размышлял Даниил, стараясь найти хоть что-то для себя приличное.

Но слова эти никак не утешали, он понял, что должен умереть или начать бороться с Батыем, третьего ему не дано. Не из-за этого варвара ли он не был с женой, когда та умирала. Он так долго не видел ее, а теперь уже никогда не увидит. И черты ее расплывались перед глазами, словно он никак не мог припомнить, какой же она была.

- Что со мной происходит, - с испугом, переходящим в тихий ужас, подумал князь, - почему я так быстро забыл тебя?

- От неожиданности, горя и отчаяния, ты вспомнишь, ты все вспомнишь, - послушалось ему откуда-то издалика.

Пораженный этим голосом, он оглянулся на сыновей, слышат ли они его, понимают ли, что происходит. Они отправились в усыпальницу, где княгиня и была похоронена.

Священник, услышав, что князь вернулся, вышел к нему навстречу, с тревогой смотрела на него. Он ждал расспросов, как была похоронена княгиня.

Имя на плите, скорбящие ангелы.

Он удивленно поднял брови, когда понял, что князь ни о чем не станет спрашивать.

Он остановился у гранитной плиты и закрыл лицом руками, словно боялся узреть что-то страшное.

- Прости, я пришел поздно. Я пришел другим, пережив те муки и страдания, которые выпали на долю. Но что-то сломалось в душе после этого бескровного похода, я не знаю, что мне делать и как быть дальше. Хорошо, что ты меня другим запомнила. Я приду к тебе, только не теперь, я должен отомстить Батыю за все, что он сделал со мной и с землей. Если мы уйдем молча и безгласно, то, как же оставаться, как быть дальше? Какой тогда мир мы оставим нашим детям?

Священнику казалось, что и сам он онемел навсегда, так почувствовал он скорбь великого князя.

На обратном пути к нему присоединился бес, он решил поведать Даниилу о том, как все там и тогда было.

- Она давно и сильно болела, только тебе ничего не говорила, ей очень хотелось тебя дождаться, да не смогла. А может, не хотела огорчать тебя еще сильнее, как знать.

Бес обиделся, видя, что князь смотрит на него недоверчиво. Но почему именно теперь он не верит ему. Тогда, чтобы как-то отрезвить, он и произнес:

- Не переживай сильно, одна ушла, другая придет, это жизнь, и если мы не можем тягаться со смертью, то не стоит и начинать.

Он хотел напомнить об Ирине, но промолчал.

Но Даниил даже и не вспомнил об отважной девице, словно ее вовсе не было в этом мире. Он не мог так просто заменить одну на другую.

Нет, князь и не думал менять свою жену, на девицу, которая пусть и рисковала ради него жизнью, но оставалась чужой.

Нет, только бес мог с весельем и отвагой относиться к трагедии, а он не собирался так быстро все менять.

Но потом Даниил вспомнил улыбавшегося всадника, перед ним появился князь Александр, на этот раз только в видении его, в памяти.

Наверное, тот найдет свой путь и не затеряется в этом мире, чего нельзя сказать о самом князе.

- Почему ты не сказал мне об этом раньше? - спросил Даниил у Федора.

- Тогда бы все было еще хуже, из двух зол я выбрал меньшее. Ведь ты вернулся бы домой, а Батый свою тьму в Галичу бы направлял, и даже княгиню свою похоронить бы не успел и не смог, - тяжело вздохнул бес, кажется он говорил серьезно.

В главном бес оставался прав, тем более что князь не властен перед богиней Мореной, изменить - то он все равно ничего не может.

Весь вечер он молчал, с пира ушел поспешно, едва там появившись, чувствовал, что рухнула его последняя надежда на то, что можно что-то изменить.

Дворец казался холодным и пустым.

- Ничто не вечно, - улыбался Александр в его видении, - не стоит терять голову, ничего не кончается»

Ошибся он немного. Перед ним стоял брат легендарного князя Андрея - муж его старшей дочери. Он только что прибыл из своего удела, из Волыни, где они поселились не так давно.

Узнав, что Даниил вернулся, решил навестить его.

ГЛАВА 23 НОЧНОЙ РАЗГОВОР

- Андрей, ты здесь? – очнувшись, спросил Даниил, и почувствовал, что в душе немного потеплело.

Зять оставался единственным человеком, с которым он мог поговорить по душам – это невероятная роскошь для князя.

- Как только узнал, что ты воротился, так и собрался в дорогу, не говори ничего, вижу, как там все было...

- Александра видел, - задумчиво говорил Даниил, решив начать издалика.

- Ну, с него-то все, как с гуся вода, ему никогда ничего не сделается. Мне еще в детстве казалось, что никакие горести никогда не пристанут к нему, что бы ни случилось. Тогда я ему завидовал, что было, то было. Вот и Батый для него, как брат родной, а когда этот сдохнет, и придет другой, и с тем так же будет, не сомневайся. Александр - князь на любые времена, всегда договорится и выкрутится. Да ты не слушаешь меня совсем, - немного сокрушенно произнес он.

- Нет, я слушаю, но ты сам, что об этом думаешь? - поинтересовался он.

- А что я могу думать, наш век долог, придется смириться и терпеть, что позорить себя, если победить мы все равно не сможем? Может богатыри в прошлом иными были, или те, с кем они бились, не так сильны, как татары, только все, кто поднимали головы, погибли мучительно смертью, а умирать, зная, что смерть бесполезна, ничего не изменит, нет смысла.

Он только сейчас заметил, что князь давно и пристально на него взирает.

- Значит, смириться, и детей своих смиренью научить? А внуки наши и вовсе рабами родятся?

Андрей содрогнулся, он не хотел верить в то, что так все и будет, но взамен он ничего не мог предложить все равно.

- А как по-другому? - спросил он решительно, когда все равно ничего сделать нельзя.

- Не верю, должен быть выход, не потерпит душа моя смирения, должно что-то еще случиться такое, только тогда мы будем иметь право людьми себя считать.

- Я был у Батгя, и ни за что на свете больше туда не вернусь, - произнес он.

Было ясно, что он принял такое решение раз и навсегда.

- Нет, надо бороться до последнего дыхания, объединяться с полянками, с венграми, с кем угодно, только против татар, чтобы духу от них больше не оставалось.

А ведь еще недавно ни о каких союзах он не думал, и думать не собирался. Только теперь ему эта мысль в голову пришла. Он утвердился, понимая, что делать должен.

Но видел, что не согласен с ним Андрей.

-Растопчут нас союзники такие, хуже татар, - наконец заговорил он о главном, - растворимся мы в них, а в татарах не растворимся. И здесь брат мой прав был, когда яростно с ними воевал, и союз заключать не собирался. Рано или поздно татар изгонят, а когда с нами твои поляки и венгры перемешаются, то избавляться от них поздно будет.

Прав ли он был в странной своей догадке, нет, кто его знает, но даже думать о том не хотел князь. Это было выходом, по его разумению, единственным и бесспорным.

- Пусть потомки мои лучше станут немцами и шведами, чем татарам проклятым кланяться будут.

Нет, Даниил не сомневался в своей правоте. Он знал, что если будет надо, то примет католичество и станет подданным Римского Папы. А потом, когда от Руси только Галицкая земля останется, тогда и видно будет, кто из них был прав. Андрей говорит, что татар скинут, он верит в это, но если этого не случится никогда? А такое может быть, тогда татарва и Батый по всем нашим землям поселятся.

Нет, Даниил в ту ночь окончательно убедился в своем решении.

Андрей отошел в сторону, он убедился в силе и воле княжеской, и ничего больше не мог сказать.

Но может Даниил и прав, как можно отсюда судить обо всем? Андрей там пока не был, и не собирался перед татарами на коленях ползать.

№№№№№№№№

Они пили какое-то вкусное вино, которое он распорядился принести. И наконец, Даниил почувствовал, что он и на самом деле дома. Можно немного передохнуть. Ничто больше не угрожало ему. Татары далеко, земля все еще жива, он остается князем. Хотя это его не успокаивало и не радовало, но и забывать он о том не собирался. Андрей пойдет с ним в схватку, он будет бороться до конца, возможно к ним присоединится и Александр, если удастся его в том убедить, а если нет, то он и сам со всем справится.

Он сделает все возможное и невозможное, чтобы на земле и в их душах от Батыя не оставалось и следа. Он был дома, и в душе его все переменялось. Этот мир был не так плох, как ему казалось оттуда, издали.

В тот вечер князь не заметил тени, мелькнувшей около окна – он был увлечен размышлениями и разговорами. Она, немного помедлив, исчезла, никогда прежде не видела Ирина князя таким умиротворенным.

Алый рассвет возвестил о том, что они проговорили всю ночь.

Усталый, но довольный Андрей отметил, что этот человек ему бесконечно дорог. Это чувство было для него дорого, в мире, где царило соперничество, такое редко можно было встретить. И хотя Александра он очень любил, часто им восхищался. Но не в меньшей мере, он восхищался и Даниилом, и благодарил небеса за то, что в страшном этом мире есть два таких князя. Может быть, из-за них только этот мир не рухнет окончательно. А если даже в тяжкие години таких будут посылать на Русь таких князей, то она будет жива вопреки всему. Разве не мог он радоваться тому, что творилось вокруг. Один из них был его родным братом, а второй его тестем. Он родился под счастливой звездой, это точно.

ГЛАВА 24 СТРАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Ирина радовалась, что весь кошмар завершился, и, кажется, все для нее закончилось благополучно, судя по всему, Батый сюда не доберется.

В тот вечер она и появилась перед покоями князя Даниила, чтобы еще раз на него взглянуть и подумать о чем-то тайном.

Даниил, хотя все это время он и был в бездне тоски и не мог оттуда выбраться, казался ей спокойным, она узнала о смерти княгини, когда вернулась, и растерялась.

Вроде стена, разделявшая их, упала, но станет ли ей от этого легче, пока она была жива, о том задумываться не приходилось, и вот теперь.

Но со стороны не было заметно, чтобы печали и горести терзали князя, как-то был он больно спокоен.

Но потом ей захотелось все разом решить, представ перед князем. Пока он не нашел себе другую жену. Тогда снова все окажется безнадежно, но она медлила, хоте остаться бесплотной тенью, чтобы он никогда ее не нашел и не обнаружил, потому что он наверняка знал о шатре и о Батые, а вот это не давало ей покоя.

А если он ее прогонит, все поймет не так и не правильно, что тогда ей делать?

Но переживет ли она, если в комнату, тайно или явно шагнет другая. А рано или поздно это случится. А будет ли она любить его так, сможет ли защитить от всех бед и несчастий.

Не слишком ли многим она рисковала, чтобы вот так просто от всего отказаться? А если она просто не понравится князю, да еще будет напоминать о том, что он ей многим обязан, как он перенесет такое?

Прошло несколько дней с той тайной встречи, и она, недавно безрассудно бросившаяся навстречу к Батыю, теперь никак не могла сделать этого шага.

Но она понимала, что если не шагнет к нему навстречу, то не сделает этого уже никогда.

Тогда надо послать все к чертям и просто оставаться, помня о своем странном, героическом поступке.

Но отчаянная смелость снова оживила ее дух, прежде, чем кануть в неизвестность, она должна появиться перед князем, если не случится этого нынче, то не будет уже никогда. Она посмотрит в его глаза и сразу все поймет, и не позволит его отвергнуть, прогнать себя. Решение было принято, отступить она не собиралась.

№№№№№№№№

Федор между тем куда-то исчез, он видел, как тот утром заигрывал с кем-то из служанок, наверное, отправился на свидание, - усмехнулся князь. И вспомнил язвительное замечание, что его любят как Олега Вещего, самозабвенно и страстно, когда исчезает одна, то тут же появляется другая. Тогда он даже и не запомнил эту фразу, а вот сейчас она не давала ему покоя.

Но плут, наверное, просто издевался, никакая другая не появится ни теперь, ни позднее, не бывать этому никогда. Время словно перестало течь, от него и следа больше не оставалось. Ирины нет, а то, что она ради него жертвовала собой, то это уловка, оправдание ее отчаянного поступка. А хотелось ей от Батыя чего-то совсем другого, и кто сказал, что она собиралась спасти его?

Потом Даниил никак не мог припомнить, в тот ли самый момент появилась Ирина или немного позднее, время странно перепуталось, и он не знал этого наверняка.

Но словно угадав его помыслы, она и появилась в свете луны, на той самой лунной дорожке, которая пролегла по центру его покоев.

Даниил взглянул на нее и оторопел. Несколько мгновений он не мог понять, кто к нему явился, так все было странно и таинственно..

- Не может быть, - шептал князь, не понимая, что это может быть реальностью, а не странным сном.

Он видел перед собой сначала Марианну, а потом она резко переменялась.

И только когда дева резко повернулась к нему, колдовство спало, он, словно пробудился и сразу все понял. Она была выше и стройней, и он уже встречал ее в другом месте. Хотя тогда она была верхом на коне, и представить ее в полный рост было трудно. Он только чувствовал, что это был не призрак, как ему показалось сначала, а живой человек.

Ирина приблизилась к нему, и хотя ее движения было странно-размеренными, плавными, но она была живой, в том князь не сомневался.

ГЛАВА 25 СВИДАНИЕ В ПОЛНОЧИ

Реальная дева спешила к нему на свидание, в том не было сомнений. Скоро он услышал ее голос:

- Не бойся меня, княже, я сейчас уйду, но мне хотелось на тебя взглянуть, не в ханском стане, а тут, в твоём дворце, убедиться в том, что с тобой все ладно.

И какая-то мимолетная улыбка скользнула по ее губам, словно она узрела что-то такое странное и близкое.

И все-таки, скорее всего это был призрак.

Князь, словно замороженный, молчал и не шевелился.

Ирине казалось, что взглянув на него, вблизи она сразу поймет, что творится в его душе, но ничего не поняла.

Это он казался призраком, хотя лицо его тогда не выражало никакой печали. Она не понимала, как ей поступить дальше, уйти или остаться. Но как-то поспешно она направилась к выходу. Кажется, он не сердился, не просил ее уйти, но и остаться было трудно.

Что-то происходило не так, но как нужно было, она не понимала. Надо было уйти за миг до княжеского гнева или остаться навсегда. Похоже, что она выбрала первое. Жаль, что для него она ровным счетом ничего не значила.

- Где ты была все это время? - неожиданно спросил князь.

Она вздрогнула и обернулась.

Она вдруг поняла, догадалась, что он разговаривает не с ней, а со своей мертвой женой, она не ожидала такого и готова была разрыдаться.

- Опомнись, княже, я живая, - хотелось крикнуть ей, - я знала, что ты не узнаешь меня, но я еще не умерла, и умирать не собираюсь.

Она задышалась от гнева и рыданий, жалея о том, что появилась тут внезапно.

- Ирина, подожди, - вдруг услышала она свое, а не чужое имя.

Он решительно двинулся к ней, словно очнулся от сна.

Значит, он ничего не перепутал, и те его слова не к призраку княгини относились.

Она не хотела этому верить, но ведь это было правдой.

Она должна была уйти, но все еще стояла перед ним.

Но в покои уже вбежал стражник, услышав голоса, его потеряло то, что он пропустил ее сюда, как он мог не заметить девицу.

Он чувствовал, что гнева ему не избежать, но скорее был удивлен, чем испуган. Хотя только теперь он заметил, что князь недовольства не проявлял, он просто приказал ему жестом удалиться.

У него была какая-то дева.

- Я была рядом, но не хотела навязываться, - говорила Ирина.

Наверное, в этот вечер должно было твориться что-то необычное. Даниил, смотревший на нее, как-то покачнулся и опустился перед ней на одно колено.

- Я знаю, что ты там сделала, даже не зная меня, - прошептал он.

Ирина растерялась еще больше, но пальцы ее коснулись волос князя.

- Ну разве могла я допустить, чтобы они с тобой расправились? – спросила она, - мне вовсе не страшно было там, татарин глуп и похотлив, им не так трудно управлять. А ты нужен Галичу и этому миру, - тихо говорила она.

- Все позади, теперь будет лучше, чем было, я не мог допустить, чтобы с тобой что-то случилось, но это было не в моей власти.

И снова вспомнились слова, что его любят, так же как и князя Олега.

- Не покидай меня, - услышала она его голос, - боюсь, что с рассветом, и ты исчезнешь.

Она только молча улыбнулась, вспомнив, как долго решалась появиться перед ним. Но почему же он казался таким суровым и непреступным?

№№№№№№№№№№

Княжеские стражники до утра ждали наказания за то, что произошло в покоях. Бес потешался над ними от всей души.

- Глупцы, словно в объятьях этой девицы князь мог вспомнить про вас, да сто лет вы ему нужны. Вам плохо бы пришлось, если бы вы ее не пропустили, это точно.

Нет, ни о каких наказаниях тогда не думал Даниил.

Теперь все вроде бы становилось на свои места.

Не напрасно радовался бес. Оттаяла в ту ночь душа князя Даниила, совсем по-другому он себя стал чувствовать, новые силы у него появились. Правда, во сне он еще видел кошмары, но реальность была совсем другой.

Только через несколько дней после того, когда Ирина поселилась во дворце, заметил он белую тень.

А когда она приблизилась, увидел он мертвенно-бледное лицо своей жены.

Ничего она ему тогда не сказала, только молча рядом постояла и растаяла.

Он смотрел, как уходила она по темному коридору, перед поворотом остановилась и оглянулась на миг.

- Я тебя никогда не забуду, - говорил князь, - уверенный, что он ее слышит, - но я не виноват, что ты так рано ушла, а мне еще надо жить.

Там за стенами замка оставался его город и его удел, куда и стремилась все время душа.

Так уж вышло, что в его душе останется место для двух женщин.

Ему хотелось вспомнить свадьбу, но потом он опомнился и отогнал от себя эти воспоминания, они показались ему слишком тяжелыми.

Ирина стояла рядом и смотрела на него молча.

- Я должен построить град сыну, назову его именем град сей. Пусть после нас остаются соборы и города назло татарам.

Она радостно улыбнулась. В своих видениях она видела град, о котором говорил Даниил, и радовалась, что он думает о мире, а не о схватках. Он так был ей нужен, вот такой живой и сильный. У них впереди целая вечность.

Жизнь продолжалась вопреки всему. И не одни беды, но и радости дарила им судьба.

ГЛАВА 1 ПАТРИАРХ

Все изменилось на земле Галицкой после возвращения князя из орды. Больше не было тревожного ожидания, когда никто не ведал, что делать и как быть дальше, князь вернулся цел и невредим, и это та единственная радость, которая еще оставалась людям.

Они чувствовали, что еще смогут жить без опаски, хотя все больше пожаров полыхало поблизости.

Но татары только утрюмо поглядывали на те земли, где обитал князь Даниил, а Русичи крестились, моля всевышнего о том, чтобы беды миновали их земли.

Наверное, бог слышал их молитвы, если отголоски беды и колокольный звон и касались их слуха, то самих их все-таки не задевали, настоящей угрозы все еще не было. Даниил сделал все для того, чтобы какое-то время они провели в спокойствии.

А князя - соседи видели, каким страшным пороком оказалась гордость – теперь они должны были задыхаться в пламени пожаров, понимая, что потеряли все, что у них было.

С тревогой и слезами на глазах поглядывали они на Галич, и гадали, что же есть гибель, а что спасение.

Но не так просто и радужно все было и в самом Галиче, и бес все чаще заглядывая к Александру, рассказывал Даниилу о том, что творится у великого князя, и о чем он думает теперь.

Он знал, что Даниил не изменит своего решения, больше в орду к Батыю он не отправится никогда. Но и сидеть, сложа руки, князь не собирался, надо было как-то отгородиться от хана. Это продлится несколько десятилетий, а может и столетий, пока не поднимутся остальные, чтобы сбросить татар. А бес ему не раз говорил, что именно так все и будет. Но много воды утечет до того момента, пока все это случится, а он не может ждать и напрасно надеяться. Он решил отправиться в Европу прежде, чем случится что-то страшное и непоправимое.

Для начала князь должен был отправиться к венгерскому королю, не надеясь больше на своих родичей и воинственных соседей.

А как можно было укрепить этот союз? Брачными узами, тут не требовалось придумывать чего-то нового. Только тогда можно было на что-то надеяться. А его любимый сын Лев уже подрос к тому времени, все совпало, да еще и град его поднимался на новом месте, среди недавно дремучих лесов, рос град Льва на глазах у всех, кто там в то время бывал.

Ирина слушала его внимательно, если он считает, что так должно быть, ей оставалось только поддержать своего князя.

Она смотрела на Даниила с тихой гордостью, потому что он не мог ошибиться, он все делал правильно.

И вот ради светлых и ясных этих дней рядом с ним стоило пройти все, что она прошла прежде.

Она успела заметить, каким суровым и решительным он, может быть, порой казалось, что он вовсе не умеет улыбаться, а в такие минуты он казался старше своих лет. Но она знала его и другим, а потому не пугалась вот такого проявления.

Даже по тому, как князь на нее смотрел, она понимала, что он думает и чувствует. Но если их отношения изменятся, если она перестанет чувствовать, что нужна ему, она тут же исчезнет, потому что оставаться рядом с тем, кто не слышит и не видит тебя, она не собиралась.

Молить о внимании, напоминать о себе было вовсе не в ее правилах. Но пока все было так как хотелось, ей не о чем волноваться.

№№№№№№№№

Князю часто не хватало Федора, а тот куда-то запропастился. Наверное, в такие времена ему становилось скучно, он нашел себе занятие поинтереснее, уносился в неизвестном направлении и не появлялся рядом. Но на земле Галицкой появился патриарх. Он слышал о недавнем походе Даниила к татарам. Ему хотелось лучше познакомиться с этим князем.

Он знал его еще ребенком, а теперь князь показался ему невероятно взрослым, а ведь ему было совсем немного лет, судя по всему.

Даниилу доложили о его прибытии, и странная тревога вспыхнула в душе князя, за последнее время он далеко отходил от веры. Уж не возмутился ли святой отец тому, что он так долго оставался среди татар, что в душе должен был отстраниться от Христа. Но ему могло быть ведомо, что на Римскую церковь он взор свой направил. А ведь она может и помочь ему спастись. Православие оставалось самой терпимой верой, и оно плохой помощник для тех, кто борется за право просто жить в этом мире.

Все вопило о том, что не слишком приятным будет этот разговор, появился же священник тут не случайно и не просто так. Но и бежать и прятаться от патриарха князь не собирался.

Но днем он часто забывал о том, что видел ночами, стоило только закрыть глаза и картины, пережитые в стане у татар, снова оживали. Сотни измученных пленников-славян требовали, чтобы он что-то сделал, как-то изменил положение.

Но что он сделает, как он сможет помочь им, если там он такой же пленник, как и они сами. Он может позаботиться только о том, чтобы там не появилось новых мучеников,

Вот и спросил Даниил у патриарха, почему же бог отвернулся от них, от несчастных, униженных, обездоленных, но ни в чем не повинных людей. Что творится в этом мире, особенно, если он верит, что его бог хотя бы взор свой на Русь обратил. Да и существует ли он в самом деле?

ГЛАВА 2 ТЯЖКИЙ РАЗГОВОР

Патриарха проводили в княжеские палаты, туда, где уже ожила его Даниил.

Сорокалетний, высокий, седой на диво красивый человек стоял теперь перед ним, пройдя к нему по красной дорожке. Он совсем юным был тут при Ярославе Осмомысле, потому при князе Романе. Теперь он приближался к его сыну. Сколько же воды утекло с тех пор, хотя он не чувствовал своих лет, знал, как смотрят на него женщины, стоило ему перед ними появиться. Но все как-то переменилось, он понимал, что с молодым князем что-то происходит. Он больше не опирается на них, он задумал что-то свое.

Не раз такие тревожные мысли приходили к нему, а теперь в том не было сомнений.

Тогда он и решился на крайний поступок, потому что чувствовал, что власть уходит из его рук.

Все равно кто это будет, варварские идолы или католические святыни, ему - то от этого легче не становилось. Но кажется, с идолами было покончено, если верить слухам, а он на этот раз поверил. Остались только католики с их Папой, от которых так просто не отделаться, как от татар.

Но услышать об этом ему хотелось от самого Даниила, чтобы не теряться в догадках.

Но как он может уйти. Особенно сейчас, когда Киев был развалинами, а Галич стоял целым и невредимым. Для него было крайне важно узнать обо всем, потому он отправился туда сам.

Даниил казался спокойным, даже невозмутимым, он еще не до конца был уверен в том, что отправится в Рим к Папе и будет вести с ним переговоры.

Возможно появление патриарха, беседа с ним как-то все прояснит?

- Доброго здравия, княже, - услышал он низкий красивый голос, - с возвращением тебя, ведаю, как там тебе было тяжело.

- Меня заставили от веры отречься, - просто говорил князь, - но нам с Александром повезло, Батый не принуждал нас к неизбежному, но легче от того все равно не стало, а сколько там люду нашего томиться, как скотина в загоне, страшно даже и представить.

- Татары не придут сюда? - спросил Патриарх, не ведая, как продолжить разговор.

Если бы Ярослав был прозорлив, то может быть, не пришлось бы нам зреть Киев в руинах.

- Но если даже сгинет Батый, то не будет Галич повержен, как Киев.

Но для того, чтобы мир мой сохранить, не могу я на братьев своих положиться, значит надо среди чужих союзников искать.

- Видать, ты все уже порешил, - услышал он голос священника, - но как же с верой - то быть, если к католикам отправиться хочешь?

Молчал Даниил, хотя он и ждал такого вопроса, и все-таки тот прозвучал неожиданно.

- Чем идолам кланяться да бояться нашествия татарского, лучше тогда уж мне с Римом оставаться. Разве не зришь ты, что отвернулся от нас наш бог. Ты видел развалины киевские, так о чем же тогда говорить, на что надеяться?

Не пойду я больше к Батыю, что бы ни случилось, но все одно не пойду.

- Молиться надо, княже, всем миром молиться, - настойчиво твердил священник.

- Молился да, да не помогает это совсем, а татарам наш бог и вовсе не указ, вот и придется мне в Рим отправиться, у них помощи просить и союз с Папой заключить.

С ними буду я бороться, а вдруг хоть что-то сделать смогу?

Патриарх молчал. Он чувствовал, что должен что-то сказать, но молчал. Разве мало он сам молился, просил бога о том, чтобы этот мир изменился, но ничего не менялось. Только он не мог и никогда не сможет свою веру поменять. Но вот князя далеко не всегда верили в бога, даже когда делали вид, что они с ним останутся, мысли их были далеко.

А в тяжелые времена и вовсе обращались они не к священникам, а к своим жрецам- волхвам.

Так и стояли один рядом, но молчал каждый о своем. Патриарх знал, что не один Даниил виноват в том, что все так происходит, и не его вина, что он готов сделаться блудным сыном. Но ему придется за это нести ответственность, что же он делал, если паства его вся разбежалась, кто куда.

- Ну что же, тебе решать, каждый пойдет своим путем, я за тебя молиться стану, и за земли наши. Может все когда и наладится. Вернешься

ты назад, бог добр и милостив, принимает он блудных своих сыновей, и тебя не оставит.

Вот на то и закончили они беседу.

Даниил смотрел на немного сутулую спину патриарха и думал о том, что творится в этом мире и что еще предстоит им сделать.

Даниил не собирался менять своего решения. Тем более ничего существенного святой отец ему так и не сказал, ему надо было защищать, а скорее всего, спасти свой мир.

Князь убедился в своей правоте, торжествовал и бес, снова появившийся в облике Федора.

- Молодец, княже, не по пути нам с ним...

Он рванулся к грядущим переменам.

ГЛАВА 3 ПЕРЕД БУРЕЙ

Даниил остался один, как это часто случилось в последнее время.

С его стороны все сказанное патриарху было дерзостью, почти бунтом, но он так думал, и отступить от своего не собирался.

Патриарх решил пока удалиться и издалека наблюдать за тем, что там происходит.

Но и Даниил до конца не был уверен, что он должен так поступить.

Но он гнал от себя сомнения, пусть все так и остается там.

Вечером в его покоях появилась тень Марианны. Он вспомнил о том, что нынче тот день, когда она покинула мир.

Голос ее был тих, хотя и внятен, заговорила он с ним в первый раз:

- Не сомневайся, делай то, что задумал, говорила она, ведь надо хоть что-то делать.

- Ты не сердись на меня?

- На что же сердиться, ты не виноват в том, что мне пришлось так рано и поспешно уйти, ведь это я тебя не дождалась.

Даниил сердился, понимая, что за столь краткий срок почти забыл ее лицо, как такое вообще было возможно?

- Что плохого в том, что тебя люблю не я одна, Оттуда все по-другому видится. Но мне в моем раю просто немного одиноко, хотя это ведь не твоя вина.

- Странно, - услышали они голос беса, - все только мечтают о рае, откуда мне было ведать, что тебе там скверно будет? Да и не хватит всем места в Пекле, кому-то надо и там оставаться.

Кажется, он снова издевался над ней. Но этим двоим не было до него дела.

- А мне только ад и светит? - спросил Даниил, - только вряд ли там что-то испугает, если мы тут все уже проходили.

Теперь они оба молчали, хотелось только смотреть друг на друга и забыть о прошлом и грядущем.

№№№№№№№№№№

В тот момент, еще ни о чем не ведавший, появился Василек. Видно он только что разговаривал с Патриархом и был взволнован. Он помешал свиданию с призраком. Но Даниил понимал, что не стоит на него сердиться, ведь он ничего о том не знал.

Василек в последнее время был погружен в свою летопись, он понял, что она одна после него и останется. Она свяжет нынешний день и грядущий. Вот и старался он писать больше и чаще.

Ничего он не утаивал на этих страницах. Но то, что он услышал от патриарха, потрясло его несказанно. Он не верил, что Даниил решится переменить веру и стать католиком, что он отправится в Рим на поклон к Римскому папе, забыв о своих священниках.

А как ему это написать и объяснить в летописи?

Вот об этом, немного путаясь, запинаясь, он и поведал брату.

Даниил слушал молча, он злился на брата и на себя самого. Почему он считает, что знает и ведает больше, чем патриарх и может его судить? И должен ли он из-за летописи подвергать мир опасности?

Сначала он хотел отделаться какими-то громкими словами, но потом решил, что нужно поговорить с братом, он должен быть понять, что они хотят сотворить.

- Они не поверят мне, если я иноверцем буду, - говорил Василек.

- А ты от этого страдаешь, это их беда, если не поверят.

-Ты так легко и просто все порешил, а всем нам как быть? Батый не простит тебе отступничества, и будет ли тогда прок от всех предательств? А когда татары Галич с землей сравниют, останется ли тогда летопись наша вовсе? Да что летопись, и род весь пропадет. Ты же видел Киев, сколько лет прошло, а они все никак не могут его отстроить, так там людей побольше нашего будет. Галич и вовсе исчезнет, пустыня на этом месте будет. Я сон такой видал.

Даниил усмехнулся, Василек чувствовал, что должен сказать еще что-то.

- А бояре, если они не согласятся с тобой, - спросил Василек.

=- Значит, я против них пойду, если они пикнуть дерзнут.

И такая сила и ярость во взоре его мелькнула, что Василек отшатнулся. И понял, что Даниил пойдет против всего мира и не остановится.

ГЛАВА 4 БОЯРСКАЯ ДУМА

Патриарх, задумавшись о спасении, тоже подумал, прежде всего, о боярах.

Нет, он не собирался спорить с Даниилом, понимало, что это ему ничего не даст, но его бояре еще с Ярославовых времен славились строптивостью.

Пока Василек с князем беседовал, он направился туда, где они уже собрались, стал дожидаться встречи с ними.

А они тоже ждали князя и тихо друг с другом переговаривались

Им еще было неизвестно, что затевает князь, они только гадать о том могли, но надеялись, что патриарху он о том расскажет, не потому ли тот всполошился и сюда примчался, забыв обо всех своих делах.

Они кожей чувствовали, что готовится что-то неожиданное, хотя и не было у них пыла дедов, но некоторые из них все-таки мечтали и тосковали по тем временам.

И вот теперь из уст патриарха они узнали странную новость, оказывается, Даниил собрался в Рим. И если им придется всем стать католиками. Они даже и не ведали тогда, как к этому относиться.

Они не могли знать, как было тогда, когда крестил Владимир Русь, но теперь, глядя на патриарха, могли бы и содрогнуться, на что хитрый жрец Христа и надеялся втайне.

В суждениях о неприятии Рима они были единодушны, но как будет, когда дойдет до дела, вот что было трудно сказать.

Патриарх выжидал удобного момента, чтобы бросить их против князя, но наступит ли на самом деле такой момент, вот во что верилось с трудом. Но он должен был как-то спасти те завоевания, на которые было положено столько сил, а порой и жизнью у его предшественников.

Патриарх не мог ведать того, что на секунду раньше поднялся Федор, и он не собирался ему уступать.

Откуда было знать священнику, что его ждет такое сопротивление.

- Опомнитесь, пока не поздно, думаете, что наш князь хуже вашего понимает все, что творится в этом мире? Хотите богу своему молиться, просить о милости, да и молитесь, только это то же самое, что дереву или камню молиться. Князь только о вас и о земле своей думает, чтобы как скот

не оказались вы в загонах татарских, и в этом он виноват перед всем миром, что на унижения идет, допустить этого не желая.

Никто из вас не был в стане у Батя, а он был. Если кому-то хочется, то вместе с Патриархом туда и сходите, а потом судить да рядить станете о том, что было и чем сердце успокоится, а пока не были там, не дурите напрасно, никогда не желал и не желает вам князь зла, потому что связан он с вами крепкими узами, и он свой, а не чужой, не пришлый.

И ропот между боярами и всеми, кто слышал Федора прошел.

Патриарх понял, что время его опущено, этот наглый воевода, откуда только такие берутся, опередил его. Теперь уже немногих он на правое дело поднять сможет, а то еще и сам с легкой руки этого гаденыша окажется в татарском стане.

В довершение ко всему в тот момент появился Василек. Он знал об этом странном свете, и теперь, послушав, для себя должен был решить, с кем он останется.

Не хватало того, чтобы они еще и перессорились, и без того раздоры такие, что никогда не примирить их, а что еще будет?

Василек, глядя на яростного Патриарха, и ропщущих бояр, понимал, что они хотят предпринять, потому решил поддержать воеводу:

Негоже в такой момент вам воду мутить, мне тоже не по нутру затея такая, но я понимаю, что мой брат из двух зол выбирает меньшее. Если татары нас оставят, то я с кем угодно быть готов, и хуже не будет, потому что хуже все одно некуда.

Говорил он один, остальные не проронили ни звука.

- Ну а если ничего этого не случится, то и говорить не о чем, тогда найдется иной выход, тогда и возмущаться станете, только сдается мне, что нет его, и ничего нового вы не придумаете больше.

После этой речи все, что оставалось Патриарху – безмолвно удалиться. Он не понимал, почему ему так не везет, почему земля качается под ногами. Он не мог знать о старых противостояниях Святослава и Владимира, когда только утверждалась их вера на Руси, сколько мытарств и унижений было тогда, а порой и расправы над жрецами случались. Он привык властвовать и повелевать. А теперь он никак не мог смириться с тем, что даже удельный князь слушать его не желает. Но он сдавался почти без боя и ничего не мог переменить в мире. Он видел враждебную силу, которой не мог противостоять – католики всегда были сильнее, с ними тягаться нет никакой возможности.

Даниил надеется на то, что все вернется, а если не вернется никогда больше? Он один будет во всем повинен, потому что не сделал ничего из того, что мог бы сделать.

Патриарх в ту ночь молился несколько часов, спрашивал совета у своего бога. Но молчание, гробовое молчание было ему ответом. Но он готов был понять русского князя, но никак не мог примириться с тем, что он из-за этого веру меняет, и никто не мог отступить. Но что с этим сделать? Если их убеждения всегда были разными, и только какой-то относительно короткий срок они шли рядом, а теперь разошлись в разные стороны.

Когда наступил рассвет, он подумал о том, что на Данииле свет клином не сошелся, есть и другие княжества, возможно все они за ним не пойдут, а он должен оставаться вместе с Александром. И все делается для того, чтобы из князя сделать святого, тем самым утвердить веру в их душах. Всевышний все-таки подал ему знак, решение свое назвал, но убита за то, что из рук его уплывает Галицкое княжество не становилась меньше, никак не мог он с этим примириться.

Он знал, что до конца дней ничего не забудет и не простит князю.

№№№№№№№№№№

Мефи показал Даниилу весь этот совет, и тот все видел своими глазами. Его не испугал этот бунт. Даже на патриарха, свою веру защищавшего он не рассердился. Он просто почувствовал одиночество в этом мире, те усилия, которые он затрачивал, чтобы хоть что-то в мире переменить, вероятно, прошли даром.

Он видел почти весь мир, который ему тайно или явно мешал.

- Странное время, странная участь, страшный мир. Как тяжело оставаться одному, но надо что-то делать и двигаться дальше. Ничего иного ему не оставалось, кроме того, что надо двигаться дальше.

- Ты не один, - подал голос бес, - я все еще с тобой, хотя и не понимаю, почему я такой добрый. У тебя есть брат и верная жена, которая на многое ради тебя готова, а это не так уж мало.

И сначала не слушавший его князь, постепенно вник в суть его слов, понял, что, конечно же, он прав, не может в мире быть по-другому.

Но и бояре не успели предать его, если бы не появился патриарх, то вообще бы ничего не было. А значит не все еще потеряно. На небесах есть добрый ангел, который следит за ним. Подаст тайный знак в трудную минуту. А еще недавно почти бессильный, теперь он ощущал неведомую силу. Ничто не могло выбросить его из седла. Он не собирался сдаваться.

Наоборот, он рванулся к новому, к птице Феникс, сжигая себя, и восставал из пепла снова.

Эта само сгорающая птица напоминала ему всю жизнь его странную.

Был ли в этом замешан бес? Наверное, Мефи и сам не смог бы ответить на такой вопрос.

ГЛАВА 5 В ДРУГУЮ СТОРОНУ

Князь теперь действовал решительно.

На рассвете послы его отправились в Рим предупредить Папу о его появлении.

Ирина смотрела на него молча, спрашивая, должна ли она за ним последовать. Они научились понимать друг друга с полуслова

-Нет, тебе нужно оставаться здесь, - говорил он, я не доверяю боярам, Василек же не видит и не слышит многого, он занят своими делами, а я хочу там быть спокоен и знать, что тут ничего страшного не стряется.

- Но если с тобой что-то случится?

Князь никогда не видел ее такой растерянной. Но сам рассмеялся.

Ирина смотрела на него и ничего не понимала, кажется, никогда она не видела его таким веселым.

- Но с Папой твои фокусы не пройдут, он не клюнет на такое, они вообще с женщинами не связаны.

Тогда она поняла, над чем он смеется, ей и самой стало как-то легче и проще.

- Не сердись, я думаю, что те жуткие времена миновали, ты была настоящим героем тогда, в татарском стане, но я больше не хочу допускать, чтобы такое повторялось с нами.

Она и на самом деле никогда его таким не видела, потому и не сердилась. Неужели он умеет так звонко и задорно смеяться? Она его таким прежде не видела.

Но тут же вспомнилась княгиня, она почувствовала, что ревнует его к бесплотной тени, но ничего не могла поделать.

- Нельзя требовать многого, иначе ничего не получишь, - убеждала себя Ирина. Но она не могла довольствоваться малым, такой уж уродилась. Она хотела именно всего, и почти всегда добивалась большего, чем могла бы. Но ведь однажды ее собственный бог может на нее рассердиться и тогда она лишится даже малого, все так зыбко, так сложно в этом странном мире. Но больше всего она боялась потерять Даниила, всего остального лишилась бы без особого сожаления, но только не своего князя.

И столько отдав для того, чтобы быть с ним, она не могла просто так представить себе, что его больше нет рядом.

Но вот и теперь, проснувшись в его объятиях, она все никак не могла поверить в то, что они вместе, и еще до разлуки начинала тосковать без него.

№№№№

Но еще до отъезда князя в Галиче уже произошли изменения, а вернее знаменательно событие выдалось.

Доложили ни с того ни с сего о прибытии Александра.

Правда, приехал он к брату, а не к Даниилу, чего и не скрывал с самого начала, но не встретиться с князем, оказавшись на его земле, никак не мог. Потому и пришлось Даниилу, при такой вести отложить путешествие в вечный град.

Все это было так странно, они практически никогда прежде не встречались, ну кроме того столкновения в ночи около костра, когда Даниил еще и не сразу понял толком, кто перед ним находился.

Александр быстро появился перед князем, вместе с Андреем.словно в свои владения спокойно шагнул в гридню, он казался молодым богом, а не просто князем, и конечно, это немного насторожило и без того мрачного Даниила, Ирина, бывшая в тот момент рядом с ним, снисходительно улыбнулась, она была наслышана об умении Александра подчинять себе людей. Но разве может бояться его Даниил, о чем ему вообще тревожиться?

Да и Александр слышал эту историю с девицей, и Андрей по дороге успел ему сказать о том, что она стала новой княгиней.

Александр думал по дороге, смог бы он вот так просто жениться на ханской наложнице? Наверное, нет, значит этот парень не так прост, как кажется...

Сам же Александр, не пылавший к женам особыми страстями, хотел только того, чтобы все было надежно в его дворце за его спиной, а такие страсти, они способны подвести в трудную минуту.

Но теперь Александр должен был отметить, что она не только смела, но и хороша собой, хотя рискует привести на эти земли Батыя, подвергая весь мир опасности, недаром же он купился тогда, а помня, сколько у него власти и каково его воинстве, кто может ручаться, что не нагрянет и сюда.

Нет, это только лишние волнения, а их не должно было в этом мире.

Но еще больше задело Невского то, что и Андрей восторгается Даниилом, как-то к такому повороту он не привык, да и не хотел привыкать. А ведь с самого начала Александр получил все, и его трудно было чем-то удивить, казалось бы, а вот дивился.

Но он благодушно усмехнулся, и заговорил о чем-то своем.

ГЛАВА 6 ВСТРЕЧА СОПЕРНИКОВ

Александр смотрел на князя самого богатого удела, до которого не дотянулись руки Батые, и пытался понять, что же такое в нем было?

Что-то от древнего волхва точно просвечивалось в темных, почти черных глазах. Что он задумал теперь, говорят, что собирается отправиться в Рим, чтобы искать королевской короны и защиты Римского Папы.

С ним будут те, кого сам князь бил и бил всегда успешно, значит, ему надеяться на такой исход не приходится.

Он слышал и о том, что патриарх, как раненная птица ворвался к князю, но так ничего и не добился.

Ему хотелось с одной стороны остановить Даниила, а с другой послать его и уйти с дороги, потому что самому от этого шага князя-соперника станет значительно легче, а именно на это он и надеялся.

- Я бывал в орде, и хан справлялся о тебе, - бросил внезапно Александр.

- А мне там больше не бывать, - буркнул Даниил.

- Тебя там плохо приняли? - насмешливо спросил Александр.

- Да нет, лучше бы и надо, а некуда, - задумчиво отвечал Даниил, понимая, что и пожаловаться-то не на что, и все равно, только не след славянину перед татаринном спину гнуть и милости его ждать.

Александр молчал, он ждал пока Даниил скажет про Рим, потому что не хотелось слухи и сплетни за правду выдавать, мало что про них про всех говорят, если всему верить, что говорится.

Похоже, он верит в Папу, на себя надеется, не думает о том, что окажется в еще большем рабстве.

Если бы Даниил родился на пару веков раньше, то он был бы под стать тем богатырям, которых Владимир вокруг себя собрал, но не пришлось ему раньше родиться.

Но что-то спуталось в душе у него, то ли ослепла она от боли и страданий, то ли оглохла, ничего он не видит, ничего не слышит.

- Лучше было бы лет сто назад жить, вон даже Ярослав как развернулся тогда, но с судьбой нам не спорить, нам достались татарские времена, и все, что остается, сохранить наш мир, внукам наследство оставить.

Он снова посмотрел на Ирину, которая, кажется, понимала его лучше, чем князь, хотя она всецело принадлежала ему, и казалась зачарованной русалкой, а не живой княгиней.

- А как же ты хочешь от татарского рабства спасаться?

- Да так и спасаться, набегии татарские не так страшны, как власть Рима, который уже не отпустит то, что ему в руки попало.

- Ты о разрушенном Киеве и сожженной Рязани?

- Это страшнее всех побед над немцами и шведами, кто спорит, - согласился Александр, - только города отстроить можно, главное, что земли им не отдавать. Ты на Рим смотришь, думаешь, если сына своего им отдашь, они и помогать бросятся? Они заберут все и сразу, ничего у тебя не останется. Мягко стелет Папа, да спать будет жестко, тебе патриарх наш ангелом небесным потом покажется.

Но не только земли наши. И души он прихватит, попомни мое слово, Даниил, А татарам только золото да серебро и требуется, темные они, многого им и не понадобится,

- Нет, - услышали они голос князя, - никогда я не выберу татар, - Рим – меньше зло, и не убедить меня в обратном

Какой-то тихий ужас возник в глубине его темных глаз.

- Тебя Папа и Рим пугает, - но там культура, там лад, там история сколько веков длится, они братья наши еще со времен Ярослава, что же нам их бояться? Для каждого из них настало время выбирать с кем мы и против кого будем, я останусь с Римом, народ мой мне еще и благодарен будет.

Так они и остались каждый при своем мнении.

- Время покажет, - говорил Александр, - жаль, что нам с тобой узреть этого не придется.

Он отказался от обеда, который Даниил в его честь приказал сделать.

- Я прощаюсь, домой надо возвращаться, там дел больно много.

Даниил заметил, что обиделся на него Александр, но стоял на своем, ничего иного он сказать не мог, да и не хотел говорить. Наверное, он и бояр остановил бы, если бы те против него пойти вздумали, а уж чужого князя.

Андрей вернулся, проводив брата.

Но пока молчал, что он думал обо всем, сказать было трудно. Расспрашивать его князь ни о чем не стал.

Вот и встретились, сколько всего говорилось о мифическом почти сыне Ярослава, внуке Всеволода, а встреча оказалась какой-то короткой и туманной.

Даниил просто поднялся, улыбнулся Ирина и прошел к столу, хотелось поесть немного перед дальней дорогой.

Даниил твердо знал только одно – никто не посмеет стать у него на пути, как бы этого не хотелось.

ГЛАВА 7 ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

В тот вечер, когда Александр был уже далеко от Галича, налетев и так же внезапно исчезнув из града, княгиня Ирина прибывала в какой-то тягостной задумчивости. Даниилу показалось, что связывает что-то ее с этим странным гостем, обросшим сказами и мифами, и самим ставшим одним из мифов о себе любимом.

Ему хотелось ее о чем-то спросить, но она заговорила сама:

- Вот ты столкнулся с ним, странный он какой-то, словно и не человек, а дух какой-то, блазень, так говорил мой дедушка о таких.

- Но что в нем странного, - невольно вырвалось у князя.

- Да избалован он всеми, не терпит резких слов, хочет, чтобы им восхищались, словно Световидом, считает только себя всегда и во всем правым.

- А это плохо?- Даниил вздохнул тяжело, все то же он мог и у себя обнаружить, вот только как с этим быть не ведал. Ирина, вероятно, этого не замечала, но ведь было же, было.

- Да не плохо, конечно, но странно как-то. Я бы не стала спасать его от хана. Что-то в нем все же есть ущербное, порочное, что и не разглядишь сразу. Хотя девам, он видно нравится, не одна из-за него в омут бросится.

Даниил не понял последнюю фразу, но говорила она искренне..

№№№№№№№№

Князь решил не останавливаться даже на ночь.

Он мчался в свой мир, решив забыть о Галиче и о князе Данииле, который казался ему теперь чужее всех чужих.

Но он чувствовал при этом, что Андрей каким-то странным образом был за него, а не за родного брата.

Это страшно рассердило Александра. Им удалось отнять ярлык на великое княжение, и князь пока не собирался ввязываться в это, решил немного подождать, пока Папа не приберет Даниила, и все, чем он так дорожит, к своим рукам.

Он же тогда может сказать, что сделал все, только у него ничего не получилось, увы. Да и легко ему в своем Галиче в одиночестве оставаться, попробовал бы он в Киеве или Новгороде, в самом центре мира один управиться.

Тут рядом три удельных князя, кроме татар, и все в разные стороны тянут, так что глазом моргнуть не успеешь, а уже окажешься в пропасти. Как бы ты не поступил, но все равно останешься виноватым.

Теперь, на воле Александр мог дать волю своим чувствам, ночь была дивно темной, практически черной, никаких лучей света ни на небе, ни на земле. Но эта тьма его не пугала, даже немного радовала.

Свои поражения даже после таких вот столкновений, он страшно переживал, а на этот раз он чувствовал, что остался просто в дураках и скорее всего, потерял и Андрея, как союзника.

Чтобы отвлечься и подумать хоть о чем-то хорошем, он вспомнил ту деву, которая с Даниилом была. Кажется, княгиней он ее не называл, но у таинственного Даниила разве вообще можно что-то понять?

Александр с грустью подумал о том, что, наверное, никто из жен и дев не стал бы так рисковать из-за него, Андрей говорит, что тогда они были едва знакомы.

Но, наверное, все это от того, что и сам он только делал вид, что любит их, а сам ни одну не любил по-настоящему, да и некогда ему было на все это бесценное время тратить.

Хорошо, что нагрянула ночь, и можно оставшись одному, дух перевести. Надо признать, что на душе у него было паршиво, кошки скребли, и чем дальше, тем больше.

А что если и правда, им никогда не удастся прогнать татар, сильнее - то русичи со временем не становятся, скорее наоборот, все дальше друг от друга уходят.

Почему он не самый трусливый из всех, и воевавший в начале, вдруг примирился с таким финалом?

Ему вдруг показалось, привиделось, что кубарем он летит из седла. Но все было не так, почти загнанный его конь только споткнулся, а все остальное было лишь в его воображении.

Надо было двигаться медленнее, ведь за ним никто не гонится, да и гнаться не собирается. А тут и заметил князь, что темнота рассеивается, что он доскакал уже до рассвета, как незаметно летело время. Это он просто потерял счет времени, и сил не оставалось никаких.

Тогда он повернулся к свите, едва за ним поспевавшей. Воинам казалось, что убегают они от какого-то чудовища.

Князь жестом приказал им всем остановиться, можно было перевести дух и отдохнуть несколько часов, от себя - то все равно никому еще убежать не удавалось. Как они все устали от этой погони.

Князь первым опустился в высокую траву, кажется, спал, как убитый. Но он просто устал, устал очень сильно.

Удивительный ему в ту ночь снился сон. Начало лето, изумрудно-зеленая трава, да такая высокая, что он почти скрылся в ней. Рядом девушка в белом. Она звонко смеялась и бежала куда-то. Он бросился за ней, но она куда-то пропала. А он выбежал к маленькой церкви. Но такой красивой она показалась князю, словно игрушечной была.

Тогда и вышел к нему старец в белом, да и говорит он князю:

- Хорошо, что со мной ты остался, а ведь так хотелось с ними уйти, но ты остался, потому они тебя святым сделали, и помнить будут всегда, ты прав, княже.

С такими радостными мыслями и пробуждался Александр, когда солнце было высоко и завтрак соорудили его воины, а страхи будто рукой сняло. Он был уверен, спокоен и счастлив, знал, что сон не случайным оказался – это был добрый знак. Он молод и многое еще успеет и сумеет, и все за него будет. Нет, недаром говорят в народе, что утро вечера мудренее. Каким все простым и прекрасным кажется, любо-дорого посмотреть.

ГЛАВА 8 СОМНЕНИЯ

После исчезновения Александра сомнения были отброшены окончательно. Сборы больше не занимали много времени.

В это время Ирина заметила, как странно изменился ее князь. Перед ней был совсем другой человек, окрыленный, спокойный и уверенный в своих силах. Она тайно радовалась внезапному появлению Александра и тому, что она сама дожила до таких времен. Конечно, она любила Даниила и растерянного, и неуверенного в себе и несчастного. Но теперь она могла им гордиться, ощутив, что он настоящий властелин. Можно не сомневаться, что с ним больше ничего не случится.

Правда, патриарх и те, кто с ним, могли оставить князя, но это не имеет никакого значения.

Они должны были исчезнуть так же быстро, как и появились.

Ирина проснулась на рассвете, когда князь вместе с воинами находился за воротами города. Они были на конях своих, и она с ужасом подумала о том, что проспала, но почему же они ее не разбудили тогда?

Она бросилась туда, едва накинув сарафан и плащ, на улице было прохладно.

Она, кажется, в первый раз успела заметить, как огромен дворец. Никогда прежде она не задумывалась о том, только теперь поняла. Неужели он уедет, так и не встретившись с ней?

Еще вчера он был в раздумьях и сомнениях, а нынче так торопился навстречу новому взлету или страшному падению, вот это понять было невозможно.

Что-то почувствовав, увидев ее, Даниил остановился, придержал коня. Она подбежала к нему, растерянная и такая чужая, словно он узрел ее в первый раз. Но он напрасно ревновал ее к Александру, он чувствовал, что она любит его и будет любить всегда, ему просто так везло с женщинами.

Он ни о чем не стал ей говорить. Она так и осталась стоять неподвижно такая же белая, как и стена, напротив которой она стояла.

- Мы поговорим, когда я вернусь, - крикнул на лету князь. Он устремился вперед, стараясь не думать о том, как тяжело оставаться и ждать. Он вернется победителем, а не посеребрившим от усталости и унижения воином, потерянным и несчастным. Но чтобы это случилось, ему, наверное, надо было пройти по тому тяжелому пути.

- Он вернется, - растерянно думала Ирина, - ничего не случится, он вернется назад, раз обещал, и у нас все еще будет.

Как невыносимо было ей ждать. Может быть, вскочить в седло и мчаться, не разбирая дороги. Но в чреве ее шевельнулся ребенок, и она понимала, что не может рисковать, Даниил никогда не простит, если с ее сыном что-то такое случится.

.Ирина вспомнила, что ничего о том не сказала князю. Она не хотела его беспокоить и не знала, как он к этому отнесется.

. А потом налетел Александр, что-то заставило ее злиться, даже ревновать. Она хотела сказать утром при прощании, но он не разбудил ее, и снова все заглохло в один миг.

Потом она стала суеверной, и решила хранить тайну, пока будет такая возможность. Она была уверена, что ребенок останется невредим, только до той поры, пока никто не знает о его существовании, если же станет известно, то с ним что-то случится.

Она не могла этого допустить. Сам же князь был поглощён своими делами, а ей хотелось, чтобы он и о ней тоже думал, радовался и оставался с ней.

Но как он вообще отнесется к ребенку? Ведь у него есть взрослые сыновья и дочери, не возникнут ли у него подозрения. Она просто боялась за судьбу еще не рожденного ребенка, да так, что сердце обливалось кровью.

№№№№№№№№

Бес вместе с князем перемещался по бескрайним просторам. Он видел его в отчаянии и унынии. Но теперь не мог ни радоваться за него.

Пока не обнаружив себя, он двигался молча. Но на этот раз он был несколько озадачен, он никак не мог понять, кто из них с Александром прав. Он не знал всех тонкостей происходящего. Но столкнув этих двоих недавно лбами, он понял в итоге, что правы были они оба. И тогда бес решил пойти по другому пути. Он решил довериться собственному вкусу. Он решил встать на сторону того, кто был ему симпатичнее. И таковым оказался Даниил. И не потому, что Патриарх обещал сделать Александра Святым. Даниил был надежнее, симпатичнее, правдивее.

А любые легенды хороши, только когда они уже мертвы и времени прошло достаточно, чтобы от них отказаться.

Может быть, потом он и вернется к Александру, но пока бес решил остаться с Даниилом.

№№№№№№№№

Бес знал, что князь направляется к католикам. Эта вера была другой, и ему она была симпатичнее, если из двух зол выбирать меньшее.

Конечно, князю она могла показаться слишком суровой, Владимир ее тогда отверг не даром. И хорошо, что у него теперь не было выбора. Но бесу она была по душе, и не хотелось ему о ней забывать.

Но полюбит ли он Италию, Папу, кардиналов, которые были всегда ближе к Дьяволу, чем к богу. Он догадывался, каким бунтом встретят его князья в первом кругу. Но он был тверд, и отступить не собирался.

ГЛАВА 9 РИМСКИЙ ПАПА

Расстояние до Рима отряд вместе с Даниилом одолел довольно быстро. Наверное, небеса им в том помогали, и желание воинов было велико, чтобы скорее попасть туда.

И только в одном месте, на границе славянских земель на какое-то мгновение уныние охватило душу Даниила. Тогда он увидел сожженные дотла деревни, поселки, от которых ничего больше не осталось, услышал страшный, почти жуткий плач Домовых, которые остались без своих жилищ и теперь сообщали о том всему миру, не понимая, куда им бежать и кому что сказать.

Но Даниил решительно двинулся дальше, оставив позади свиту, ему хотелось скорее одолеть это расстояние. Надо было забыть все, что он видел, но только запах гари не давал покоя.

Он думал только о Риме, который был вперед, но о вечном граде он имел весьма смутное представление. Какими же дикарями они тут должны были казаться. Он вытащит свой народ из мрака и приблизит его к центру мира, в том не было сомнения.

В то время он и не задумывался о том, что это может и не понадобиться его народу, что все может оказаться напрасным.

А не будет ли этот мир таким же странным и чужим, как и татарская орда?

Но можно ли отвергать прекрасное, совершенное, считая его чужим?

У беса оказался послушный ученик. Он старался помочь ему из последних сил. И так как радовался Олег Вещий, приближаясь к Царьграду, так и радовался он за князя, который после обгорелых земель должен был узреть вечный Рим.

И он потрясет взоры тех, кто прежде не удалялся так далеко никогда.

Нет, князь не собирался здесь селиться навсегда, но отдохнуть и повеселиться, почему бы и нет. А бес знал все грехи кардиналов и папы самого. Там, где тяжкие запреты, там и грехов значительно больше оказывается. В Риме он чувствовал себя, как рыба в воде.

№№№№№

Верные слуги донесли Батыю об отступничестве князя Даниила. Он пришел в неопишемую ярость. За это время столько раз узнал он предательство и от своих и от чужих. Но такое известие было настоящей неожиданностью для него.

- Как он мог, почему он посмел так поступить? Он любил и баловал этого князя, как можно было ответить на все черной неблагодарностью.

И ладно, если бы это был Андрей Ярославич, с ним не очень хорошо поступили тогда, но какое право имеет Даниил менять его на Рим.

Тысяча способов мести рождалось у него в голове, но он был стар и немощен, поход на Галич он не собирался совершать ради того, чтобы наказать этого князя, слишком много чести ему будет. Но он знал, что княгиней стала его Ирина. Ему не раз говорили об этом татары и русичи, которые у него появлялись.

Глаза его сузились, в уголках губ появилась усмешка, при мысли о том, почему она разыскала его и была с ним.

- Ты узнаешь, что такое предательство, что такое мечтать о князе, - почти беззвучно произнес он.

Он был уверен, что отомстит этой девице жестко.

Батый позвал самых преданных и верных своих батуров- он решил действовать наверняка, чтобы никто не ушел от возмездия.

Он говорил долго, они поняли, что любая ошибка и неточность будет стоить им жизни. Смерть – самое малое, чего могут добиться предатели, но он еще не был уверен в том, что только одна смерть свалится на их головы.

Но знал хан, что он не успокоится, пока все не будет сделано, только тогда и можно остановиться и перевести дыхание.

А когда Батый узнал, что Даниил уехал в Рим, он понял, что настал час отомстить за все.

№№№№№№№№№№

Рим захватил воображение Даниила. Он начал понимать, почему всей душой туда стремился.

Если бы еще вчера ему сказали, что рядом со славянскими городами и ханскими шатрами мог существовать такой град, то он был этому не поверил. Храмы, сооружения, коллизий, все было огромным и по-своему прекрасным.

Даниил до конца не понимал, что его могло так потрясти. По сравнению с русскими храмами они могли казаться пустыми и мрачными. Но они были великолепны. Этот мир жил в нем, он шел сюда и все время был рядом. Он шел к этим храмам и к миру, где все было по-другому и все потрясало его душу.

Он бродил по городу, потрясая всех своим видом, хотя римляне редко чему удивлялись.

Он понимал, что не отступит, до конца останется себе верен.

- Он будет с нами, он останется с нами до конца, - радовался Папа, беседуя снова и снова с Даниилом, Александр глупец, если не понимает разницы между татарами и Римом, он навсегда оставит в плену у варваров свой народ.

№№№№№№№№№№

Кардиналы ждали встречи с князем Даниилом. Они знали, что он должен появиться, они наслышаны были как богаты земли князя. Хотя радости Папы они до конца не разделяли.

Но и Папа ничего не собирался им объяснять. Он уже давно взирал на восток, и то, что ожидания его оказались не напрасными – в том великая заслуга, если один из сильных князей просит защиты, то чем радоваться?

Но Папа ничего не собирался им объяснять. Они слишком далеки от реальности. А его вера должна навсегда поселиться там. И самое главное, что все Патриархи должны видеть и помнить, кто в этом мире силен – это самая главная его победа.

Папа радовался, видя, что творится теперь в этом мире. Он уже чувствовал себя победителем.

ГЛАВА 10 СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Тогда была гроза, духота, не уют, пустота во дворце.

Эту разлуку с князем Ирина переживала особенно тяжело, ей казалось, что с ним там должно что-то случиться. Александр неслучайно тут появился, а патриарх и все, кто с ним, разве они допустят это просто так, когда и за меньшие проступки безжалостно расправлялись с отступниками.

Ей так хотелось вскочить на коня и туда отправиться. Но она грустила, понимая, что остановится, не сможет теперь это сделать, да и куда лететь, где в этом самом Риме она отыщет князя?

Храбрость и решимость ее куда-то вмиг исчезли, Ирина сама себя никак не могла узнать, а уж остальной мир и подавно. Она не хотела исчезнуть в неведомом мире, и ввести князя в праведный гнев.

Потому она с тоской и ужасом думала о том, что они могут больше никогда не увидеть и весь мир стоит против них двоих.

Она проснулась в ту ночь, поднялась на городскую стену. Ей казалось, что там остается Даниил, он просто спрятался от нее, и ждет, пока она там появится.

С тоской и ужасом подумала Ирина о том, что все в мире зыбко и непредсказуемо.

Она стояла на холодном ветру, и понимала, что Даниил далеко. Но может быть, он повернул с половины пути и возвращается домой? Тогда она первая готова была броситься к нему в объятия. Она поверила в то, что такой сон вполне может быть вещим. И показалась Ирине, что она Ярославна, поджидающая Игоря из плена.

Только начало светать, тишина стояла удивительная. Но какой же одинокой казалась самой себе княгиня. Но когда же вернется Даниил, где он и что там делает? Почему так тревожно на душе? Она ощущала вечность, перед которой в экстазе замирала душа.

Ей показалось вдруг, что это не рассвет, а пожар, потому что, судя по всему было очень рано.

Хорошо, что никто не приставал к ней с расспросами. Но что это было, рассвет или пожар, вот еще бы угадать точно. Уж не татары ли, узнав о Данииле, двинулись к ним?

Но зачем им это, не лучше ли просто захватить целые, а не разоренные земли?

Кажется, это был не пожар, хотя было еще очень рано и трудно что-то разобрать. Кажется, никто из слуг тогда еще не проснулся, хотя было очень рано, но все-таки. Не было в Галиче ни одного живого человека, только княгиня вглядывалась в пустой град, и понимала, что град ее в опасности.

- Господи, - взмолилась Ирина, - не оставляй нас, не гневись на Даниила за то, что он хочет спасти этот мир от кошмара, и не верит в то, что есть другой путь для этого.

Ей показалось в тот миг, что бог есть, что на небесах не пустота, а тот, кто спасет и защитит их в момент опасности. Жаль, что князь не увидел и не понял этого.

Но она не заметила тень сотника, который давно неподвижно стоял за колонной. Он понял, что его час настал в тот момент, когда она направилась в выходу к стене. Это был удобный момент, ждал он его долго. Хан, наверное, недоволен им и послал туда кого-то другого.

Но теперь все будет с ней кончено. Ему не было жаль этой женщины, она сама виновата в том, что затеяла такую опасную игру с Батыем, забыла об осторожности и натворила то, что натворила.

За все в мире приходится платить и она заплатит.

Даже когда хан узнал от слуг о ребенке, то и тогда не дрогнула его рука, он не отменил приказания.

Княгиня сама шагнула к краю стены, бесшумная тень мелькнула за спиной, что-то толкнуло ее вперед. И она кубарем полетела вниз. Даниил гордился тем, что стены у него были очень высокими.

Все это случилось так быстро, что сотник и сам этого не ожидал.

№№№№№№№№№№

Погруженная в свои размышления Ирина так ничего и не поняла, ей показалось, что на нее обрушился какой-то ураганный ветер. Она даже не поняла, как понеслась вниз со всего размаха.

Легкость парения сменилась мгновенно страшным испугом, она почувствовала, что произошло что-то страшное.

- Все, все кончилось, – мелькнуло в душе, - Даниил, - прошептала Ирина, в тот момент, когда тело рухнуло в траву перед стеной.

Уже мертвая лежала она на заднем дворе до тех пор, пока во дворец все не проснулись. Ее никак не могли обнаружить слуги.

Говорили о том, что никто ничего не видел. Но сама она не могла броситься туда, потому что ждала ребенка и любила князя. Все терялись от страха, переходящего в ужас, кто-то подозревать начал всех подряд, вспоминали всех незнакомцев, появившихся после отбытия князя.

Но потом решили, что все-таки отомстить ей могли только люди хана, хотя никто с уверенностью не мог сказать, что они тут появлялись.

Мефи узнал о происшествии во дворце поздно, очарованный и князем, и Римом, на время забыв о Галиче, он не мог и представить, что все может так для него измениться.

Ему не надо было ни о чем гадать, он просто заглянул в те минуты и увидел татарина, толкнувшего Ирину со стены. Он понял, что просто проворонил это происшествие. И все-таки ему удалось столкнуть его вслед за княгиней. Татары внизу смогли только подхватить его и переговаривались о русских волхвах, жестоко мстивших за все, что совершалось.

Он был мертв, и они не решились его тут бросить одного как доказательство того, что погибла она от руки татарина.

- Что же это было? Неужели он получил той же монетой, что они смогут сказать Батью..

Хорошо, если хан забудет все и простит, узнав, что ему удалось расправиться с этой девицей, а если он не поверит им?

Но случилось то, что случилось, ничего другого все равно не оставалось.

№№№№№№№№

Похороны происходили пышно, хотя священники спорили о том, как ее нужно было хоронить, если сам князь уже, наверное, стал католиком, в том, что это случится, они не сомневались. Но споры завершились, хоронили по православному обряду, и многие даже радовались тому, что так случилось. Но князь еще пожалеет о том, что он туда отправился, - размышлял патриарх, вот первое уже и случилось, а что еще будет.

- Так и надо, пусть ему большее будет, - мстительно думал святой отец.

Как и прежде люди не сами платят за то, что творят, а наказание несут близкие – так больнее и доходчивее получается.

Мефи, совершив отпущение, решил еще несколько дней подержать князя в неведении. Пусть он обо всем узнает, когда вернется домой, не стоит ему омрачать радости. Тем более, что они еще встретятся в первом кругу, и

уж тогда будут неразлучны. Не так уж много ему и ждать этой встречи останется.

Но и после этого возвращения его ждет извести о смерти любимой женщины, а говорят, что ничего не повторяется с такой точностью.

ГЛАВА 11 ВСТРЕЧА С ПАПОЙ

Папа поджидал Даниила и никак не мог представить себе, кого ему бог послал и чем все это может закончиться. Он помнил о поражении своего предшественника, и понимал, что все очень туманно и тяжело происходит. Помнится, строптивый князь был не укротим, так что же так переменилось теперь еще в его бытность.

Но что-то там у них изменилось, говорили, что Александр был у него, хотя Невского ему точно назад не дожидаться.

Но и Киевскому князю убедить его видно не удалось, это уже не так плохо. Теперь наступил его черед перетащить князя на свою сторону.

Папа восседал на троне, когда князь перед ним появился. Он усмехнулся, довольный происходящим. Ничего не скажешь, этот славянин, он был хорош бесспорно, вовсе не похож на римских полководцев, от них только одни мифы и остались.

Даниила же еще не развратили ни богатства, ни женщины.

При упоминании о том Папа снова усмехнулся, потому что каноны у них там не так строги, и нет запретных плодов, которые, как известно, сладки. Он сумел на высоте удержаться и даже до Рима дошел, что делает его особенно привлекательным в глазах Папы. О таких слугах божьих только мечтать можно.

Он почти сразу объявил о том, что сделают Даниила королем и здесь короновать будут, словно испытывал на прочность, так что любой князь великий он там или малый, с ним не сравнится.

А сам задним умом все время думал о том, что обо всем этом должен был подумать и сказать Александр, не пожалеет ли тот о том, что опоздал, не пришел к Папе вовремя, хотя мог бы вполне.

- Так ты обретешь защиту Рима, и не оставим мы тебя больше, - говорил Папа.

Хотя особо суесться Папа не собирался, надеялся, что татары и сами со временем отступят. Само может все решиться, пока суть да дело. А вот прибрать к рукам, оборотить в свою веру – это надо обязательно.

Даниил слушал молча, о чем он думал, понять было трудно.

№№№№№№№№

Александр, вернувшись домой, узнал, что Даниил все-таки отправился в Рим. Он и сам вспомнил о Папских послых, к нему пожаловавших. Он помнил слова той грамоты, где только хитрость и коварство и оставались, сам удивился, почему при встрече не рассказал о том Даниилу.

Но он и сам старался о том не думать, вторжение это хотел позабыть, как страшный сон, да и не верил, что Даниил туда отправится. Он и не представлял себе, что в этой жизни или в другой станет делить власть с Папой, ждать от него милости. Но как Даниил мог на такое согласиться, конечно, власть у Великого князя над Галичем была слаба, и никогда прежде он туда не стремился, но в глубине души считал этот мир своим, и вдруг.

Но встретив ласково Даниила, как должен был торжествовать тот мир, страшно было даже представить такое. Но интересно, как он собирается примириться с Папой, если с Батыем примириться никак не мог?

Александр узнал и о страшной гибели Ирины раньше, чем Даниил. Он знал откуда это исходит, послал мысленно проклятия Батыю, хотя не сомневался, что так и должен был поступить разобиженный хан.

Если бы ему тогда удалось поговорить с Ириной, то он предупредил бы ее, что за дерзость придется платить, хан жесток и мстителен, но он так быстро умчался, что ни о чем так и не смог ее предупредить.

Ему было жаль княгиню, потому что платила она за Даниила и тогда и теперь, и судьба и хан обошлись с ней слишком жестоко, в то время как самому князю ничего не грозит. Вот так всегда, платить приходится другим, чаще тем, кто нас любит.

Он пытался забыть об услышанном, но лицо ее еще долго стояло перед глазами князя Александра, который никогда особо не любил своих женщин, зато никогда не терял их вот так жестоко.

Во сне он видел ту стену, с которой она летела вниз, ему казалось, что невидимая рука толкнула тогда и его тоже.

№№№№№№№№

Ты будешь королем, и дождись коронации, я потороплю их, - говорил Папа.

Но мысли его были об Александре, вот если бы они оба тут оказались, это было бы совсем другое дело.

А вместе с ним припоминал Папа всех князей, от Владимира Окаянного до Александра, отказавшихся от католичества, и в первый раз все было не так, и на его улице появился просвет, наконец, хоть что-то изменилось.

ГЛАВА 12 РАЗГОВОР С БЕСОМ

Почести, оказанные князю, были приятны, что тут сказать, но Даниил чувствовал, как он устал. Простившись, наконец, с Папой, князь мог перевести дыхание.

Ну что же, все удачно, Папа ласков и много обещает, готов исполнить свои обещания. Но главное, он обещал защиту и поддержку от татар.

Князь понимал, что тысяча разных мелочей должны были его насторожить, но не насторожили. Но главное – он добился, легко добился всего, что необходимо ему было для Галича. Пусть выходит из себя Батый, но он сделал выбор, и назад дороги нет, и не будет.

Покровительство Папы и Рима сделало его сильным и независимым, он не собирался отступать и сдаваться, что бы ни случилось.

Но как в старых сказках, князь не мог пока знать, что ждет его дома, и хорошо, что это ему было неизвестно.

- Посмотри, как тут все прекрасно, - услышал он голос беса, - я так люблю Рим, и все, что с ним с давних пор связано, нам всем еще далеко до этого величия и красоты. В его темных соборах совершаются все таинства в этом мире.

- Скажи, в этом истинная вера? - спрашивал князь.

Бес решил не лгать и не выкручиваться на этот раз.

-Мне не очень понятно, о чем ты говоришь, не знаю, что ты узнать хочешь, но это так, - согласился он, - так все оно и есть, у Византийцев все это странно и цветасто, а вот тут совсем другое дело.

Но князь все это понял по-своему, ему показалось, что раз нечистый так этой верой восхищается, значит, есть там что-то тайное, а может и коварное, почему она ему так дорога оказалась.

Но сам он от Рима будет далеко, а потому и боялся меньше, что это на нем как-то отразится.

Нет, он не собирался особенно заикливаться на этом. Но что там не случится, главное было сделано, он должен найти выход из этого положения.

Примерно так рассуждал в тот момент и бес, потягивая слабое итальянское вино. Он думал о том, что если даже он и захочет, то Папа не сможет сильно притеснять его любимого князя, он не ощутит всего кошмара его власти, потому что до бога высоко, до Папы далеко...

Он специально не стал рассказывать о столкновении с Александром, о резком отказе того от такой милости. Они такие разные, и пусть каждый идет своим путем, и добивается своего. А ведь ему придется еще вспомнить о хане,

который расправился со второй любящей женщиной. Ведь дома его снова ждет страшное горе, и с этим ничего не поделать.

Бес думал о том, что он упустил татарина из вида и не смог остановить страшную беду. И если тот спросит у него, отчего так вышло, то ему нечего будет на это сказать.

Бес говорил о том, что с Римом и Папой его раздумья не связаны.

- У меня могут быть свои беды и размышления? – дерзко бросил он, но не слишком убедительно, боялся, что выдаст себя и князь все поймет сразу.

Но Даниил, словно предчувствуя что-то, ни о чем его больше не спрашивал, а молча смотрел на бескрайнее небо.

- Я выбираю меньшее зло, - подумал князь, засыпая и думая только о Галиче и об обратном пути домой.

Ему снилась королевская корона и Папа, стоявший рядом с новоиспеченным королем.

Наверное, там тоже будет не просто, но не страшнее же татарских кошмаров, которые могут теперь только в страшном сне ему присниться?

И снова вспомнилась картина, которую хотелось забыть: измученный, искаженные от боли лица славян-пленников. И самое страшное - бессилие перед ними. Он не хотел знать о сожженных ведьмах, о суде над еретиками, всех тех ужасов, о которых не рассказал ему Папа.

Пока все было благочинно и просто красиво.

Пока князь был доволен тем, что творилось вокруг, он мог спокойно взглянуть в грядущее. Сна его были спокойны.

ГЛАВА 13 ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Папа долго не раздумывал, процесс обращения в новую веру князя оказался очень быстрым. Занять обрядом он решил сам, все велел обставить как можно торжественнее, чтобы отцам православной церкви такое и не снилось, тем самым отрезался путь к отступлению, и даже если бы Даниил и захотел что-то изменить, то он наверняка бы не смог отказаться от совершавшегося.

Бес наблюдал за всем происходящим издалека, близко его туда подпускать не стали. Но Даниил и те, кто были с ним, быстро приняли новую веру, им скорее хотелось отправиться домой, как в Риме не хорошо, но дома все равно лучше. Это же бесспорно.

Кардиналы стояли перед ними в парадных одеяниях, все было светло и торжественно, кажется, даже костёлы просветлели. Но не очень понятно

было многим, отчего такие почести какому-то обычному князю, даже не Александру, а совсем другому.

Но все просто наблюдали за происходящим, никто ничего такого бы не решился тогда сказать.

Когда позднее Даниила спрашивали о том, что же такое там творилось, то он почти ничего не мог сказать обо всем этом. Служба шла на чужом языке, какое-то непонятное волнение, чужой мир, странное действие, все это оставляло странное впечатление. Ему казалось, что он издалека наблюдает за тем, что там творится, но ничего понять не может. Но все было торжественно и красиво, отрицать этого Даниил никак не мог.

Тогда переводчик и стал переводить ему слова Папы, к нему обращенные:

-Теперь ты становишься одним из нас, нам судьбу свою вверяешь, - он немного помялся и понял, что пора возвратиться к реальности.

Союз, защита, единение, все это неотделимо от него самого. Свершилось то, о чем он только и мог мечтать, к чему шел неведомыми путями.

Бесу оставалось только порадоваться всему происходящему, но волнение его не оставляло, и оно было далеко от костела, в тот мире, куда ему не дотянуться.

Папа оставался спокойным и величественным, смотрел он в одну точку.

Пусть пока он побудет победителем, это быстро закончится. Но он не собирался отказываться пообщаться с бесом, даже интересно было бы с тем поговорить по душам. Из этого можно было извлечь какую-то пользу для себя.

Все во благо, - так он порой находил оправдание для странных своих поступков, хотя пока ничего никому не говорил.

- Ну хорошо, старик, -согласился с ним бес, - пусть будет по-твоему, пес твой что-то разжирел, ему не мешает побегать, -усмехнулся он и услышал рычание огромного животного, оказавшегося рядом.

Но тот злился, видя, что хозяин не дает ему разделаться с назойливым чужаком, от которого странно воняло. Наверное, он порвал бы его в клочья по первому знаку, а вот знака никакого не было.

Хотя пес заменил, что появлялся и исчезал он странно.

ГЛАВА 14 КОРОНАЦИЯ

То утро было ласковым и солнечным, князь проснулся в Риме на рассвете. Он не сразу вспомнил, отчего он так взволнован. Но тут все и

вспомнилось в один миг. Он понимал, что запомнит этот день навсегда. В этот день на весь мир Папа объявит его не просто князем, а королем.

Наверное, никто никогда не бывал прежде на его месте. Даниил мог только порадоваться, хотя почему-то в самом сокровенном уголке его души таилась печаль.

Нет. Кажется, всегда он был связан с этим миром, никаких татар не было в жизни его и уже не будет.

Торжественная музыка потрясла князя своим небывалым величием, ничего подобного прежде он никогда не слышал.

На этот раз он все видел и все понимал, такую красивую корону никто никогда на голову ему не возлагал, такое случается только один раз в жизни. Князь замер, но казалось, что душа его парит где-то под куполом. И все эти люди только слуги его верные и преданные. О, как же далеко он ушел от своих братьев, как приблизился к небожителям.

И только одного хотелось новоиспеченному королю – чтобы его узрели отец, Марианна и Ирина, и полюбовались им от души. Но возможно, души близких спустились с небес к нему. А вот Ирина, жаль, что она осталась так далеко. Он почти не вспоминал о ней, но как же ее не хватало тогда, как хотелось на миг оглянуться, чтобы увидеть ее, но вот этого как раз и нельзя было делать, потому что тогда легко можно потерять человека.

Король решил не оглядываться, чтобы не потерять любимую.

Эти мысли долетели до беса, и он понял, что их обоим ждет впереди.

Что же, иногда и ему самому надо убедиться в том, что творится в этом мире, а не витать в облаках.

Александр, конечно, глупец, раз от всего этого смог отказаться, не надо было к хану на поклон мчаться, с ним оставаться, тогда бы и было у него все распрекрасно.

Даниил все правильно угадал, дни Батыея сочтены, а с новым ханом Александру все придется начинать сначала.

Но и Александр был ему по-своему дорог, почему же тогда все так получилось?

А Даниил счастлив, он навсегда останется победителем, за него можно будет порадоваться, если не думать о завтрашнем дне.

Во дворце был прием по случаю появления нового короля. Даниил вкусил всех почестей с лихвой. Правда, он немного удивил всех, когда начал торопиться назад.

- Мой город слишком долго был без короля, пора возвращаться домой.

И вместе со своими людьми он покинул папский дворец и решил перевести дух. Но все-таки радость пока была сильнее печали.

№№№№№№№№№№

А вот в первом кругу наоборот царила смута и почти отчаяние.

Олег смотрел с высоты на тот прием, он возмущался все больше, хотя его трудно было чем-то удивить.

- Но как он смеет принимать все это? - возмущался Вещий князь.

Но сам Олег был победителем, а Даниил никого не побеждал, они только играют с ним и делают это довольно умело.

Они станут защищать не его, а свои земли, он просто отдал в их руки свой Галич, и как может оставаться спокоен при этом?

Никак не могли понять князя такого шага Даниила, но и вмешаться они тоже не могли, только смотрели со своей высоты, и гадали, что же будет дальше.

- Они идут разными путями, трудно даже представить, кто из них окажется прав, - говорили они друг другу.

Ярослав Мудрый опечалился больше других, ему казалось, что в его мире все рухнуло раз и навсегда.

- Почему именно он? - никак не мог успокоиться князь Роман, - он мой сын, и не мог он так поступить со своим наследством. Католики, Папа, как можно им верить, как можно так заблуждаться.

Кажется, не нашлось никого, кому бы этот шаг Даниила понравился.

Хорошо, что он не мог с ними общаться, иначе бы уже теперь его ждало страшное разочарование.

На рассвете князь в последний раз оглянулся на завоеванный Рим. Он был великолепен в утреннем тумане, ради такой красоты не грех было еще раз вернуться сюда, обманув самого себя.

Он возвращался домой с короной на голове..

Только радоваться королю Даниилу оставалось совсем недолго.

ГЛАВА 15 ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Король после долгих странствий возвращался в свои владения. Его немного настораживало, то, что бес исчез прямо перед городской стеной. Конечно, он раньше так поступал, и в этом была его фишка, но на этот раз стало тревожно.

По мере удаления от мира настроение Даниила вообще менялось, он не сразу понял, что же так тревожит его.

Но как только князь перестал видеть великолепие вечного града, и радости его заметно уменьшились. Наверное, надо там оставаться, чтобы чувствовать себя настоящим королем, только вот настоящим ли?

Конечно, он не верил в то, что все в Галиче так уж обрадуются, священник, к примеру, но ведь и повода печалиться не было, пока точно не было, тогда откуда такая грусть печаль?

Его встречали незнакомые люди со странными лицами, мир казался каким-то мрачноватым после Рима, но это был его мир.

Он сразу почувствовал, что единственным человеком, который разделит его радость, будет Ирина. Она поможет ему во всем разобраться. Но до нее еще надо добраться. Почему все, кто его узнавал, старались прятать глаза. Хотя город стоит, рука Батые не уничтожила его, но почему они кажутся ему чужими, совсем чужими. Неужели все это он делал не ради них?

Настроение портилось мгновенно.

№ № № № № № № №

Даниил подъехал к дворцу, вспомнил, как он возвращался от хана, как и тогда он почувствовал, что дворец пуст, хотя все его люди были там, как обычно.

- Ирина, где она, - спрашивал он у слуг, - тревожась все сильнее.

Но они отходили подальше, словно он мог ударить кого-то.

Когда, наконец, появился Василек (в это время он почти не вспоминал о брате, словно его и не было), и тот немного замешкался при приближении князя.

Но он-то ясно показал, что случилось что-то ужасное.

- Что тут происходит,- крикнул князь, боясь, что его никто не слышит и слушать не хочет.

- Она погибла, мы нашли ее на заднем дворе, ее на рассвете сбросили со стены, - говорил он тихо, надеясь, что брат не расслышит его.

- Мы забыли о Батые, а он о нас не забыл, говорят, это были его люди, больше некому. Да и как он мог не отомстить тебе и ей?

Даниил больше не слушал его, теперь он понял, почему все казалось ему таким странным в последнее время, бес конечно обо всем знал с самого начала, потому он и скрылся.

Новый король в тот момент был страшен. Он готов был принять что угодно, только не такое известие, но было именно такое, какое он не готов был принять.

Как можно было после этого жить, главное, зачем. Батый мстил ему, а он сам разве не бросил Ирину здесь одну, забыл о ней совсем.

Даниил бросил коня, ушел подальше в парк, медленно переходящий в лес. Он не слышал, как Леший шел за ним повсюду.

Лешему стало жаль такого красивого и такого несчастного князя, хотя он не питал к людям особых чувств, но он вызвал тень женщины, из-за которой погрузился в печаль князь.

Конечно, среди духов эта история была прекрасно известна.

Даниил остановился, когда заметил белое облако рядом. И оно на глазах превратилось в его возлюбленную. Она все время удалялась, но он устремился за ней. Наконец они остановились около рябины на лесной полянке.

- Почему ты покинула меня? - вырвалось у Даниила.

- Я очень тосковала, на рассвете поднялась на городскую стену, и кто-то налетел на меня как ураган и столкнул вниз. Я никого не видела, он стоял за спиной.

Князь прижался к стволу березки рядом с рябиной.

- Но что я теперь без тебя делать стану? У меня земля уходит из-под ног.

- Мы еще встретимся с тобой, княже, в другой жизни и на небесах, только я тебе не успела сказать перед объездом, что у нас должен был быть ребенок, хотя и он погиб вместе со мной.

- Но почему ты и теперь ускользаешь, останься.

- Меня нет, ты обнимешь только воздух. Но ты король. Мы будем вместе с тобой, всегда рядом, отправляйся в Галич, там твой мир и твои сыновья. Подожди немного, и мы встретимся снова.

С этими словами Ирина исчезла, князь понял, что он и на самом деле может обнять только воздух.

Леший подоткнул его к тропинке, которая вела к городу. Он думал о том, что скоро появится еще один красивый сказ о большой любви, которая оборвалась так рано и печально.

На поляне он обнаружил не только своего коня, но и беса.

- Ты видел ее? - спросил тот, чтобы как-то заговорить с князем.

- Да, но почему ты прежде мне ничего не сказал?

- Я не знал, - соврал он, - а когда узнал, было поздно, ничего бы не изменилось. В Риме ты был таким красивым и счастливым, зачем же мне все было портить?

Вернулся князь во дворец, когда уже стемнело, он не испытывал ни усталости, ни голода, все в душе его умерло, все полетело ко всем чертям. Василек так и не осмелился в тот вечер к нему приблизиться.

Чувство вины – вот что испытывал князь, и знал, что оно останется в душе всегда. Он был жестоко наказан за корону и за сделку с Римом. Ему так понравилось все, что там происходило, что он забыл о сыновьях, о брате, о жене, и за это и должен поплатиться одиночеством и вечной тоской.

А Батый не забыл его предательства, и ударил по самому больному - по его любви. Как он мог надеяться на то, что ничего не случится. И зачем ему теперь корона?

ГЛАВА 16 ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Галич показался каким-то странным заповедником, где больше не было жизни и было трудно дышать.

Среди многих опустошённых мест, где когда-то кипела жизнь, мало что походило на то, что это были славянские земли, на такие, какие они были до татарского нашествия.

Но Галицкий князь Даниил, самим Папой коронованный, все-таки постоянно тревожился, и больше не любовался безмятежно тем, что его окружало.

Неопределенность и тревога – вот что оставалось в его душе неизменно. И это не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Папа обманул его, это было ясно изначально всем, а теперь и он должен был это признать. Никакой помощи от него не последовало, даже самой минимальной для отвода глаз не было.

Хотя татары все еще не нападали на них, то это скорее вопреки всем, а не из-за того, что Папа постарался.

Да и сама Золотая Орда была уже далеко, и казалась она теперь не такой и сильной и несокрушимой, как прежде.

Татары не трогали их земель, но князь ради сыновей своих и внуков старался утвердиться в этом мире, спасти свои земли, только были ли они его, вот в чем вопрос.

Но он вспомнил об Ярославе Мудром и решил, что ему нужны союзники, и это можно было сотворить только при помощи браков.

Обратил он свой взор к королю Венгров, старому и доброму своему союзнику.

Он и прежде не прочь был с ним породниться, так как дочери его нужен был сильный и надежный муж. Теперь ему все казалось проще, потому что они были одной веры, и у короля нет повода ему отказать.

Даниил не стал ни о чем спрашивать сына, когда отправился к венграм. Это было немного странно. Ведь в последнее время он почти никуда не выезжал, а теперь вдруг собрался.

Он видел, как волнуется сын, оставшись совсем один, он привык все-таки быть за широкой спиной отца, а тут совсем другое. Но это пойдет ему на пользу, как бы его поход к венграм не закончился.

Лев должен учиться управлять своим уделом, потому что он совсем не готов к таким переменам. Да и сам Даниил помнил, как быстро, как рано ушел его отец.

И вот теперь, когда настал такой момент, пусть привыкает чувствовать себя настоящим властелином. Хотя он уже достраивал для него Львов, но все равно, тот казался значительно моложе своих лет.

Но как воспримет он известие о том, что должен жениться на дочери короля, говорят, у него есть уже любимая дева.

Но пока он жив, сможет управиться с этим. О чувствах думать они никак не могут, может быть в другой жизни. Но со временем он все поймет и может быть еще благодарить его станет. Ведь ему не придется переживать многого из того, что выпало на долю самого князя. Но зато союзника он уж точно получит.

Нет, наступят времена, когда не будет татарской угрозы, а град его станет так же велик и прекрасен, как Рим, еще недавно покоривший его воображение.

Правда Папа плут, а вера его ничем не лучше православия, и она оказалась так же бесполезна. А тень Ирины больше не появлялась перед ним, а этого ему хотелось больше всего.

Он все чаще ходил по лесу и ждал чуда, которого не случалось. Хотя князь оглядывался при каждом шорохе, оставался в своем одиночестве чужим и далеким.

Он сожалел о Марианне, но особой вины не чувствовал, она умерла не насильственной смертью, хотя и очень рано. А вот свою возлюбленную князь не смог защитить. Он не смог встать на пути у ее убийцы, значит, Батый все-таки одержал победу.

Теперь Даниил все чаще вспоминал одну из немногих ссор, вспыхнувшую между ними, когда она о чем-то его просила, он уже и вспомнить не мог о чем именно, а он только усмехнулся.

-Ты когда-нибудь пожалеешь о том, что был глух, - говорила она, но тут же замолчала, словно опомнилась, стала ласковой и приветливой. Но его просто потрясли теперь эти слова. Князь никак не мог вспомнить, что же он не сделал для нее, о чем шел разговор.

Видя страдания князя и испытывая вину за то, что не остановил Батыева молодчика, Мефи страстно хотел что-то изменить и исправить, даже готов был отправиться с Даниилом в ад, если бы они смогли вернуть ее назад, но ничего такого сделать ему бы все равно не позволили. Мессир не любил этого князя, да и не верилось в то, что они что-то смогут сделать.

Но сколько не подыскивал он для князя других девиц, все напрасно. Даниил не принял и близко ни одну из них, все отправлял подальше. Ничего не выходило у них, князь оставался непреступен.

ГЛАВА 17 ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Оставалось только поразиться тому, как за это время постарел король, каким слабым и жалким он казался.. Но встретил он Даниила приветливо и ласково, и к радости Даниила сразу согласился, что жить они должны в мире, а потому можно скрепить брачным союзом их отношения.

А когда он взглянул на дочь короля, то понял, что его сыну очень повезло, она будет самой прекрасной женой.

И снова нахлынули воспоминания, о счастливом прошлом, о двух женщинах, которые сделали его когда-то счастливым.

Нет, девушка была совсем иной, наверное, она будет послушной женой и прекрасной княгиней для Львова. Но только для него уже все в прошлом, ничего не вернуть назад.

Король, кажется, ничего не понял и истолковал все это по-своему. Он спросил немного обиженно:

-Отчего ты грустишь? Тебе моя дочь не нравится?

- Дочь твоя замечательная, о чем тут говорить, я думаю о том, что невозможно вернуть прошлое. А давно ли у меня все было так же, как у них теперь. Надеюсь, что скоро они полюбят друг друга.

Король не стал расспрашивать о прошлом, захотел оставаться в неведении, да и Даниил ничего больше говорить не собирался. Потому, посидев еще какое-то время молча, они попрощались, пожелали один другому спокойной ночи. Наверное, Даниил хотел отдохнуть, потому что тут же появился бес и спокойно произнес:

И все-таки ты не слишком хорошо со своим сыном поступаешь, отец твой так себя никогда не вел, он-то считал, что ты сам все в жизни решить должен.

- Он еще мал и неразумен и готов подчиниться отцу, ничего другого мне и не остается больше.

- Но мальчишка влюблен совсем в другую, ты хочешь, чтобы он был так же несчастен, как ты сам: - усмехнувшись, спросил тот.

Но князь не обратил на эти слова внимания, хотя упоминание о том, что он не слишком счастлив, задело его за живое. Он никак не мог смириться с этим, хотя спорить бесполезно.

- Он подчинится мне, как я когда-то подчинился своему отцу, - подчеркнул Даниил, у беса не должно было остаться сомнения в том.

Спорить с ним не было никакого смысла. Сон был изгнан из его сознания окончательно, хотя он никак не мог прийти в себя.

Но в кого он влюблен, в дочь какого-нибудь холопа. Разве можно допустить, чтобы такой брак состоялся. Нет, ничего подобного не будет, пусть сам дьявол обвиняет в чем угодно, но слишком дорого за все заплачено, чтобы можно было так просто ко всему относиться.

Он был уверен, что не поймет его сын, сможет ли он убедить его заставить так поступить? В этом князь не был до конца уверен. Но он был доволен встречей.. Но на прощальном ужине, там, где была и дочь короля, сообщил о том, что свадьба состоится, они должны только обсудить, когда все будет происходить.

Он взглянул на девушку и заметил, что она немного смущена, но не подала вида. Нет, все совсем не так было тогда, и все на свете он отдал бы теперь, если бы можно было вернуть время.

Вскочив на коня, Даниил с грустью подумал, что жизнь прошла, ушла и никогда больше не вернется, ничего не будет, все для него в прошлом.

- Но ты ведь и сам ничего не хочешь, - вырвалось невольно у беса, тот снова оказался рядом

- Не хочу бегать за призраками, да и какой в этом смысл? - повторил он, и сжал кулаки. Да и зачем ему это было нужно. Нет, надо остановиться, и не стоит смешить людей.

Он прищпорил коня, и помчался вперед, не желая думать о личном.

- Может, и расскажут потом красивые истории, - думал князь. Но какая ему разница, что и кто станет рассказывать. Хорошо, что он этого никогда не узнает.

Какая легкость и вольность была в душе. Пусть молодые принимают все тяготы. Ему же хочется забыть обо всех бедах и ненастьях, которые впали на его долю. Он забудет обо всем, как только отзвучит королевская свадьба.

ГЛАВА 18 СЫН

Кажется, возвращение не сулило ничего приятного. Князь почувствовал, что не так просто будет ему все решить со Львом и с его внезапной женитьбой.

Хотя до сих пор парень не проявлял своего характера, но как только дело коснется женитьбы и его судьбы, трудно даже представить, что будет со Львом.

Ему уже было известно о грядущей свадьбе, но радости он при этом не выражал.

Княжич смотрел на отца, понимал, что все уже решено, отец дал слово и от своего не отступит. Но почему он ничего даже не сказал, боялся, что король не отдаст им дочери, совсем не доверяет ему? Он уже привык к мысли, что у него будет свой город, и не надо ждать пока отец покинет этот мир.

Он чувствовал, что стоит только возразить и даже трудно представить, какое решение в гневе праведном примет отец.

И тогда вместо города ему придется скрываться где-то вместе со своей возлюбленной, а это уже ни в какие рамки не лезет.

Он не может бросить любимую, он не должен ее бросать, что бы ни требовал от него отец. Когда она вкрадчиво спрашивала, жениться ли он на ней. Но ведь даже Олег в свое время не мог жениться на той, которую любил, да и Святослав не мог, так что же о других говорить? Он должен был выбрать власть, а не любовь, как и повелось среди князей.

Но все это понимая рассудком, Лев никак не мог справиться с собой и не хотел отказываться от своей любви. Но что это? Слабость, которую так презирает его отец, бессилие – если даже и так, он все равно от этого не отступится, потому что понимает, как много для него значат эти чувства.

Но если он обречет себя на прозябание, то нужна ли ему такая любовь? Он слишком много думал, принимал то одно, то другое решение и никак не мог на что-то решиться окончательно.

Лев внезапно предстал перед отцом со всеми своими сомнениями и размышлениями.

Он чувствовал, что Даниилу придется все решить, если его сын ни на что больше не способен.

- И что ты так хмуришься? – не выдержал отец, видя, что тому стало что-то известно.

- Федор сказал, что ты меня женить собираешься, - буркнул Лев и отпустил глаза в землю, словно они говорили о ком-то другом.

- А тебе этого вовсе не хочется? Я тебя не на безродной холопке женю, а на дочери короля, если твой Федор не забыл о том сказать. Как и то, что ты старший сын, и не можешь сам себе принадлежать, такова твоя судьба, от нее не уйти.

Лев молчал, пронизательность отца поразила его и не слишком успокаивала.

- Не бывать этому, - вдруг вырвалось у него, хотя он даже сам не ожидал такого поворота.

Но Даниил молча так посмотрел на него, что парень понял, противиться бесполезно. Будет так, как он хочет.

Это молчание показалось князю странным, он молчал, не знал, что ему делать дальше.

- Почему ты ничего не говоришь? Ты уже согласился?

Ему казалось, что этого не стоило говорить и делать.

Но волна сожаления охватила его душу.

- какой он князь, если так беззащитен, если сам с собой разобраться не может, что говорить о других?

- Не так уж он и плох потом окажется, - усмехнулся бес, который давно наблюдал за ним, - по тем временам, которые ему достанутся, не так и плох он будет.

Утешал ли он князя, на самом ли деле так думал, как знать.

- Да было бы так, - выдохнул князь, - только не сильно я верю твоим словам.

№№№№№№№№

А Лев тем временем отправился к своей возлюбленной. Он знал, что отец не отступится, не бывать этому. Потому и решил, что жить в этом жилище с его девицей он не сможет, не того поля ягода. Если бы он не был

рожден князем, не привык с детства, что будет уделом править, тогда может быть и примирился бы с этим. Потому дева почти сразу все поняла, значит не врали те, кто твердил о скорой свадьбе

- Что случилось? - обреченно спросила она, - твой отец к венграм ездил, говорят, там он для тебя жену искал.

Лев молчал, он вовсе не ожидал, что она с этого разговор начнет, и теперь не ведал, что ей на это можно ответить.

Значит, он не успеет ее узнать хорошенько.

- Ч отцом бесполезно спорить, ты же знаешь, потому я и промолчал, он на своем настаит.

- Но что же ты, готов жить с чужой женщиной?- она ждала ответа, а он не ведал, что на это сказать.

Лев молчал, он ничего ей так и не сказал.

И тогда она поняла, что ей не на что надеяться больше.

- Ясно, уходи, не хочу тебя видеть и слышать, делай что хочешь, поступай, как знаешь.

Губы ее задрожали, она не собиралась больше ничего ему говорить.

Да и что тут скажешь?

Она стояла неподвижно, словно окаменела. Она даже не окликнула его, а он загадал, что если позовёт, то он с ней и останется, что бы потом не случилось, но она не звала.

Она поймет и одумается, но что же делать ему, как быть дальше?

Если для нее главное стать княгиней, то хорошо, что мы не остались вместе, отец был прав, не стоит из-за нее всем рисковать. Так решение было принято само собой.

№№№№№№№№№№

Лев промолчал, но возмутился на этот раз Василёк. Это он ворвался к Даниилу:

-Как ты смеешь калечить его жизнь?- кричал он яростно, почему ты все сделал, даже не спросил его?

Даниил молчал. Он знал, что должно прийти время для того, чтоб брат излили всю свою горечь и боль. Но задет он был такими обидными словами за живое и никак не мог утихомириться.

- Власть и любовь, кому - то удавалось и то и другое сразу? - возмутился он.- Никто никому не давал право выбирать, если ты рожден княжичем.

- Но почему же ты так жесток?

- Доброта – это богатство для бедняков, а мы не можем себе такого позволить. Он хотел показать, что больше не собирается о том говорить. Он

хотел прибавить что-то обидное, но промолчал, понимая, что Василек меньше всего виноват в том, что происходило.

Но он так и не мог решить, что делать и как ему быть дальше.

ГЛАВА 19 СВАДЕБНЫЙ СОЮЗ

Даниил больше всех радовался тому, что свершилось все, о чем он мечтал. Наступил тот день, когда король венгров вместе со своей дочерью явился на торжество.

Невеста была немного застенчива. Она спокойно подошла ко Льву. Он молча взирал на нее, что творилось в его душе, сказать было трудно.

С тревогой смотрел он на гостей, собравшихся во дворе, боялся встретить свою возлюбленную Дану, но кажется, ее нигде поблизости не было.

Хотя сам князь не знал, кто она такая, потому и не распорядился отправить подальше.

Хорошо, что она отступилась и смирилась с тем, что творится у князя.

Молодые за главным столом чувствовали себя скованно и сидели неподвижно – ни живу и не мертвы. Только сам князь не сомневался в том, что все у них наладится со временем.

Даниил пил теплую медовуху и беседовал с королем, ставшим теперь его родичем.

Но в свои покои князь вернулся раньше обычного. С грустью огляделся вокруг. Здесь все было красиво, богато и пусто. Ему казалось весь вечер, что в такой момент должна появиться тень его жены, разве она не радуется всему, что творится вокруг?

И он не ошибся, в комнате и на самом деле кто-то находился.

Но только это был не призрак, как он думал прежде. Бледная девица вышла из укрытия и встала перед ним.

В первый момент князь готов был возмутиться, хотел наказать слуг, пропустивших ее сюда. Но потом понял, что это Дана – бывшая возлюбленная его сына, и понял, что не должен поднимать скандала.

- Княже, ты доволен тем, что случилось? – с вызовом спросила она, - я пришла взглянуть на тебя. Сын твой получил королеву вместо холопки, разве не так все и должно было быть?

Князь усмехнулся, не понимая, почему он все это слушает. Но пока решил ее не перебивать. Это было даже забавно, пусть скажет.

- Я сожалею, что ты не стала княгиней, - заявил он. - Но мой сын будет счастлив с этой девой, она не позволила бы себе такого.

- Он никогда не будет счастлив, за предательство любому придется заплатить, - говорила дева.

- А теперь отправляйся туда, откуда пришла, - резко произнес Даниил и почувствовал страшную усталость.

Но она бросилась к нему, что-то блеснуло в его руках.

Это оказалось вовсе не забавно и не безопасно, как ему сначала показалось.

Он на лету поймал ее руку, ощутив свою полную власть над ней.

Она дрогнула от мужского натиска, и нож упал на ковер почти бесшумно.

Она поморщилась от боли и отошла в сторону.

Он оттолкнул ее и указал на двери.

- Мне надоели эти фокусы, - заявил Даниил, уходи немедленно

Он наступил на нож и молча ждал, пока она удалится. Слуга вбежал в его комнату, дрожа от страха и бессилия. Он что-то говорил, что женщина ведьма, что он не знал, как она тут появилась.

Князь только махнул в ответ, не желая о том говорить.

Но Даниил никак не мог сомкнуть глаз, все появлялось и исчезало перед глазами. А если она ворвется к сыну и все там испортит.

Но что-то ему подсказывало, что она не сделает этого. Она решила отомстить ему – виновнику всех ее бед. Ничего больше у нее не выйдет, можно не бояться.

- Она даже не утопитя, - услышал князь голос беса, - она слишком жадна и властна, но она вовсе не так и любит твоего сына, как кажется.

Князь, наконец, заснул, забыв обо всем на свете.

И хотя никого не бывало в его комнате в те минуты, но о странном происшествии быстро стало известно всем. Утром к нему ворвался сначала Василек, желая убедиться, что он цел и невредим. А потом заглянул Лев.

- Я знаю, что Дана была здесь, - говорил он

- Обычное дело, - пожал он плечами, - нам приходится платить за свои слабости и грехи, - она решила, что мне грустно в одиночестве, вот и навестила.

- Она могла убить тебя, отец

- Эта девица? Она тебя насильно заставляла жениться на себе? Твой отец не так хил, как кажется, никто бы не смог меня убить, о чем ты. А ты должен быть мне благодарен за то, что я спас тебя от такой возлюбленной, где ты их только находишь?

Наконец объявился король, который тоже обо всем знал.

- Я уверен, что наши девы не так мстительны и кровожадны, - только и произнес он.

№№№№№№№№№№

Утром, а вернее ближе к полдню, пир продолжился. Лев теперь уже смотрелся не юношей, а мужем. Он все еще удивленно взирал на ту, которая была рядом, но отчуждения больше не было.

Ну что же, все хорошо, что хорошо кончается, их дети будут королевской крови, она спасла его от безумной девицы, которая чуть не расправилась с его отцом, хотя тот не выразил ни разочарования, ни гнева, он стал каким-то другим.

Но что это - великодушие или чувство вины?

А потом все отправились к его граду, чтобы король смог полюбоваться тем, что они сотворили. Княгиня была довольна, она радовалась, что все останется ей и ее детям. Лев гордился отцом. Каждый в этом мире получит то, что он заслужил по рождению.

И теперь они ходили по городу и любовались всем, что там было построено. Наверное, каждый получит только то, что он заслужил, или завоевал.

Дана же понимала, что ничего никогда не получит, судьба только посмеялась над ней и оставила. С жуткой обидой она смотрела на князя издалека. Как весел и беззаботен он был. Она поняла всю тщетность своих усилий, даже когда она пыталась его убить. Зачем ей это было нужно? Кто мог столкнуть ее с пути истинного? Почему она чуть не погубила себя..

ГЛАВА 20 ТРЕТЬЕ ПОЯВЛЕНИЕ ФЕЛИКСА

Даниил чувствовал себя в новом городе чужим. Он знал, что долго здесь не останется. Наверное, жить и умирать он захочет только в своем граде, вот и поспешил поскорее покинуть Львов.

Лев же увлекся работой. Он сам говорил с мастерами, и показывал им, как и что должно там быть. В княжеском дворце, который тоже еще не был готов до конца, он появлялся редко. Это было немного странно для парня, только что женившегося, но у князей все всегда не как у людей бывает.

Молодую княгиню это приводило в уныние, но возражать она не стала.

Только ночь оставалась для того, чтобы встретиться и поговорить.

Он порой дивился тому, как быстро она училась их языку.

Князь считал, что может быть оттого, что Лев не любит жену, ему повезет больше – он не будет к ней так суров, и если придется потерять ее, то не станет это для него кошмаром.

- Береги свой город, - говорил на прощание Даниил. – Он останется, когда всех нас уже не будет в этом мире, и, глядя на него, будут вспоминать о нас.

Он надеялся, что татары сюда не сунутся, потому что они ничего о граде этом не ведают.

Лев поспешил в костёл, как только простился с отцом – это был его храм, и никакого другого ему не требовалось.

По дороге Даниил думал о том, что сын его относится к новой вере значительно серьезнее, чем он сам, а потому он будет ближе Папа, и возможно тот оценит все, что творится с ним.

Он же не хотел признаваться, что последнее путешествие к Папа мало чем отличалось от татарского похода, все это одно и то же, если они отличаются, то только внешне. Наверное, правы был Александр, когда отверг все это и пытался договориться с татарами, а не с Римом.

Его же надежды только надеждами и оставались, и им не суждено было сбыться даже в иной жизни. Он навсегда остается в этой кабале,

№№№№№№№№№№

Даниил медленно ехал по улицам Галича.

Какую-то птицу рисовал на стене художник. Он издали не понял, что это была за птица, но что-то странно знакомое овладело его сознанием.

В душе его проснулись какие-то смутные чувства.

- Это сказочная птица Феникс, - услышал он голос беса, который, как и обычно оказался рядом.- Она умирает, сгорая в огне, и рождается снова из пепла, как и весь наш мир.

Мастер смущенно улыбнулся, увидев, что сам князь заинтересовался его искусством.

- Да, конечно, - согласился князь, хотя бесу было неизвестно, что в тот момент у него было на уме.

А князь помнил о магической цифре три, которой важное место в сказаниях и былинах уделялось. Он понял, что это и был третий раз, когда птица явилась ему в таком вот живописном облике. Разубедить его в том никто не смог бы.

До этого он только слышал о ней, а теперь еще и увидел вдруг. Казалось ему, что птица в душу его взирает, и он сам не мог от нее взора оторвать.

Значит мой час близко. Видно скоро все завершится.

Он умрет и воскреснет, и останется в сердцах тех, кто будет жить в Галиче навсегда.

Наконец князь отвел взор от птицы, оставил безвестного художника гадать, что с ним такое творилось, о чем он так долго размышляет. Так ли хорош рисунок, что он знает о знаменитой птице.

Но разве спросишь о том у князя, если он сам ничего не сказал.

Нет, он никогда бы на это не решился.

Да если бы и набрался храбрости, разве тот рассказал бы ему о чем-то?

Эта встреча останется в душе навсегда. Художник пробовал нарисовать его портрет, но никогда не решился бы показать его самому князю.

Федор, а вернее, бес в теле воеводы вместе с князем смотрел на рисунок. Такая мазня ему совсем не нравилась. Вот и решил он придумать кое что получше. Хотя и заметил, что после Рима князь, ставший королем, очень изменился. Он вовсе не признавал никакой религии и веры, их было так много, что он решил отстраниться от всех.

Вот и надо было попристальнее взглядеться в славянское прошлое. Бес уже пожалел, что так далеко запрятал Перуна и всех других идолов. Теперь бы они ему точно пригодились.

Остались под рукой только духи, которые по-прежнему были целы и невредимы, но и сам черт причислял себя к ним, а потому ближе и дороже никого не было.

А вот с богами, если не считать где-то гремящего Перуна и мимо пролетавшего Стрибога, с ними было совсем плохо тут.

Когда-то, когда боги были птицами, а птицы богами, Мефи познакомился с Фениксом, и тогда он был самой его нелюбимой птицей.

Но вот появилась же она внезапно, когда не было уже и в помине других птиц.

И тогда он повелел привести к нему совсем другую птичку.

ГЛАВА 21 ПТИЦА ГАМАЮН

В то время, когда Даниил вошел в свой дворец и огляделся, там его ждала неожиданность. Дворец стал уже совсем пустым, теперь это не вызывало ни боли, ни тоски в его душе, казалось привычным делом.

Он относился к пустоте спокойнее.

Оставалось только оправиться в лес, где и видел он в последний раз призрак любимой. Он радовался, что люди туда боялись заходить, потому можно было побыть в спокойствии и одиночестве.

Его же туда неодолимо тянуло все время.

Но почему она больше не появлялась, что случилось в потустороннем мире? Как она может обходиться без него.

Он увидел свое отражение на зеркальной поверхности озера, и подивился тому, взиравшему на него из тумана.

Он был высок, широкоплеч, ему шли княжеские одежды, седина там не была видна, потому казалось, что он молод. Но каким-то это было слабым утешением.

Но придаваться унынию он все-таки не успел.

И снова в его покоях кто-то находился.

На этот раз это была птица. Но птица с женским лицом, наверное, в старые времена ничего дивного, а вот теперь она смогла потрясти его до глубины души.

Птица была нема, но князь не выдержал:

- Что это? Откуда ты взялась?

- Это моя птица Гамаюн, - услышал он голос беса рядом.

Даниил испытывал какое-то странное потрясение.

- Она может предсказывать судьбу, - продолжал бес, - конечно, если ты этого хочешь.

Бесу казалось, что никто не сможет от этого отказаться, потому что, если что-то интересовало человека, то только его судьба.

- И о чем же может поведать твоя птица.

- Она будет беду вещать, зол на тебя татарский хан, и сам знаешь за что, ты за его спиной в Рим подался, вот за это т заплатишься. Да и хан там другой, а это плохо закончится для тебя.

Сам птица заговорила о скорой смерти Александра и как-то странно на него посмотрела:

- Всю жизнь вы рядом шли, все у вас одинаково было.

- Что ты этим хотела сказать? - хотя он знал ответ, но хотел услышать все это от птицы.

- Да и тебе вслед за великим князем уйти придется, только путь его прям был, а ты часто решения менял. Да много е меняется в этом мире, но главное не изменится никогда.

Даниил что-то подобное и без птицы чувствовал, но теперь, когда это было произнесено вслух, то все по-другому теперь казалось.

Значит он не обманулся, умирать не страшно, страшно жить в пустоте и одиночестве.

Но хотелось ему только одно спросить, перед каким богом он предстанет, кто его там встретит, что вообще там будет с ними?

Они говорят, что сначала Александр умереть должен сначала, он везде был впереди на шаг. Глупо противиться этому.

Федор дивился его спокойствию, уверенности в себе. Надо было подивиться тому, как он спокоен и невозмутим.

Тут птица исчезла, словно ее никогда не было, но появился Василек. Он говорил, что Андрей прислал гонца, тот говорит, что Александр скончался по дороге из орды.

Отвернувшись от Василька, князь пристально взглянул на беса:

- Его отравили там? Как его отца отравили?

- Можно и так сказать, - отвечал бес задумчиво, - а разве ты не отравлен одиночеством да унынием.. Нелегка твоя жизнь была, а его тем паче, он же от королевского дворца и от почестей Папы тоже отказался.

Федор забыл о том, что Даниилу это не было известно, потому и не понял, почему тот так на него смотрит.

- У него были кардиналы еще до тебя, но он прогнал их прочь, хотел, чтобы и ты так же поступил, но у каждого свой путь, хотя во многом ваши судьбы и правда совпали.

Когда Даниил очнулся, он не мог понять, все это было на самом деле или ему это только приснилось. Но как-то долго он пытался все вспомнить, в памяти восстановить.

Ему показалось, что пробил ее час.

ГЛАВА 22 ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Король Даниил старался не думать о том, что в те дни хоронили князя Александра. Знак с небес ему уже был послан. Осталось совсем немного времени для того, чтобы все изменить, исправить.

Но что же можно такого сделать, чтобы все переменялось? Он видел, что время уходит. Тогда он решил позвать священника.

Сколько лет он не имел никакого отношения с ними, делал вид, что старой веры не существует, сколько времени строились храмы, появились католические священники. Но теперь он вспомнил об Александре.

Священник явился быстро, словно знал, что его позовут. Но они оба молчали и никак не могли начать этот разговор. Казалось, что князь устало, вдруг лишился сил, и с этим трудно было примириться.

- Я послал в Рим, чтобы заявить о разрыве с католичеством, это было моей ошибкой.

Снова воцарилось молчание. Они смотрели куда-то вдаль, Патриарх снова вспомнил ту встречу, как пришлось ему уйти из княжеского дворца.

Он знал, что такой миг рано или поздно наступит, но князь был моложе, он надеялся, что не доживет до этого часа.

Но князь умел признавать свои ошибки.

- Да, конечно, все образуется, - говорил он растерянно, все встанет на свои места, мы не можем знать, где правда, а где ложь.

- Но почему ты так волнуешься? Ты еще не стар, почему ты так переживаешь?

- Мой век уже завершился, Александр уже ушел, и мне немного осталось. Княжеский век короче, чем твой, мне ничего не остается больше, - говорил он.

Он говорил, словно речь шла о чем-то очень важном.

Князь даже не думал о том, на кого он оставит Галич, а вот Патриарха это волновало больше всего на свете. Словно он две жизни жить собирался. Ему хотелось, чтобы Даниил прожил еще какой-то срок, но видно ему было что-то такое ведомо.

И теперь князь только с болью вспоминал о том, как он радовался, как верил, что не ошибется, что он соединится с Римом и будет счастлив, что не придется ему в том раскаяться.

Блудный сын вернулся в свой мир, как еще мог отнестись к такому повороту Патриарх, не терявший надежды на его возвращение?

Все радовались, что в их мире больше не было этого страшного двоеверия, когда князь думал совсем о другом, и они не могли угадать, как им быть дальше.

Но Даниил велел не трогать костёлы. Они должны были оставаться неприкосновенными. Люди же его, те, кто с радостью принял веру, теперь думали о том, что станет с ними, когда князь покинет мир. Не захочет ли расправиться с ними новый князь?

Никому ничего не было ведомо о том, и все терялись в догадках.

Но Даниил ждал возвращения послов от Папы, хотя это не сильно его волновало, но ему больше не было дела до Рима. Ему все в этом мире уже было безразлично.

Послы вернулись, сказали, что Папа их не принял, он передал, через своих людей, что ошибся в русичах и не хочет больше иметь с ними дело.

Сообщил Папа о том, что слишком велика честь, чтобы держать их насильно, пусть живут, как знают.

Словно он на самом деле мог удержать славянского князя.

На этом и закончилась их странная история с католичеством. Но Папа лукавил, он не собирался после смерти князя оставлять Галич, наоборот договорится с новым князем, и все будет как прежде.

Все затихло на какое-то время.

ГЛАВА 23 ГОРЬКОЕ ПРИЗНАНИЕ

Патриарх приходил к Даниилу еще несколько раз, но не мог представить себе подобной трагедии. Князь умирал, хотя никто в мире не мог бы этого сказать, но Даниил угасал на глазах. Ему не хватало воздуха, и он задыхался, но требовал, чтобы не открывали окна. Слуги говорили, что это была самая странная смерть на свете.

- Совсем не для того я был рожден, чтобы вот так маяться и прожить жизнь непонятно как. Он старался все раскрасить черной краской, наверное, так предвзято не относился к себе даже Владимир Мономах, Рюрик или Всеволод. Они старались найти оправдание каждому своему поступку, а тут безнадежность полная.

- Вся жизнь – муки, заблуждения, обман, - говорил он сердито. Надо признать, что Александр во всем оказался прав. Наверное его вечному сопернику и их любимому герою ни в чем не придется раскаиваться, а вот с ним все по-другому оказалось..

То, что они совпали во времени, не было случайностью. Как страшно оказывается, когда жизнь прожита кое-как, растрочена напрасно, когда ничего не удалось сделать.

- Но разве мало, что на твои земли не нападали татары, - спросил бес, ему надоело слушать те стенания, он вовсе не считал, что жизнь Даниила была никчемной и напрасной.

Тогда он взглянул на Федора, словно видел его в первый раз.

- Почему этот тип старается меня утешить? - не выдержал Даниил,

Но он промолчал, так и не решился ему что-то сказать в ответ.

- Ты видел только внешнюю сторону жизни Александра, - заявил он. - То, что он должен был узреть, но что мы все знаем о его жизни, о его сомнениях и муках, это священники его святым объявили, но если бы им рассказать, что было на самом деле, впрочем, пусть они говорят и делают, что хотят. Все совсем не так, есть другая правда, и не надо ее искать на земле.

Он чувствовал, что разговорился не на шутку, но никак не мог остановиться.

- Радуйся, что никаких подлостей не совершал умышленно, что они считали тебя отважным, великодушным, мужественным, добросердечным, что в такое суровое время ты был не худшим, тебя любили две женщины, разве этого мало, разве каждый таким похвалиться может?

Теперь он наконец замолчал, рядом с Федором появился Василек. Князь пытался понять, все время он был тут или только что пришел.

- И даже ты не в обиде на меня? - стал спрашивать он брата.

- А за что мне на тебя обижаться, - спросил тот, - я был всегда свободен от власти, принятия решений, я жил так, как мне хотелось, я был счастлив, все беды и горести выпали тебе на долю.

Это немного успокоило Даниила, но на душе у него по-прежнему было тоскливо и тревожно.

Он был красив даже сейчас. Но никак не мог опомниться, собраться с духом. Но как-то отключился от реальности, ушел в небытие.

Тяжесть превратилась в легкость, он больше не страдал от всего происходящего. Какой-то белый туман окутал мир. Белый туман витал над ним, и готов был упасть и окутать его. Трудно было оторвать взор от того, что было вокруг.

Но он искал глазами ту, единственную, и она, обернувшись белым лебедем, витала над ним.

Но что это, сказка или только сон?

Ему больше не хотелось возвращаться к реальности, да и реальность не казалась такой уж прекрасной. А там было чудесно и можно оставаться навсегда. Наверное, странно для красавца князя, с которым ничего больше не связывало.

Нет, в заколдованном озере он постарался больше не вспоминать о реальности, о том, что жизнь была, о том, что в ней было, что быть должно. Забыть – это самая большая награда за все, что было и чего не было в этом мире.

Но над озером появился всадник, тот, кого он мог бы вспомнить, если бы захотел. Он вел коня. Даниил понял, что это его конь, что ему нужно отправиться дальше. Здесь оставаться было больше нельзя.

Секунду он любовался конем, как прекрасно смотрелся тот на фоне озера, он был просто великолепен, свободен и ярок.

Он забыл о боли и усталости, вскочил на коня и помчался прочь. Великолепный мир раскрылся перед ним, и в воздухе витал дивный аромат.

Свобода и великолепие окружало его со всех сторон.

- Пора, - прошептал князь.

Это было последнее, что слышали его слуги.

Потом они говорили, что в этот момент лицо его было просветленным и прекрасным. Они невольно залюбовались им, забыв о тех печальных минутах, переживаемых в этот момент.

Смерть его никого не испугала, не вызвала тягостных чувств, как обычно бывает в таких случаях.

В тот самый день во дворец с ультиматумом прибыли послы нового хана.. Они подивились тому странному настроению, которое царило в этом мире.

К ним навстречу вышел Василек.

- Мы будем говорить с Даниилом, - заявили они.

- Это невозможно, князь скончался несколько часов назад, потому вы не сможете с ним ни о чем говорить.

Они растерялись и не знали, что им делать дальше. Так ничего и не решив, поспешно откланялись. Это было первое появление их тут за несколько лет.

Они еще не ведали, что рыцари Папы движутся сюда, те вовсе не собирались отдавать своих завоеваний. Уже на середине пути они узнали о смерти князя. Папа, не теряя времени, объявил о коронации нового короля, послав новую группу воинов вслед за этими.

Хан узнал о том за несколько дней до возвращения своих послов, решил, что пока не стоит ввязываться в эту брань, можно обратить свой взор и на не завоёванные земли.

Все решения принимались с невероятной скоростью.

Но никакая суэта не интересовала больше первого Галицкого короля. Даниилу впервые за все время не было дела до того, что творилось на его землях.

ГЛАВА 24 ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ

На время смены власти, на трон в Галиче, правда, совсем ненадолго уселся Василек.

Он очень изменился в эти дни. Чувство ответственности, возникшее в эти дни, в его душе преобразило его до неузнаваемости. Он всем распоряжался, во все вникал.

И хотя ноша для него была невероятно тяжела, он старался справиться со всем, что творилось в мире. Это у него хорошо получалось.

Ночью, когда все в замке смолкло, он дописал последние старицы летописи о Данииле, чтобы передать ее монаху и спрятать подальше. Так много было охотников, чтобы расправиться с князьями. Он не хотел, чтобы враги его увидели эти записи.

Он оставил свои творения для бесстрастных потомков. Они должны были узнать не историю, исправленную Римом, а то, что знал о брате он сам.

Он поставил точную дату на последней странице и перевел дыхание.

Ему объявили о Папском воинстве, входившем в город, спросили, что нужно предпринять.

- Ничего, - ответил новоиспеченный князь.

Василек понимал, что сопротивляться бесполезно, бессмысленно, ничего кроме напрасных жертв это не принесет. Но даже оправдываться они не заставили Даниила, потому он не был так спокоен.

Крестоносцы расположились в городе. Хотя сам город они не трогали, он оставался неприкосновенным, но они чувствовали себя тут полными хозяевами..

Василек вспоминал похороны Даниила, когда тело было перенесено в костел, слуг отправили подальше и предупредили, что расправятся с ними, если они будут против.

- Князь католик, так его и будут хоронить, - говорили они .

Тогда они взглянули на Василька, спрашивая у него совета, как им поступать дальше. Он позволил им провести этот обряд до конца.

Такие вот воспоминания остались у него в памяти. Так и оставались одни и уходили в те глухие времена другие.

Католики смотрели внимательно, рыская по монастырям, они искали ту самую Летопись, которая могла пролить свет на все, что творилось в том мире. Но как ни старались, они нигде не могли ее обнаружить.

А потому страшно злились на монахов, но те делали вид, что не понимают, о чем их спрашивают.

Вломились они и в жилище патриарха. Но он так насмешливо их встретил, что больше ни о чем не хотелось говорить и думать.

Потом все стали считать эту летопись потерянной, а то и не существовавшей вовсе. Большинству их русичей никогда не было ведомо, где же она может находиться.

Но кому - то это место все-таки было известно. «Пусть они узнаю все дурное и доброе о нем, может быть, потом кто-то напишет лучше, но там будут все самые верные сведения.

Василек пекся не только из-за князя, уже несколько лет он видел, во что превратилось самое богатое и прекрасное княжество, и понимал, кто в том был повинен.

Не найдя летописей, Папа и его приближенные сочиняли свои, где они оставались героями и спасителями.

Историй и легенд в ту пору появилось не мало, и в каждой из них была своя правда.

ГЛАВА 25 ЗАПОЗДАЛЬИ МЯТЕЖ

Вдруг появился постаревший Федор и стал рассказывать всем подряд свою историю, о том, что сам черт в его шкуру входил не раз. Тогда все в нем менялось. И скитался он, сам не ведал где, и что творил тоже не ведал.

Но когда его просили что-то о том рассказать, он загадочно молчал, ничего не хотел больше рассказывать.

Говорил он, что хочет отомстить проклятым католикам за князя своего. Они тоже должны вместе с ним подняться, а не сидеть, сложа руки. Он часто рассказывал о том, как прекрасно они в свое время жили, каким славным и могучим было княжество.

- Что там Новгород да Киев, - горячо воскликнул Федор, а Москва и вовсе ничто пред нашим Галичем, он тогда таким был, теперь тоже должен таким оставаться.

Слушали его в ту пору внимательно, кто-то припоминал даже, что никто не собирался подниматься на борьбу. Нет, они отвыкли от всего, только на словах их протесты и заканчивались.

Федор видел, что напрасно он сюда пришел, никого ему поднять не удастся, что это только творит непотребное, а он ни в чем не виноват.

После такого открытия запил он яростно, в пьяном виде и вовсе непотребным сделался.

Теперь уже следить за ним и вовсе невозможно стало

Но разве делал бес что-то дурное князю?- допытывался один из дружков.

- Нет, он любил его больше жизни своей, во всем ему помогал, не противился воле князя.

Федор оглянулся по сторонам, выжидая возмездия. Но теперь уже он далеко был от того воеводы. Напрасно он надеялся на то, что тот поблизости находился.

Без князя не такой уж важной он оказался персоной.

- Сидите по своим норам, яки крысы, - кричал Федор сердито, а я все равно отомщу за то, что столько времени без души оставался, что могли они со мной делать то, что им вздумается.

Но однажды, после такой пылкой речи в кабаке, он вдруг упал замертво и помер, то ли от перипетия, то ли просто у него остановилось сердце

Те, кто там были, от него отступились, не желая знать, как это произошло, кто в том повинен.

Так и закончил свой путь в этом мире один из ближайших товарищей князя Даниила. Он оставался спокоен и далек от мира, как и его князь.

Только бес усмехнулся, глядя на мертвого и заявил Домовому:

-Интересно, зачем мне было с ним связываться?

Больше он ничего не сказал, просто удалился, не глядя по сторонам.

Это был уже другой мир, другая жизнь, до которой ему больше не было дела.

Сначала рухнул Рим, а потом окончательно исчез с лица земли и тот древний Галич.

Но что же Даниил?

Умирая на земле, человек остается цел и невредим на небесах. Он просто переходит в другое пространство и продолжает жить.

Но где же он и что с ним стало теперь?

Князь появился внезапно в первом кругу, но это было странное явление. Он никого не узнавал, ни с кем не разговаривал. Даже беса он встретил холодно и отчужденно, будто встретились они в первый раз.

Когда князья вышли его встретить, он остановился перед ними, развел руками, но так ничего больше и не сказал.

Так и не поговорили.

Он поспешно укрылся где-то. Князья никак не могли понять, что с ним надо делать.

Только Александр отправился на поиски. Он решил разыскать и поговорить с ним. У него было, что сказать Даниилу

- Подожди, - догнал он своего вечного соперника, готового удалиться, - Ирина появится, только если ты будешь вместе со всеми. Ты можешь забыть обо всех, о нас, но не смей предавать ее во второй раз. Она давным-давно ждет тебя.

И на самом деле, как он мог позабыть об Ирине?

Он помедлил немного, а потом повернул назад.

Князья не понимали, как Александру удалось вернуть беглеца.

- Вся моя жизнь – промахи и ошибки, - наконец заговорил он, - мне тяжело думать о том, что исправить их уже не получится. Лучше обо всем позабыть. Бес ко мне всегда хорошо относился, но мне хочется попросить глоток из реки забвения.

- Подожди, - остановил его Роман, - но потом отошел в сторону вместе с остальными. Он посчитал, что и сам причастен ко всем, что происходило в этом мире.

- Ты все забудешь, - говорил Александр, в тот момент, когда бес уже подал ему кубок. Но руки князя разжались, чаша выпала из рук.

- Второй не будет, - предупредил рассерженный бес. Но никто уже не слушал его. Князь оказался сильнее, чем им показалось сначала.

В тот миг появилась и встала с ним рядом Ирина. Она была счастлива, понимая, отчего он ради нее отказывается.

- Я знала, что ты так поступишь, - говорил бес, ты не получил бы никакой воды, потому что это не достойно воина.

Ирина поняла, что они останутся вместе, что она дождалась его, наконец.

Но и рядом с Ириной князь оставался угрюмым.

- Ты вообще не можешь быть счастливым, - с досадой говорил Александр, внимательно следивший за тем, что там творилось.

- Не наша вина, что мы пришли в этот мир в такое время, - говорил Даниил. Придут другие и они расправят плечи, они окажутся счастливее нас.

Но они не забудут, какие жертвы нам пришлось принести. И если бы не было нас, то не было бы и их тоже, - говорил Даниил, упрямо глядя вдаль.

А потом они все взглянули на Куликово поле, на битву Дмитрия с Мамаем,

- Я отправлю вас туда, в то сражение, - говорил бес, - вы поможете князю в том сражении.

- Но поднимется Киевская Русь? - спросил Олег, которого это интересовало больше других.

- Не будет никакой Киевской, и даже Владимирской Руси не будет, останется только Русь Московская, это все, что у нас теперь остается..

И все-таки они чувствовали себя одним целым, жаль, что это чувство появилось только на небесах.

Но лучше поздно, чем никогда.

ЭПИЛОГ

СОН О КНЯЗЕ ДАНИИЛЕ, КНЯЗЬ ГАЛИЦКИЙ

И слушал его, и пытался понять
И снились татарские рожи.
И ржанье коня или отблеск огня,
Усталые души тревожат.

- Корона твою увенчает главу,-
С усмешкою он произносит.
И видит во мгле рубежи, татарву,
Кровавую дикую осень.

Что горше, корона, татарских ярлык,
Какое страшит наказание?
Душа умирает, и яростный крик,
Во сне, как проклятье, вниманье.

И снова изводит татарская честь,
И жжет, словно пламя, корона,
И слышится плач, как похож он на песнь.
И песнь, словно плач похоронный.

Я знала с самого начала, что напишу этот роман. В жизни все или сходится или нет. Всегда есть знаки, совпадения, сны, после которых уже невозможно продолжать жить спокойно.

Сначала был сон. Равнина завалена снегом, белый конь на белом снегу и человек в багряном плаще, совсем один. Он очень медленно двигался куда-то в непонятном направлении, потом остановил своего коня, резко поднялся в седле и отправился в другую сторону.

Я пыталась рассмотреть его лицо, но понятия не имела о том, кто он такой. И только через много лет, оказавшись во Львове, я услышала историю о князе Данииле, построившем этот град для своего сына Льва. Тогда все совпало.

Но как же далеко от нас было это время. Имена, знаки, события, которые кажется не имели с нами, жившими в двадцатом веке ничего общего.

Но они приходили и просили, а скорее требовали, чтобы мы воскресили их для себя и для наших детей, потому что это мы не должны были оставаться Иванами не помнящими родства, какими нас и хотели сделать вероломные татары в его время обрушившееся на Русь.

Князь Даниил, сын Романа и внук Мстислава 13 век в середине почти восемь столетий разделяет нас, почему именно он врывался в мои сны? Как знать, может быть, в другой жизни я была с ним рядом воином или возлюбленной. Хочется надеяться, что не в стане его врагов оказалась.

№№№№№№

В тот морозный день князь воротился в свой Галич из орды, он все-таки отправился на поклон к хану, хотя до этого видел во сне неукротимого отца своего, который требовал обратного, хотя юный сын смотрел с укоризной, он понимал, что ценой великого унижения должен раздобыть тот самый ярлык на княжение, который может сотворить главное- уберечь его земли от татарского нашествия. Он видел, что они сделала с уделами соседей, что стало с когда-то славным и грозным Киевом.

Отстраивал его Ярослав Всеволодович, но мог ли он быть уверенным, что завтра не случится того же, что уже было, что снова промчится красный петух и все сметет с пути своего неукротимый ураган. Глядя на свой Галич, не мог он даже думать о таком, потому и отправился туда.

Что видел там князь Даниил, что пережил он, никто не мог знать, хорошо, что жена его милая умерла, не дождавшись его. И только мать смотрела пристально и строго, но не о чем не спрашивала.

Он получил от хана тот заветный ярлык, только не мог быть уверен в том, что не нарушит хитрый хан своего же слова, не ворвется завтра на богатые земли, как только почувствует, что недостаточно дани прислали ему Русичи. Или девок русский и жен захочется сластолюбивому хану, который только о них и говорил, и спрашивал, и что тогда?

Долго думал и прикидывал князь Даниил, с боярами советовался, хотя понимал, что самому ему придется решение принимать, а потом и ответ

держат перед предками своими славными и потомками неведомыми за то, что было и не было им сделано для этого мира.

Он слышал о том, что на места отца своего на киевский стол вошел князь Александр, своими победами над шведами и немцами славный, а Ярослав, будто в орде был отравлен. Но и он отправился к хану Батюю на поклон, так что же нет другого выхода.

Когда пожаловали папские слуги верные, кардиналы, и стали вкрадчивыми голосами обещать ему горы золотые и королевскую корону, в ярости прогнал их князь Даниил, и думать он об этом не хотел и не собирался. Они ушли, но города не покинули, потому что точно знали, что нет у князя особенного выбора, какой бы он не сделал - все плохо будет, потому и был резон подождать немного, он хоть и горяч да разумен. И где это видно, чтобы с татарами, а не с Русичами такой князь, как Даниил оказался, никогда не бывать Галичу во владениях Батюя, и был еще один довод - не станет он с князем Александром Ярославичем состязаться, не будет силами с ним меряться, потому и не уезжали к себе кардиналы.

Ни пригубил вина и меда хмельного на пиру княжеском князь Даниил, и воеводы его сидели неподвижно, боялись к кубкам своим потянуться, словно уже хоронили кого-то. Кардиналы приглашены не были, потому что только со своими князь должен был совет держать.

А они молчали, о Риме на заикались, о татарах не говорили, решив, что если беса не помянешь, то он не явится, и не хотелось им виноватыми оказаться, когда напомнит князь о том, что они сами ему то советовали.

Никогда особенно не прислушивался к ним мудрый и грозный князь Ярослав, поднявшийся выше великого князя, не о чем не спрашивал их князь Роман, со всем миром воевавший, таким же был и сын его, потому они пили теперь много и молча, и не о чем думать и говорить не хотели.

Усмехнулся князь Даниил, резко поднялся он из-за стола, и странно на их глазах в тот миг переменился, шире в плечах стал, выше, и некоторым из них показалось, что корона украшала его темные волосы.

И отставили они в сторону кубки, и головы свои перед ним невольно склонили.

- Так и будет, - почти весело сказал он. И почувствовал невероятное облегчение - решение было принято.

А потом он велел разбудить немедленно посланников и вести их в гридню.

Они поспешно одевались, понимая, как важно не упустить время, чтобы князь не успел передумать, а когда он даст им слово свое, то умрет, но от него не откажется, они это точно знали.

- Идите и скажите Папе своему, что я принимаю корону, не по пути нам с татарами, и пусть время рассудит, кто из нас был прав.

Все они знали, и свои и чужие, что говорил он о великом князе Александре, с которым всегда соперничество ощущал. Он знал, что пойдут они по другому пути, не к дикости, а к древней культуре и к богу, тому самому, пусть немного по-иному истолкованному. Хотя где же он был, великий страдалец, когда бесчинствовали татары проклятые на их землях, но другого им все равно никто не оставил, а он точно знал, что негоже от своих богов отказываться, там в орде, он видел такую дикость, бесчинства и запустения, каких нигде никогда больше не бывало.

Он видел, как остановится перед папою в его величественном храме, и примет корону, раз и навсегда избрав путь для своего мир.

Согласно закивали кардиналы, как только услышали слова переводчика. Они добились своего и могли радоваться тому, что видели и слышали. Улыбнулся его сын Лев, тот, который и будет наследником всех его уделов и дел славных, но таких тяжких.

Князь резко вышел из гридни, ничего им больше не сказав, и оставил их всех там, предоставленными самим себе. Он спешил, чтобы обнять свою возлюбленную, и хоть на короткий срок позабыть о том, что совершилось здесь в этот час. Когда все решено, что судить и рядить.

Трудно сказать, что предпримет хан, когда узнает о его решении. Скорее всего, отступится, забудет, но если даже и нет, он готов был взять в руки меч свой и наконец, показать силу молодецкую.

Люди, шумевшие в гридне, вдруг замерли и прислушались. Странный вой раздался со стороны соседнего леса. Кажется, стая волков выла о чем-то дико и протяжно. Старики шептали о том, что это плохой знак, но были ли в последние годы какие-то хорошие знаки.

Утром гонец ворвался в княжеский дворец и сообщил о том, что по дороге из орды скончался князь Александр Ярославич, совсем так же, как его отец. Но никто не мог знать, что же там такое происходило.

Князь Даниил слушал гонца молча. Вечный его соперник прокинул мир. Но почему же так пусто и одиноко ему стало. Он верил в то, что накануне принял верное решение, тогда отчего тревога никак не утихала.

Мертвые никогда не оставляли в беде живых, но ему надо было готовиться к отпору, потому что за такие решения всегда приходилось плотить кровью.

В белой от снега степи, белый конь мчал своего венценосного всадника. Князь Даниил Романович возвращался из Рима. Он постоял немного, потом быстро поехал дальше.

Это был его путь домой. Король возвращался в свое королевство. Он был один в целом свете. И тревожно и страшно было за лучшего из русских князей.

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

Во мне татарского раба
увидел ты, какая блажь.
Да, Русь моя теперь слаба,
а меч твой царствует и дашь
Немного за мою главу ты,
идуший в пропасть давних снов,
Но князем я рожден, Батый,
и быть рабом я не готов.

Пусть где-то в бездне и плену
изнемогает русич вновь.
Я эту долю не приму,
со мною предки и любовь.
И свет во мраке, слышишь, хан,
Перун на небесах гремит.
Тебе я Галич не отдам,
мой глас над городом гремит.

-О, князь Роман, как грозен он,
с небес поможет мне отец,
И что там? Это сабель звон?
Начало? Может и конец.
Но этот мир татарских грез
не будет вечною мечтой,
Ты мой покой с собой унес,
но не склонюсь я пред тобой.

И пусть извечная возня
меня на запад бросит вновь,
Батый, ты не пленил меня,
мне смрадом ханская любовь
За много дней, за много лет
не будет горечи конца,
Но рабство не было и нет,
здесь на земле, где тень Отца.

Я буду в тишине ночной,
искать и выход, и покой
А ты склонился за спиной –
о, хан, не следуй же за мной.
Рассвет, покой и пустота,
и Папа Римский в гости будет
Короны, пропасть, высоты,
и жертвы мир мой не забудет

Зовет там кто-то: - Даниил,
вернись, родной, спасенья нет.
Но ханским рабом нет сил,
не буду, странен этот свет.
И там, где есть земля отцов,
Где дедов на поляне плач,
И я смириться не готов,
и мне мигает луч удач.

Пусть Александр несется в плен,
а говорили, он герой.
В тумане грез и перемен
Перун грохочет надо мной.
Мне рабства плен не одолеть,
но и склониться не смогу?
Что остается? Только смерть,
на том, на дальнем берегу.

Но где-то за границей Русь,
мой Галич смотрит сквозь туман.
- Не жди меня, я не вернусь,
и не ярись же, грозный хан.
Пусть под пятой твоей князя,
мне рабства непосилен груз,
Очнется завтра Русь моя,
вот потому за меч берусь...

В грядущем Дмитрий восстанет,
и корчится от мук Мамай,
К тебе мой Галич не пойдет,
я буду биться, так и знай.
Смотри-ка, в небесах Перун,
дружина может умереть,
Но не склониться, пусть не врут,
в сражении мы встретим смерть.

И с нами Ярослав, Олег,
и Рюрик будут биться вновь.
Не покоришь ты Русь вовек,
хотя пока над нею ночь.
Мы ждем Дажьбога в грозный час,
нас Велес в этот бой ведет.
Не покорить Батыю нас,
Пусть Русь из плаха восстает.

И снова обнажая меч,
Мы не отступим до конца,
Нам лучше в эту землю лечь,
Чем стать рабами, тень отца.
Дорогу преградила мне,
Я вижу, в ярости Роман,
Перун грохочет в вышине.
Не посрамим мы род славян.

